

**АНРИЛ
ЗЛО**

Boга.net

2016

Времени и пространства не существует. Несколько сюжетных линий, пересекающихся в одном персонаже. Несколько реальностей, образы которых сводят с ума, заставляя сомневаться в собственном существовании. Правдива ли какая-нибудь из них, или все они одинаково лживы? Что происходит с нематериальной частью нас, пока мы спим? Древние механизмы самозащиты и самообмана не позволяют этого узнать. И мы пребываем в здоровом уме...

Анрил Зло

Артерия Мирон I

Бога. net

Находясь в подвалах Инквизиции, любое живое существо хочет только одного: смерти. Извиваясь в пыточных установках, лишённые малейшего шанса на побег, они зовут её даже тогда, когда от крика остались только сдавленные хрипы — в бессвязном мычании всё равно слышатся мольбы. Мольбы не к палачам — из их душ калёным железом выжгли жалость, стёрли память, лишили всего, что определяет человечность... не к этим монстрам в приросших к лицу масках — о, нет. А к ней, Чёрной Королеве, рано или поздно принимающей в свои объятия каждое живое существо: от муравья до человека.

И она приходила... но только тогда, когда это требовалось хладнокровным мучителям, избавляющим род человеческий от скверны, уничтожая её в Священном огне или поработая разум. После очередной промывки мозгов, бывшая жертва сама становилась палачом, брала в руки оружие, убивая тех, с кем ещё вчера жила под одной крышей.

В одной из камер находилась совсем юная девушка, казалось, только недавно переступившая порог детства. Инквизиторам нет дела до возраста, пола и всех внешних составляющих подозреваемого — тем гнуснее выглядят их деяния: зачастую в мрачных сырых темницах, пронизанных кровью и болью, находились совсем дети.

Пальцы босых ног едва касались шероховатого каменного пола; руки раскинулись по сторонам, от запястий отходила прочная цепь, крепящаяся к стенам; рот был перетянут грязной тряпкой; на теле, скрываемом только рваным балахоном, виднелись кровоточащие росчерки ран, лишь малая часть которых зарубцевалась в шрамы. Белоснежные волосы доходили девушке до пят, но и их кара Инквизиции не обошла стороной: жжёные, окровавленные и слизкие от грязи, они утратили былую красоту. Голова жертвы была опущена в смирении перед предстоящей участью, и только редкие вздрагивания тела от безмолвного плача нарушали её неподвижность.

Стоило только девушке отключиться, впад в своего рода кому, как бдительные палачи ударяли хлыстом по спине, вызывая настолько ослепительную вспышку боли, что даже разум полумёртвого существа не мог игнорировать её. Раньше она вскрикивала и дёргалась, безуспешно пытаясь освободиться из железных колодок, сковывавших запястья, но иглы на внутренней стороне только больнее впивались в кожу.

Дни заточения перетекали в недели, недели — в месяцы, но для ведьмы время словно перестало существовать: каждая последующая минута подневольной жизни ничем не отличалась от предыдущей. Лишь изредка ей приносили еду или воду, от которых она отказывалась, надеясь приблизить желанное мгновение собственной смерти.

Наряду с человеческой речью она забывала собственное вековое прошлое, терялась в немом безумии, вызванном голодом, одиночеством и непроходящей болью...

Из привычного забытья её вывел лязг открывающегося затвора. Девушка с трудом приподняла голову, пытаясь рассмотреть вошедшего, но глаза, привыкшие к темноте, видели только расплывчатое пятно факела. Неужели её решили убить? В мысли прокралась робкая надежда, разрушившаяся сразу, стоило вошедшему заговорить:

— С днём рождения, ведьма.

Настойчивый звон экстренной тревоги заставил Александра очнуться от бреда давнего кошмара. Он открыл глаза, потянулся, отчего рабочее кресло протестующе скрипнуло, и, не тратя время на размышления, склонился над внутренним телефоном.

— У нас новое убийство. Команда «А», сбор в моём кабинете через пять минут, — он посмотрел на настенные часы, показывающие полчетвёртого ночи, улыбнулся. — Ладно, через десять, а то «садист-садист»...

Глава всемирно известной организации по борьбе с нечистью протяжно зевнул до хруста челюсти, размял затёкшую шею, встал, встрепенулся, сгоняя остатки сна и постепенно возвращаясь к действительности. Снова убийство, и снова по его душу — без особого возмущения *тонкого мира* датчик бы не сработал, уж больно великий ум над ним работал. Что-то подсказывало ему: обстоятельства дела нынешнего не будут отличаться от предыдущих. Зачем-то одному последователю Тёмного Надразума понадобилось проводить все эти громоздкие ритуалы, непременно заканчивающиеся смертью жертв... Что за ритуалы, Ведьмак не знал. Слишком много деталей позволяли отнести их как к одному явлению, так и к совершенно противоположному. Словом, дело ясное, что дело тёмное.

Услышав громкий стук каблуков, Александр обернулся, не желая быть застигнутым врасплох. И вовремя:

— Ты не просто садист, ты — чёртов изверг! Тиран, деспот! Сегодня воскресенье, чтоб ты знал! Вот так, умрёшь — и никакой личной жизни, — послышался возмущённый женский возглас, и вслед за этим в кабинет, освещаемый лишь парящей лампой, ворвался самый настоящий вихрь, норовящий уничтожить всякого, кто возникнет у него на пути, особенно если этот кто-то вынуждает работать без выходных.

Несмотря на то, что настроение ведьмака было отвратительным, он всё же нашёл в себе силы улыбнуться и поддержать расслабленный тон беседы: напрячься за сегодня они и без того успеют.

— Ты абсолютно права! Хуже воскресных убийств может быть только воскресный апокалипсис. И то, и другое разруливать нам, как ни крути, — Александр зевнул, окинул подчинённую в вызывающе коротком чёрном платье недобрым взглядом, сделав неутешительный вывод о её «личной жизни». — Почему в штатском, Настенька?

— Форма ещё не высохла после стирки, — она невинно хлопала пушистыми ресницами.

— А я уж подумал, ты решила развлечь покойного... или покойную, — добавил он, массируя виски.

— Ох, ты такая задница, когда мужчина! — Настя закатила глаза и устроилась в кожаном кресле, положив ногу на ногу. — То ли дело Александра, она и с работы пораньше отпустит, и не откажется зависнуть в каком-нибудь классном месте... а ты только и умеешь, что шутки свои шутить.

Александр только улыбнулся. Да, в нынешнем облики он чувствовал себя увереннее и сильнее, но в то же время быстро уставал от чьего бы то ни было общества. Вот и сейчас он с удовольствием поработал бы один, но его команда всё равно бы узнала о происшествии и придумала свой план действий, что создавало определённый риск... Поэтому, пусть уж лучше будут на виду. Доверять можно только себе.

Задумавшись, он упустил момент появления ещё одного гостя, не менее, а то и более важного вошедшей.

— Дерьмовое утро, Санёк! — Клэй поморщился, услышав ненавистную вариацию своего имени, нехотя повернулся. — О, и тебе, Настенька. Наш нравственный кастрат

окончательно упал в моих глазах... нет, босс, не смотрите на меня так, я говорю о убийце. И, кстати, убийств сегодня будет даже три. Мой датчик с ума сходит.

Значит, всё ещё хуже, чем он мог себе представить. Техника этого учёного-самоучки никогда не врала.

— Дерьмовое утро, Паш, — кивнул ведьмак. — Три воскресных убийства — это уже перебор. Собирайся.

— Я уже! — Павел одёрнул мятую и криво застёгнутую чёрную рубашку, пригладил встрёпанные волосы и деловито постучал себя по сумке с красноречивой белой надписью «Afterlife».

— За халатное отношение к дресс-коду оштрафую каждого на пол-зарплаты, — угрюмо констатировал босс. — Хотя бы куртку надень, не позорь мою организацию...

— Да она на входе, не переживай, начальник, — резво отозвался безумный учёный, не слишком спешащий лишаться половины гонорара.

— Настя, остаёшься здесь и ждёшь новостей.

— А-ага, — сонно протянула та в ответ, даже не удосужившись открыть глаза.

— А мы с тобой пойдём осмотрим всё, пока ребята из городской полиции там не наследили.

— Так... Может, сразу к Волкову?

— Это не он, — Александр нахмурился.

— Но всё же сходится! — не мог угомониться Паша.

— Именно потому, что всё так идеально указывает на него, это не может быть он. Так подставляться может только кретин, а мы имеем дело с очень сильным врагом. И уж наверняка умным.

— Ну, шеф, хоть после осмотра места преступления?.. — с надеждой спросил Павел, твёрдо стоявший на своём. Как придёт в голову какая-нибудь идея — ничем её не выбьешь. В этом весь он. Александр устало вздохнул.

— Посмотрим, — мрачно ответил он, выключая вновь оживший будильник. — У нас ещё труп, не до Волкова твоего сейчас.

Мужчина с сожалением посмотрел на кофеварку: что-то подсказывало ему, что нескоро он вернётся в горячо любимый кабинет, ох, как нескоро... Зевнув, он встряхнулся, решительно надел плащ, готовый ко всем сюрпризам только начинавшегося, но уже ненавистного дня.

Глава I

Реальное сновидение

*Разрываю зубами жилы.
Брызжет кровь, заливает глотку.
Не герои. Мы просто жили.
И помертно устроим сходку.*

*Все волнения бездне скормим,
Из земной мы выходим тверди.
Хочешь, сердце я вырву с корнем?
Для тебя мне не жаль и смерти.*

О. Эванс

Солидный лысый мужчина вбежал в спальню и дрожащими руками закрыл дверь, после чего сжал ключи в руке и, казалось, перестал дышать от страха.

Он вслушивался в тишину, остатками прогнившей души надеясь, что ему всё померещилось. Его заплывший тупостью, похотью и ложью разум не мог смириться с действительностью, идущей вразрез со всеми шаблонами.

Мёртвые не могут с довольной усмешкой разгуливать по квартире твоей любовницы, услужливо оставив её обезглавленный труп в ванной. Мёртвые не могут хохотать, говорить и красться за тобой, слившись с тенью и не отставая ни на шаг.

В том же, что парень именно мёртв, сомневаться не приходилось: Михаил лично видел, как гробовщики заколачивают крышку чёрного гроба гвоздями длиной с палец. Видел, как сухая кладбищенская земля приняла паренька в свои недра, видел эту насыпь и крест, торчащий из неё. И вздохнул свободно. Да, парень исправно выполнял свою работу и никогда не задавал вопросов, да, он принёс ему много прибыли, но было в нём что-то, отчего у наркобарона, устранившего не одну человеческую жизнь, пробежал холодок по спине.

Он думал, что смерть — это конец, не веря в бога, циклы перевоплощения и другую муть. Но шаги за дверью, грохотом отдающиеся в ночной тиши, убеждали его в обратном...

— Не-е-т, ты не получишь меня так просто, — мужчина в роскошном домашнем халате нервно улыбнулся. Не отводя взгляда от двери, он открыл шкаф, нашарив в ворохе одежды картонную коробку из под обуви, открыл её, дрожащей рукой доставая пистолет...

Практически безупречная тишина нарушилась треском стекла.

Михаил вздрогнул, с ужасом наблюдая, как циферблат наручных часов покрывается трещинами, а осколки дробятся в мелкую крошку, осыпаясь на ковёр. Секундная стрелка сделала три последних шажка, и сердце наркобарона остановилось.

Он умер. Тёмный силуэт, парящий за окном, забрал его жизнь, но мужчина этого не знал, всё ещё надеясь играть с высшими силами по своим правилам.

Михаил сел на стул, продолжая пристально смотреть на дверь и не дыша, ведь мёртвым не нужен кислород. Им вообще ничего не нужно — вот уж действительно идеальные друзья...

Дверная ручка медленно поворачивалась, словно бы насмехаясь над человеком, слепо верующим в защитные свойства дешёвой замочной скважины. Мелочь, сущий пустяк, но это окончательно сломало брыкающийся разум старого ублюдка. Михаил безумно рассмеялся, дрожащей рукой направив дуло пистолета на медленно открывающуюся дверь...

«Ты же знаешь, я уже мёртв», — прозвучал в его голове голос, веющий могильным холодом, с появлением же его обладателя на пороге комнатная температура стремительно падала, и вскоре помещение стало напоминать собой прибежище Снежной Королевы.

Оледенение брало начало под босыми ступнями некроманта, поглощая сантиметр за сантиметром и кольцом сжимаясь вокруг недышащего мужчины, отказывающегося признавать поражение.

Мертвенно-бледный светловолосый парень шагнул к беспомощной жертве, развёл руки в стороны, как для объятий, и прошептал, не открывая рта:

— Ты проиграл.

Ночную тишину пронзил оглушительный хлопок: Михаил выстрелил себе в висок, безжизненной тушей повалившись на ледяной пол. Теперь он поверил в собственную смерть, такую жалкую и нелепую, но вполне достойную дерьмовой жизни дерьмового человека.

Парень презрительно усмехнулся, с тенью мрачного удовольствия наблюдая за тем, как тело умершего покрывается инеем, неторопливо сменяющимся коркой прозрачного льда. Порыв ветра от распахнутого окна взметнул длинные, цвета снега, белёсые волосы, рассредоточив их подобно крыльям. Некромант ступил на заледеневшее пузо трупа, на стул, стол, едва касаясь поверхности, после чего, улыбаясь, шагнул в безлунную ночь, заботливо раскинувшую объятия навстречу любимому чаду.

* * *

Я сидел в мягком кресле, вслушиваясь в монотонное тиканье часов.

Тик-так, тик-так...

Края пиктограммы мерно сверкали во мраке комнаты, ожидая новую жертву. Я столько раз проделывал это, расплачиваясь по выставленным смертью счетам, что теперь каждый штрих располагался под нужным углом, а слова старинного проклятия сами соскакивали с губ. Но, несмотря на кажущуюся однообразность, перед каждым убийством я испытывал радостное возбуждение. Этот привкус страданий жертвы, ощущение её беспомощности и своей вседозволенности... это сложно с чем-то сравнить. Особенно, стоя по другую сторону жизни.

Смерть — это свобода, грань между двумя жизнями, в одной из которых ты подчиняешься правилам, а в другой создаёшь их сам.

Смерть — это награда, избавление от дерьма, сочащегося из каждой поры жизни.

Смерть — это страх, сменяющийся запредельным блаженством. Она вобрала в себя всё и ничего одновременно, она желанна и ненавистна, соблазнительна и противна... Ты можешь отрицать Бога, Дьявола, любое учение, доктрину или общечеловеческую мораль, но ты не можешь отрицать *Её*.

Как бы ты ни бегал от её когтистых лап, какую бы добропорядочную жизнь ни вёл — она всё равно придёт к тебе. В свой срок.

Был маленький человек со своими убогими целями, стереотипами, мечтами и

желаниями, а потом раз!.. и раздаётся мерный стук комьев земли о крышку гроба.

Сохрани, боже, раба твоего.

Я рассмеялся, вспомнив, как священник, ответственный за моё погребение, судорожно сжимал крест, шептал молитвы, поливал меня святой водой. Как жалко он выглядел со своей религией.

Святая вода, распятие, молитвы — они помогают только в фильмах. И только в фильмах добро побеждает зло — в реальности же зло даёт добру *видимость* победы, не лезет в громкие сражения, а просто молча делает своё дело.

Часы пробили полночь, с каждым ударом становясь всё тише. Жизнь покидала этот дом. Осталось совсем немного до полного воцарения смерти. Всего лишь прерванное существование суки, подумавшей, что она сможет жить хорошо, долго и счастливо — как все.

Я представил, как она будет молить меня о пощаде, взывать к человечности, на что я только усмехнусь, спою песню смерти и выверну весь её «богатый внутренний мир». Она будет кричать от боли, барахтаясь в собственной крови, но не сможет умереть, пока я не завершу обряд, пока я не налюбуюсь на её мёртвое, но ещё тёплое тело, окровавленное и такое притягательное...

Хорошо быть умершим, но не мёртвым некромантом. При жизни мы можем получать силу только от ритуального убийства животных: котят, щенят — в основном, их боль сильнее взрослых особей. Убийство людей — честь, доступная во смерти. В отличие от них, мы живём по высшим законам, по которым не можем убивать тех, с кем схожи по внешним признакам, находясь с одной стороны жизни.

Приблизить свой срок тоже не можем. Ждать... вот наша участь. С рождения и до перерождения.

И я ждал, день ото дня хорошенько закидываясь наркотой, отдаляясь от реальности всё дальше. Многим везёт меньше моего — смерть приходит с внешним уродством и запросто может лишит какого-нибудь куска тела. Я же абсолютно цел, разве что немного бледнее обычного.

Почему она так долго? Скоро ночь — моё время — достигнет своего пика и медленно пойдёт на убыль, а я приготовил столько сюрпризов.

Ждать, наслаждаясь внутренним светом ночи и сладостным предвкушением чужой агонии.

Она придёт. Я уже слышу её быстрые шаги по многочисленным ступенькам — лифт вышел из строя, как и все прочие достижения технического прогресса в этом доме. Она перешла на бег, подсознательно стремясь уйти от страха, но с каждым шагом всё больше приближаясь к нему.

Я поднялся, надел маску, глубоко вдохнул, стремясь успокоить сердце, одолженное у прошлой жертвы. Оно было спокойно, производя до этого всего несколько ударов в час, теперь же его удары стремительно приближались к человеческой норме.

Каждую ночь первого дня убывающей луны я живу двумя жизнями разом.

Тик-так, тик-так, тик-так, тик...

Часы замолчали, когда входная дверь распахнулась.

Переступив порог собственной квартиры, она уже умерла. Мне осталось только *убедить* её в этом.

— Миш? Ты дома? — слышался её прерывающийся от страха голос.

Да, дома... у твоей подружки, захлебнувшейся в ванне со щёлочью. Не переживай, о нём я уже позаботился.

— Алло? Я не могу до тебя дозвониться, Миш... Мне страшно здесь одной, приезжай как можно скорее... — под конец её голос сорвался на шёпот. Шорох шагов остановился всего в нескольких сантиметрах от двери, разделяющей нас.

Давай, будь хорошей девочкой, поверни ручку и встретись со своей судьбой.

Дверь медленно открылась, явив моему взгляду испуганную беременную женщину. Две жизни разом, одна из которых принадлежит ещё не родившемуся ребёнку — этого мне уж точно хватит надолго.

Она пыталась закричать, но страх сковал так, что та не могла ни пискнуть, ни пошевелиться. С распахнутым в немом крике ртом она смотрела на меня, стоящего в центре яростно горящей белым пламенем пиктограмме, расположенной прямо на полу её гостиной.

Она хотела бежать, звать на помощь, но не могла. Мы в упор смотрели друг на друга, практически не дыша: она — от ужаса, я — в предвкушении.

— Идём, я покажу тебе смерть, — ровно сказал я, протянув к ней руки в чёрных перчатках, символы на которых сверкнули тем же голодным светом, что и пиктограмма у ног.

— Ты пришёл за мной... — с ужасом прошептала она, вопреки воле делая шаг, второй, третий.

— Смотрю, ты хорошо без меня устроилась: пролечилась от наркозависимости, залетела от богатого ублюдка-дилера, женила его на себе и теперь живёшь, как подобает дорогой шлюхе, — с нескрываемым презрением я поднял её голову за подбородок, заставив смотреть себе в глаза.

— Ты умер.

— Спасибо, что просветила, а то я и не знал, — рассмеялся её наивной человеческой глупости. — Для некроманта умереть — всё равно, что сходить за хлебом через дорогу.

— Почему ты просто не оставишь меня? — в её голосе промелькнула надежда...
Забавно.

— Мне нужно больше силы, чтобы подарить свободу... всем. Смотри, что у меня есть для тебя, — свободной рукой достал из кармана бренок шприц, заполненный нашей общей отравой. Синтоин — доступная практически каждому модификация героина, отличная от него по цвету, вкусу и запаху. Да и по действию — тоже. Сносит крышу гораздо сильнее. При виде него страх во взгляде старой знакомой сменился жаждой.

Бывших наркоманов не бывает. Даже когда им есть, что терять — мозг и тело помнит незаслуженный кайф и никогда не откажется от повторения. Спасти может только железная воля, но уж точно не в её случае. Как верно я всё рассчитал...

— Ты ведь хочешь этого даже сильнее, чем раньше, — она судорожно кивнула, облизнув губы. Я усмехнулся: всё оказалось даже проще, чем я думал. — Сначала предплата, дорогая, — я с силой приложил её о землю, равнодушно наблюдая, как она пытается подняться. Схватил за длинные рыжие волосы, оставив перед собой на коленях, расстегнул ширинку, освободив возбуждённый член от натирающей ткани. — Давай, удовлетвори меня, как раньше. Вспомни, как, обдолбавшись, ты отсасывала дилеру и надрачивала его друзьям, пока ещё двое долбили тебя сзади. Сегодня я твой дилер.

Она сжала член у основания, проталкивая в рот и глотку. Я прикрыл глаза, оттянул ей

волосы, добившись стонов, приятной вибрацией разнёсшихся по телу.

Вверх-вниз, то быстро, то медленно, сводя с ума и заставляя чувствовать жар в давно остывшей коже. Не потеряла навыка, шлюха... За дозу готова пойти на всё, что будет угодно. Мне. А после неё умирать ей даже понравится.

Я грубо насаживал её, чувствуя приближающуюся разрядку. Да, в жизни есть свои плюсы...

— Глотай, — отрывисто сказал я, видя, что она пытается вырваться. Кончил ей в рот, удовлетворённо наблюдая, как она послушно исполняет сказанное. — Хорошая девочка, — усмехнулся, погладил её по голове.

— Ты обещал... — дрожа, напомнила она, окончательно осев на пол.

— Я помню, — равнодушно ответил я, заправляясь. Приведя себя в порядок, небрежно кинул ей шприц. Надо сказать, вся эта людская дрянь вставляет только при жизни — я пробовал. Но она ещё не знает, что умерла, и к тому же память достаточно сильна. Так что план не должен провалиться.

Дрожащими руками поймав драгоценный наркотик, она, за неимением жгута, просто сжала ладонь в кулак, откачала воздух из шприца и, зажмурившись, проткнула чётко очерченную вену на сгибе локтя, еле слышно постанывая от боли и накатывающего экстаза.

Я с интересом наблюдал за ней, вспоминая, как целую жизнь назад делал то же самое. Помню, как это было, пытаюсь уцепиться за эти ощущения, но бесполезно: они невозвратно остались там, в мире живого, предоставив мне только довольствоваться обедами.

Единственное, чего я хочу — убить её, выпить всю её жизнь, без остатка. Разорвать плоть, упиваясь кусками ещё тёплого мяса.

— Дай... ещё, — умоляюще прошептала она, подползая ко мне на коленях и взирая широко распахнутыми глазами, в которых зрачок заслонил собой всю радужку. Не хило же её вштырило.

Завидую.

— С тебя хватит, — я брезгливо отдернул ногу, наблюдая за наглядной деградацией человека в животное, способное думать только о собственном удовольствии. Теперь, когда ей двигало желание обколоться в говно, она стала... человеческой самкой. Все маски приличия и добропорядочности сняты, под ними осталась только её истинная сущность.

Натуральная блядь, только и умеющая, что отсасывать и давать всем, кто платит. Примитив. Планетка ничего не потеряет, когда она перестанет коптить небо. Хорошо, что необходимая мне сила не зависит от культурного содержания особи. Иначе пришлось бы голодать.

— Да-а, ты пра-а-в, — протянула она, запрокинула голову и расхохоталась, безмятежно упав на спину аккуратно в середине пиктограммы и смеясь ещё громче.

Я скрипнул зубами, отошёл к аккуратному письменному столу прямоугольной формы, стоящему у окна, занавешенного безвкусными жалюзи.

— О-ой, а что это ты делаешь? Будет весело?

— Непременно.

Мне — так уж точно.

Аккуратно развернул свиток из бычьей кожи, любясь на собственную коллекцию жертвенных кинжалов, лезвий, пыточных орудий, которым мог бы позавидовать любой средневековый инквизитор. Хах, вот ведь ирония: часть из них я действительно нашёл в

старых католических захоронениях. Бога нет, в загробной жизни им это точно не понадобится, так зачем же пропадать добру?

— Эй, ну где ты? Посмотри, какие наверху красивые волны! — она снова рассмеялась, ещё больше взбесив меня. Ненавижу смех. Радость. Счастье. Безмятежность. И любовь которой люди оправдывают примитивное желание совокупляться.

— Ты смеёшься последний раз.

— Правда? А почему? — глупо спросила она, пытаясь подняться, но тело больше не слушалось её команд. Снова упав на лопатки, рыжая рассмеялась, вырисовывая в воздухе какую-то причудливую хренотень, до которой мне нет дела.

— Потому что ты умрёшь.

Я встал над ней, вытянул руку в сторону, через мгновение ощутив в ней приятную тяжесть. Сжал упругую рукоять раздвоенного, чуть закруглённого на концах клинка, улыбнулся, чувствуя затылком одобрительный взгляд Госпожи.

Она пришла. Теперь можно начинать.

Я перекинул нож в левую руку, освободив правую для ножниц, с характерным лязгом закрывшихся на моей ладони.

В комнате повисла благодатная тишина, хотя большинству она наверняка показалась бы гнетущей. Люди не просто любят шум — они жить без него не могут, сразу же чувствуя себя неудобно и вздрагивая от каждого шороха.

При жизни они все от чего-нибудь зависимы, и только смерть делает их по-настоящему свободными. Смерть — лучшее, что происходит с человеческой жизнью. Впрочем, как и с любой другой.

«Кончай философствовать. Твоё время на исходе», — напомнил я сам себе, глянув на девушку, застывшую в экстазе.

— Ахшалас хорахши сиххоррох асс, ахшалас хорахши сиххоррох асс, ахшалас хорахши сиххоррох асс... — прошептал с закрытыми глазами, настраиваясь на родную энергию некротики. По спине пробежался приятный холодок, знаменуя успех задуманного. Чёрная энергия окутывала снаружи, постепенно просачиваясь и внутрь через каждую пору кожи.

Запредельно.

Наполнившись до краёв, я оглядел руки, отмечая вокруг них подобие ауры — чёрного света, сияющего изнутри, отчётливо видимого даже в темноте комнаты. Я оставил ножницы с кинжалом висеть в воздухе — их время будет немного позднее, — раскинул руки, вывернув их ладонями вверх.

— Рэтсти кшхнаала эйэххнтш си, — размеренно произнёс я, выделяя каждое слово. По пальцам рук, за исключением большого, прошёлся нестерпимый жар; я перебрал ими, развернул ладони от себя, встряхнул их, заставив враждебный огонь зажечь свечи, стоящие между рогами козлиных черепов — дань давнему другу Госпожи.

Беспроглядная темень, в которой даже я видел все отдалённые предметы в чёрно-белых тонах, стала обыкновенным, даже домашним полумраком, привнесшим в комнату, где должно свершиться освобождение, цвет и свет.

— Дртшаали соотем, — мерно произнёс я, снимая с засыпающей девушки платье и бельё.

— Ох, ты так быстро, может, познакомимся для начала? — она очнулась, резво и с неожиданной силой перехватив мои руки.

Влившись в некромагический поток, я уже не мог говорить на языках живых. Ничего не

ответив, я попросту вывернул её руки за спину, с мрачным удовольствием отметив хруст костей, оставшийся незамеченным обдолбанным разумом самки. Не могу называть её как-то по-другому.

Стянул запястья её же платьем — просто кусок ткани, не достигающий до колен. Свою новую функцию оно выполняло хорошо, даже лучше исходной.

— Что ты...

— Кхэрста, — не выдержал я, пуская в ход драгоценные частицы силы. Теперь она не будет отвлекать меня своей болтовнёй, хотя особенно болтливым людям предпочитаю сразу отрезать язык. Сила — в избытке, время — в недостатке, а потому трата тёмной энергии по такому пустяку скорее необходимость, нежели расточительность.

Я почувствовал *Её* немое согласие. Всё остальное не имеет значения.

— Ахшалас хорахши сиххоррох асс, — снова повторил я. — Немири экшенс ладэйн вици.

Теперь, закрыв глаза, я видел перед собой другую сторону мира, недоступную человеческому восприятию. Видел не форму, а содержание — потоки энергии, пропитывающие каждый предмет, не только живой. В местах долговременного пребывания людей у неодушевлённых предметов появляется память — позитивная или негативная. Сама по себе неживая материя не имеет какой бы то ни было энергетики — она пуста, а, следовательно, может принимать её безгранично.

Примитив, ничего интересного.

Гораздо важнее биоэнергетика, заключённая во всём остальном. Из всех доступных источников силы она наиболее красива, мощна, легка для получения и в то же время непостоянна и практически неуловима для малоопытного взгляда.

Особенно прекрасна энергия умирающего, соединяющая в себе потоки жизни и смерти, плавно переходящие один в другой. Завораживает.

Перед собой я видел не обнажённую девушку — это форма, за восприятие которой отвечают обычные человеческие глаза.

Я повернул её лицом к себе, опустил на пол и положил ладонь левой руки туда, откуда берут начало многочисленные энергетические нити, то исчезающие, то появляющиеся, отчего создавалось ощущение мерцания. Они бесцветны и одновременно вмещают в себя все существующие оттенки.

Я видел свет и тьму.

Я видел основу всего.

Она есть в каждом человеке — от бомжа до олигарха, она связывает эту расу со Вселенной, делая её частью.

Но у меня — нет.

Правой рукой сжал рукоять клинка, чувствуя левой отголоски энергии, которую почему-то не мог собрать... Кожа. Нас разделяет кожа.

Я сжал в руке прозрачную оболочку, дёрнул, но та не поддалась.

Ненавижу! Почему эта сила в свободном доступе есть даже у последней шлюхи, а мне приходится убивать за неё? Загнутым концом ножа поддел едва видимую оболочку, сделал длинный разрез, слыша приглушённый крик откуда-то из другого мира.

— ПОЧЕМУ, ГОСПОЖА? — с яростью заорал я, разорвав упругую структуру вдоль линии среза.

С остервенением разрывал плоть, расшвыривая куски по сторонам. Скоро, совсем

скоро... жажда выжигала изнутри, я с рыком вгрызся в сочащееся чёрным волокно — наверное, это мясо, но мне глубоко насрать. Зубами и пальцами я приближал долгожданный момент, пока мощный поток чистой энергии не сбил меня с ног.

Я жадно вбирал её в себя, бился в сумасшедшей агонии, непрерывно хохоча, мечтая, чтобы это длилось вечно, но...

Всё закончилось так же резко, как и началось. Я открыл глаза, рывком поднялся, работая как на автопилоте, отработанным жестом вырвал сердце из дёргающегося в конвульсиях окровавленного тела, немного сжал, смотря как оставшаяся кровь спокойно растекается по руке.

— Некхраста теера йестшин хичи, — с этими словами я положил сердце в ларец, руны на котором сверкнули ослепительным светом.

Упокой, господи, душу усопшей рабы твоей.

Не закрывая ларца, я снова склонился над бездыханным телом. Эйфория постепенно угасала, сменяясь холодным осознанием всемогущества.

Ножом, похожим на хирургический скальпель, разрезал полость живота. Жизнь нерождённого ребёнка ценилась ещё больше, и я не намеревался отказываться от такого подарка судьбы. Пальцами раздвинул кожу и лежащие под ней мышцы, сделал поперечный разрез на матке, после чего вскрыл плодный пузырь и изъял младенца, жизнь в котором сохранилась только на энергетическом уровне.

Успел.

— Некхраста теера йестшин хичи.

Перерезал пуповину и погрузил плод в ларец крупнее...

Упокой, господи, душу раба твоего.

...здесь энергия не улетучится, я займусь им позднее. Время ночи на исходе, нужно спешить. Тем более соседские недоумки уже вызвали полицию — кажется, эта самка слишком громко орала.

Захватив с собой только добычу и инструменты, я кивнул Госпоже, чей тёмный облик поглощал лунный свет, окинул комнату прощальным взглядом и довольно ухмыльнулся, предвкушая людскую ненависть к своей персоне и ступор правоохранительных органов.

Я мёртв. Мёртвые не оставляют следов, которые способна распознать дактилоскопическая экспертиза.

Ведь смерть — это свобода.

Упокой, господи, души усопших рабов твоих.

Глава II

Враг всего

*Я — враг всего,
Моя жизнь не продается,
Мое сердце всегда будет бороться.
Что еще ты можешь у меня забрать,
Если не было ни одного дня,
Чтобы я не сражался за жизнь?*

Motionless In White — Devil's Night (rewriting)

Всю ночь Джей провёл в бреду, не двигаясь и едва дыша: тело, в отличие от буйствующего разума, оставалось мертвецки спокойно, пока он, будучи жадным до крови психопатом, расправлялся с очередной троицей неугодных людей.

Несмотря на то, что проспал он приблизительно часов двенадцать, неформал не чувствовал себя отдохнувшим — напротив, он подавлен и разбит, а от навязчивых видений тянет как следует проблеваться. Сев на кровати, юноша раз за разом прокручивал ночной бред, всё больше и больше веря в то, что это происходило на самом деле. Каждый такой сон на шаг приближал его к сумасшествию, и если бы не работа, подразумевающая какие-никакие коммуникации с внешним миром, то сидел бы он, на радость папочке, в мягкой комнате какой-нибудь задрипанной психушки.

Жив или мёртв? Волков судорожно нащупал пульс на левом запястье и облегчённо вздохнул. Жив. Живее всех живых.

Встав с кровати, Джей открыл окно, надеясь, что холодный воздух пасмурного октябрьского утра приведёт его в чувство. Руки предательски дрожали — перед глазами всё ещё стоял вывороченный труп, он отчётливо помнил, как вот этими пальцами...

Всего лишь сон. Последствие совмещения триллеров с наркотой. Шутки подсознания, решившего наполнить жизнь хозяина если не смыслом, то хотя бы кошмаром. И с каждым разом ему это удаётся всё лучше, каждый последующий бред забыть сложнее предыдущего, наркотики же только обостряют восприятие ситуации.

Ледяной ветер пронизывал случайного прохожего до мозга костей, но ему не холодно — только гадко и мерзко, и даже не от ночных образов, мутнеющих в тусклом свете утра, а от самого себя, от того, насколько низко он пал и как бесполезно его существование.

Семья отвернулась от него как раз тогда, когда ещё можно было что-то исправить банальным разговором «по душам» и применением силы к нужному месту, но, увы, его переходный возраст, пик формирования личности пришёлся на период рождения младшенького и заботы о нём же, этом маленьком ублюдке. Они посвящали тупому куску плоти всё свободное время, махнув рукой на все проблемы старшего и заменяя родительскую любовь деньгами.

Что станет делать шестнадцатилетний парень, заполучив неограниченную свободу и кучу денег? Верно, захочет играть во «взрослые» игры, бросаясь из крайности в крайность и, в общем-то, весело проводя время.

Сначала безобидное внешнее самовыражение: тяжёлый рок, бритые виски, цепи, черепа, шутки, сдобренные сарказмом и чёрным юмором; всё в нём говорило: «Смотрите, я особенный, а вы просто толпа!»; люди же имеют обыкновение отворачиваться от личностей, действующих в противовес их шаблонным стереотипам, привитым родителями, друзьями, телеком и интернетиком. У него не было и нет друзей. Всем, кто ошивался неподалёку, нужны были только деньги и оргии с дорогими шлюхами, наркотиками и соответствующей музыкой.

Время неумолимо шло, *внешние* изменения перешли во *внутренние*, дойдя до пика в студенческую пору. Он выражал протест всем светлым установкам человечества: любви, богу, морали, пропагандируя ненависть, веря в Дьявола, издеваясь над людьми и животными, причём не видя между ними особенной разницы. Его ненавидели, боялись, презирали, но неукоснительно делали всё, что он скажет, небезосновательно опасаясь за собственную шкуру, зная, что с его деньгами ему сойдёт с рук даже убийство. В грязную эпоху двадцать первого века не существует ничего, что нельзя было бы купить или продать.

Ему нравилось видеть, как пачка денег ломает все их драгоценные принципы, заставляет предать мечту, что же до него самого — он ничего не хочет, ни к чему не стремится, в его руках все пороки мира...

Вот только и они приелись.

Изо дня в день он подвергал свою жизнь опасности, ему нравилось бороться за существование, выживать, и в моменты, когда по крови гулял адреналин, он чувствовал себя по-настоящему живым. Игры со смертью доставляли ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

Но потом... опостылело и это. Из-за злоупотребления всякой дрянью вроде наркотиков и алкоголя он постепенно слабел, скорость реакции уменьшалась, силы сходили на нет, а сам он часто выпадал из реальности — яд уже добрался до мозга. Жить же, чёрт побери, хотелось.

Ему двадцать семь, у него неоконченное медицинское высшее, работает он барменом в клубе неформалов, день ото дня бессмысленно прожигая жизнь и ненавидя себя много больше, чем всех этих лицемеров вокруг. Отец давно перекрыл ему доступ к счетам и запретил когда-либо появляться на пороге собственного дома — когда Джей был ребёнком, тому было просто насрать, теперь же он считает его позором всего рода и предпринимает попытки избавиться чужими руками. Конечно, лишение денег стало сильным ударом по яйцам, но, шантажируя младшего, в котором воплотился типичный образцовый ботаник — гордость папочки, Джей решил эту проблему. А киллеры придают его прогнившей жизни какую-то особенную остроту, вынуждая воспринимать каждый день как последний.

Он стал тем, кем сделала его жизнь. Думал, что плывёт против течения — на деле же просто стоял на месте. Без амбиций, развития и будущего, разрываемый внутренними противоречиями, он сошёл с ума.

Джей задумчиво смотрел на полуденную суету мира, от пронизывающего ветра глаза слезились, но холода он по-прежнему не чувствовал. Впрочем, как и всего остального. Кто бы мог подумать, что из милого мальчика вырастет такая циничная сволочь? Самый простой выход из никчёмной жизни — бросить всё и тихо сдохнуть, но Джей не искал и не ищет лёгких путей, продолжая жить. Назло врагам и самому себе.

Волков закрыл окно, медленно, как будто в полусне, дошёл до ванной, сполоснул лицо горячей водой, посмотрев по привычке на стену, где ещё два дня назад висело зеркало. Его

постигла та же участь, что и все остальные: покрылось трещинами, не стесняясь взгляда хозяина квартиры, после чего так же невозмутимо мелкими осколками обрушилось в раковину и на пол. Он чудом успел отскочить, и всё же левое плечо рассёк случайный обломок крупнее предыдущих. Останься он на месте — его бы проткнуло в нескольких местах. И теперь, когда зеркала его невзлюбили, Волков попросту забил на них. Тем более ему и самому не нравился тот мрачный тип, от одного вида которого и без того поганое настроение стремилось к абсолютному нулю по Кельвину.

Джей едва успел надеть джинсы, как в дверь настойчиво позвонили. Хмыкнул, невозмутимо застегнув ширинку, гадая, на что в этот раз пришли жаловаться соседи снизу — если ты не жилец этого дома, то попасть в подъезд, минуя видеофон, невозможно, — больше соседям неоткуда взяться, так как его скромное пристанище занимает весь последний этаж.

Позвонили ещё раз.

— Дьявола ради, кого там принесло? — простонал Джей, чувствуя, как головная боль нарастает с новой силой.

— Кто? — с нескрываемым раздражением в голосе спросил он, дойдя до двери.

— Полиция, — ответил ему ровный мужской голос. Джей включил изображение с камеры и придирчиво осмотрел копов: всего двое, один щуплый дрищ в очках с лихорадочным блеском в глазах, второй походил скорее на его клиента, нежели сотрудника полиции — чёрные волосы длиной чуть ниже плеч стянуты в хвост, из-под расстёгнутого плаща видна цепь со странным черепообразным медальоном. Интересные ребята, но ничего серьёзного.

— Иди к чёрту, полиция, я не затапливал тех ублюдков.

— Андрей Волков, Вы находитесь под подозрением в тринадцати убийствах, и если сейчас же не откроете дверь, то я буду вынужден выломать её.

— А силёнок хватит? — саркастически осведомился Джей.

— Можешь не беспокоиться, — холодно ответил мужчина в плаще, вперив недобрый взгляд в скрытую камеру, так что Волкову осталось только позавидовать такому хорошему зрению.

— Мы ещё не пили, а уже на «ты»? Иметь дело с полицией Российской Империи — одно удовольствие. Убивал бы и убивал, — с этими словами неформал всё-таки открыл дверь. — Ваши документы, ребята, а то что-то вы не особо смахиваете на полисмэнов. Особенно ты, в плаще.

— Александр Клэй, генерал полиции двенадцатого отделения города Москвы, — перед носом Волкова появилось соответствующее удостоверение. Убедившись в истинности сказанного, Джей кивнул, несколько обалдело: нечасто его скромную обитель посещали генералы. Что же он, по их мнению, совершил? Рассудив, что обвинение не заставит себя ждать, он перевёл взгляд на второго, что в реальности выглядел несколько лучше, чем на экране — не таким доходягой.

— Что насчёт тебя, очкарик?

— Штраф за оскорбление государственного служащего! — праведно возмутился Паша, поправляя очки, придающие ему умный вид, да и вообще смахивал он больше на учёного... Таких щупленьких ребят не берут в имперскую полицию. Строгий фэйс-бицепс-контроль, чтобы оправдывать статус сверхдержавы даже в таких мелочах.

— Не увлекайся, — шикнул Клэй на подчинённого, тщетно примеряющего на себя роль полицейского. — Отклоняется.

— Павел Анатольевич Шульгин, младший лейтенант... — он начал судорожно рыться по многочисленным карманам в поисках документа, и от грозного взгляда шефа зашевелил руками с прямо-таки космической скоростью. — Босс, глубоко вдохните, выдохните, сосчитайте до десяти... — Паша медленно отходил, стремясь оказаться как можно дальше от сурового начальника.

— Ты же не оставил его на месте преступления?

— Вы как всегда правы, генерал!

— Кретин... — Александр провёл ладонью по лицу, словно бы извиняясь за подчинённого.

Джей молча забавлялся происходящим — такие беспорядки в госструктурах встречаются редко, поэтому, созерцая их, внесистемщик-неформал испытывал особое садистское удовольствие.

— Приношу свои извинения...

— Да ничего, продолжайте, я только за попкорном сбегаяю.

— Если куда-то и «сбегаешь», то за одеждой, после чего мы отправимся в отделение и продолжим беседу там, — Александр вошёл в квартиру, Паша тенью последовал за ним, Джею же осталось только хмыкнуть и поджать губы от такой наглости, хотя в голову проникла совершенно безумная идея...

— Закрываешь дверь и отдаёшь ключи мне. При попытке бегства буду стрелять на поражение, — Джей почувствовал, как ему в затылок упёрлось что-то холодное, и он отлично понимал, что: сам неоднократно приставлял дуло пистолета, если какой-нибудь идиот отказывался действовать добровольно.

— Блять, мент, ты меня раскрыл, — Джей рассмеялся, закрыл дверь и, не оборачиваясь, передал ключи полицейскому. — Кстати, отчество где забыл?

— Отродясь не было, двигай давай.

— Хах, очередной приезжий, — Джей презрительно усмехнулся, возвращаясь в спальню. При виде собственной кровати он вздрогнул, вспоминая ночные кошмары, поспешно отвёл глаза, и тут до него дошло...

— Убийств было десять, — холодно заметил он. Интернет в изобилии пестрел жуткими кадрами каждой вывороченной жертвы, всю Империю сковало напряжение, в некоторых районах Москвы введён комендантский час, и каждый в городе как на иголках. С одной стороны думает, что это его не коснётся, но с другой... всё может быть.

— До сегодняшней ночи, — Павел поправил очки, заинтересованно оглядывая комнату, выполненную в бело-чёрных тонах.

Волков замер.

— Жанна Лукьянова, Михаил и Ирина Калинины? — хрипло спросил он, наплевав на то, как всё это выглядит со стороны. Пусть обвиняют его в чём хотят — ему *важно*, нет, он *должен* знать!

— Ага, вспомнил! Я же говорил, это он! — торжествуя воскликнул Паша, на что Александр только укоризненно покачал головой. Если бы всё было так просто...

— Да. Умерли именно в таком порядке.

Джей побледнел, закрыл глаза и облокотился о шкаф, не чувствуя твёрдости в ногах.

Не сон.

— Я помню их смерти... до последней мелочи... — прошептал он, тяжело дыша. Александр кивнул в ответ на вопросительный взгляд Паши, положил руку на плечо

обвиняемого, норовя привести того в чувство, но Джей яростно скинул её. — Но я не убивал, слышите вы, не убивал! — заорал он, схватившись за голову. Сон, ставший таким далёким и призрачным, проявился с ещё большей ясностью, чем после пробуждения. Он помнил... и не только то, что происходило, но и собственные мысли, полные маниакальной жажды убийства. Помнил мягкие прикосновения смерти, снимающие агонию и усталость, помнил потоки энергии, помнил, как разрывал зубами плоть...

Он упал на колени, его рвало.

...помнил, как сжимал в руке ещё тёплое сердце, и как по руке змеилась чужая кровь...

Кто-то придерживал его за голову и плечо, не давая упасть в собственную блевотину, кто-то что-то кричал, но слов не разобрать: разум Джея, охваченный реалистичными кошмарами, воспринимал действительность будто сквозь толщу воды, и действительно, реки сознания уносили его всё дальше.

...помнил, как прятал свои трофеи в местах силы...

Какой?

...помнил, как проверял сохранность каждого из них, и с каждым новым ларцом вспоминал процесс умерщвления очередной жертвы, тот экстаз, что кроет сильнее всех наркотиков мира, почти райское блаженство...

Моя Госпожа, верный слуга твой, обретший жизнь после смерти, вызывает к тебе.

...помнил материнскую заботу женщины, сокрытой в ночи. Нет, она и сама ночь...

Почему я лишён того, что у них в избытке?! Почему ты заставляешь меня добывать это и оставлять себе? Одно твоё слово, и моё жалкое существование прахом осыпется у твоих ног.

— Кто я? — еле слышно прохрипел Волков, держась за чью-то руку на своём плече. — Кто... я? Кто, кто, кто! — в исступлении повторял он, стремясь разглядеть того, за кого вцепился с таким отчаянием, будто это его единственный шанс спастись.

— Ты — Андрей Волков, подданный Российской Империи. Борись.

Знакомое имя... Неформал мысленно ухватился за него, повторяя как молитву, убеждая в этом сознание, ушедшее так далеко. Он не психопат, всю жизнь и смерть жаждущий крови, он просто человек, не самый лучший, откровенно говоря, полное говно, но всё же человек.

Человек, который просто хочет жить.

Глава III

Место смерти

*Свет в конце тоннеля, перемены,
Нечего обещать.
Мне никак не сбежать,
И я лишь пытаюсь дышать.*

Five Finger Death Punch — A Place to Die

Серый коридор, казавшийся бесконечным, резко сменился мрачной панорамой заброшенного кладбища. Джей бесцельно бродил среди обшарпанных надгробий под тусклым небом, что заволокли беспроглядные тучи, готовые вот-вот разразиться дождём.

Он понимал, что не должен быть здесь, чувствовал, как это место давило на него, сравнивая с землёй, но... не мог сопротивляться: на попытки вспомнить что-нибудь сознание отзывалось глухой пустотой. Оно сдалось, рекомендуя хозяину поступить так же, и он чувствовал, что вот-вот поддастся безмолвным уговорам. Единственное, что его останавливало — понимание неправильности происходящего, не должно так быть, не должно, чёрт возьми!

Почувствовав усталость в ногах, неформал присел отдохнуть на обвалившееся надгробие из чёрного мрамора. Он тупо смотрел перед собой с несвойственным спокойствием во взгляде.

Народный опыт говорит: «В любой непонятной ситуации устройся поудобнее и просто жди: ебануть должно минут через пять». Вернее, в оригинале-то оно, конечно, звучит по-другому, но этот вариант Андрея вполне устраивал: как-никак, первая дельная мысль, пришедшая в этом стрёмном месте. Хороший знак. Видимо, в его жизни было ещё что-то, помимо серых стен, перекошенных надгробий и кладбищенской грязи, осевшей на высоких чёрных сапогах.

Он даже выдавил из себя кислую улыбку, выглядя при этом так, будто мучился от заворота кишок.

«Говно-день» — такое явление с ним уже приключалось, он припоминал похожие ощущения, но с тем, что их вызывало, всё гораздо сложнее.

— Раз-раз, проверка связи, — раздался ровный голос над выжженной кладбищенской пустошью.

— Ага, — лениво отозвался Волков, даже не удосужившийся обернуться или выказать малейшее удивление.

— Ты хорошо меня слышишь?

— Ну, говори уже. По всем законам жанра, ты должен сказать мне, как выбраться отсюда и вернуть себе память, — он перевёл взгляд на грозное, почти чёрное небо. — И лучше до того, как погодка разыграется.

— Знаешь, а ведь я могу уйти домой и спокойно попивать чаёк, пока ты подыхаешь.

— Заебись, я бы так и сделал, — Джей одобрительно хмыкнул. — Но я зачем-то тебе нужен, так что никуда ты не уйдёшь, пока я не выберусь отсюда. Просто ждёшь, что начну

тебя умолять.

— Какая пронизательность. Хватило бы и простого «спасибо».

— Ничего, переживёшь. Давай не будем тратить время друг друга, — Джей лёг на могильный камень, подложив ладони под голову, так как известному месту сидячее положение на твёрдой поверхности явно пришлось не по вкусу.

— Всё, что ты видишь, существует только в твоём подсознании, но всё равно старайся запоминать... Особенно если появятся какие-нибудь живые существа. Сложно объяснить, но ты сам себе даёшь подсказки, хотя по причине отличия структурной организации подсознания от сознания, ты будешь думать, что всё это бред, — лаконично закончил голос.

— Твои слова ещё больший бред. Убери теорию и своё мнение — мне нужны голые факты и практические советы, — он ухмыльнулся, положив ногу на ногу.

— Ты лежишь на диване в собственной гостиной. В коме. Мы вкололи препараты, ускоряющие кровообращение и повышающие общую мозговую активность. Я вмешиваюсь в твоё сознание, чтобы ты не свихнулся от резкой смены реальностей и потока ложной памяти.

— Ага, — неформал подавил зевету, удивляясь тому, насколько ему всё безразлично. — А мне-то что делать?

— Ждать. Лучше всего не двигаясь и думая как можно тише. В противном случае будет хуже только тебе.

— Ну, с думаньем проблем не возникнет. Последний вопрос: ты видишь то же, что и я?

— Нет. Чудо, что мы вообще можем разговаривать. Видать, сильно тебя припекло.

— Наверное. Ладно, иди, занимайся моими делами, — Волков расслабленно прикрыл глаза, пытаясь наслаждаться бездельем, но не тут-то было: вопреки всем законам физики, камень, на котором он лежал, поднялся, скинул с себя парня и мелкими камешками обрушился на него. — Эй! — он едва успел прикрыть голову.

— Что, не нравится, принцесса? — в голосе отчётливо послышался сарказм.

— Съеби, — отрезал Джей, потирая ушибленные места.

Голос разом смолк, снова оставив Джея наедине с кладбищенскими просторами. Неформал начал отряхиваться, как вдруг услышал пронзительное карканье.

Первый признак жизни.

— Эй! Пойду поговорю с птичкой, не теряй, — крикнул Джей и пошёл на звук. Птица будто издевалась: пронзительное «кар-кар» доносилось отовсюду. Иной раз он определялся с направлением движения, но уже через пару минут, чертыхаясь, шёл в другую сторону. Вправо... нет, не там! Влево... опять не туда! При этом он не забывал спотыкаться чуть ли не на каждом шагу, так что вскоре бессмысленное хождение вокруг своей оси ему надоело, и в итоге Джей решил просто идти прямо. Будь, что будет.

Испещрённые глубокими бороздами надгробия, скошенные кресты, земля и небо — всё это слилось для него в одну серую массу, в очередной раз вынуждая проклинать чёртов мир. Даже в собственной башке он не может обойтись без мрачных приключений — одно веселее другого.

В очередной раз напоровшись на серый булыжник, Джей остановился.

— Где ты, мать твою?! — в гневе выкрикнул он, трясая ушибленную ногу. Разнообразия ради, он мог бы хоть боль не чувствовать, так нет же — максимальное приближение к ненавистной реальности. Страдай, мучайся, чувствуй себя говном — всё как обычно, в общем.

— Кар-кар, блять, — неформал мрачно поприветствовал белого ворона, насмешливо смотрящего на него чёрными глазками. Он сидел на высокой могильной плите мраморной фактуры с таким невозмутимым видом, будто всегда был здесь, прямо перед носом поехавшего крышей парня.

Птица в ответ каркнула протяжнее обычного и заинтересованно наклонила голову вправо, как будто и в самом деле могла понимать человеческую речь. Решив, что это уже ни в какие ворота, Джей наклонился за камнем — не всё же спотыкаться, можно и живность пострадать — но когда поднялся, то диковинного ворона уже и след простыл, а белое перо, словно в насмешку, медленно падало к его ногам.

— Просто блеск, — раздражённо констатировал Волков.

Он огляделся в поисках сидячего места — гордость не позволяла ему продолжать бессмысленную погоню — как вдруг его взгляд натолкнулся на статуи, изогнувшиеся в слишком уж причудливых позах. К тому же, он мог поклясться: секунду назад их здесь не было.

И они двигались, двигались, будь он проклят!

Подстрекаемый банальным человеческим любопытством, Джей осторожно, прячась за памятниками, приближался к странным объектам. При близком рассмотрении он окончательно отказывался подвергать происходящее трезвому логическому анализу — это невозможно, когда двигающиеся статуи и не статуи вовсе, а люди, залитые серебром. И не просто какие-то там незнакомые — это он ещё мог бы понять. Эти люди — он сам. Причём каждый из них настроен враждебно по отношению друг к другу.

Солнце, ненадолго выглянувшее из-за туч, яркой вспышкой отразилось от посеребрённых тел, и неформал на несколько секунд лишился представления о происходящем, часто моргая и утирая выступившие в ответ на раздражение слёзы. Когда он снова сфокусировался на двойниках, то даже вздрогнул от того, насколько неожиданная, пугающая картина предстала перед ним.

Один из них распластался на идеально ровной каменной поверхности, выглядевшей как специальная арена для бойни или место массовых жертвоприношений. Второй, ничем не отличаясь внешне, стал полноправным хозяином ситуации: сложил руки в замок и резким механическим движением обрушил их на грудь еле трепыхающегося существа. Оно не кричало, не боролось, только повернуло голову в сторону Джея, смотря пустыми глазами, из которых сочилась сверкающая серая жидкость... Тот вздрогнул, но не отвернулся, с нездоровым интересом наблюдая за дальнейшим развитием событий.

Удар. И ещё один, и ещё... Джей не мог понять, чем эта штука наносит колотые раны, пока солнечный луч не очертил невидимый кинжал пронзительно-белым контуром. Поверженный борец лежал в густой серебряной жиже, очевидно, заменявшей ему кровь, и чем больше всматривался неформал в бездонную пустоту глаз, тем отчётливее проявлялся в нём его собственный облик: кожа приобрела нормальный оттенок, бесцветные штаны простого покроя стали чёрными, приняли джинсовую фактуру; на босых ногах проявились увесистые ботинки... но это не самое главное. Жидкое серебро приобрело алый оттенок и теперь сильно смахивало на кровь, а Волков всё не мог отвести взгляда от своего двойника, чувствуя, как и сам становится им.

Мгновение — и теперь он лежит на каменной земле, нагревшейся от его крови. Теперь он раз за разом принимает на себя удары палача, чувствует невыносимую боль, но не может не то чтобы пошевелиться — даже вскрикнуть. Боль разрывает его на части, затмевает все

мысли, кроме одной: «Пусть это скорее закончится». Не спасением даже — об этом он давно не смел мечтать — смертью. Ведь принято считать, что это конец.

Конец и вновь начало.

Он не знал, когда крик внутри него прорвался наружу, не мог с точностью отследить момента, когда боль сошла на нет, когда к нему вернулась способность двигаться... Разум отчётливо помнил, что происходило с телом, и не мог поверить, что всё закончилось, заставляя парня агонизировать пуще прежнего. На всякий случай.

И только когда крик сорвался на сдавленный хрип, неформал, находясь в абсолютной тишине, прислушался к собственным ощущениям: боли как не бывало. Не без опаски он открыл глаза, и, как следует проморгавшись, огляделся: то же самое унылое и опостылевшее кладбище, только в другом месте, радикально отличавшемся от всех предыдущих тем, что здесь всего одна могила и находится она на некотором отдалении от остальных. Свежая могила — видно по более тёмной рассыпчатой насыпи. Джей, припоминая пережитые ощущения, хотел просто пройти мимо и вообще не смотреть в эту сторону, но любопытство, примитивное любопытство, унёсшее уйму человеческих жизней, не собиралось мириться с чем-то неизвестным.

Пообещав себе, что только посмотрит на имя покойного, запечатлённое на кресте, Волков осторожно поднялся с земли, опасаясь возвращения боли, и преодолел разделявшее их расстояние. Как выяснилось секундой позднее, совершенно зря.

Надпись гласила следующее:

*«Андрей Сергеевич Волков
06.06.1986 — ???.???.2014»*

Неформал пожал плечами, недоумевая, почему останки какого-то Андрея Волкова имеют такое большое значение. Хотя имя показалось ему знакомым, в голове промелькнули туманные соображения... слишком быстро, чтобы он успел ухватиться за какое-нибудь из них и вспомнить уже, наконец, кто он.

Он шёл по услужливо вытоптанной тропинке обратно к привычному и даже ставшему родным кладбищу; на его пути на этот раз обошлось без приключений. Повисшая тишина не нарушала сбивчивого потока мыслей Джей — автоматически переставляя ноги, он вовсю предался тупиковым размышлениям, упирающимся в тот простой факт, что он ничего не помнит. Тогда он решил прислушаться к ощущениям — особого выбора не представлялось. Что вызывает в нём этот набор букв и чисел даты рождения и года смерти?

Страх, сожаление, непонимание.

Так не должно быть, так неправильно — он чувствовал это каждой клеткой тела, но у этой реальности другие представления о том, что должно быть, а что нет.

Он не знал, как долго шатался среди могил, на которых то и дело мелькали смутно знакомые имена, чередуясь со всё тем же Андреем Волковым. Правда, чем дальше он шёл, тем отчётливее виднелась дата смерти: кажется, ещё немного, и Джей смог бы увидеть её полностью, вот только он уже давно перестал смотреть по сторонам.

Поднявшийся ветер принёс с собой ворох пыли, пожухлые листья и обрывок свежей газеты, шелест которого резко контрастировал с установившейся тишиной и привлёк рассеянное внимание парня.

Некролог какого-то дешёвого издания за октябрь 2014-ого года гласил, что крупный

акционер Единой Нефтяной Компании, а также выдающийся политический деятель покончил жизнь самоубийством по неизвестным причинам. Джей вертел лист в руках, отдалённо что-то припоминая...

Кто-то непринуждённо насвистывал жизнерадостный мотив. Неформал вздрогнул от неожиданности и резко обернулся.

— Ты ещё кто такой?

Оклик Джея привлёк внимание человека — он перестал свистеть, выпрямился и повернул голову в сторону говорящего. Белые волосы, белая кожа, белые глаза, в которых выделялся только суженный зрачок. Одежду ему заменили чёрные лоскуты, в сравнение с которыми джинсы выглядели странно и неуместно. Руки испачканы в крови и земле, ладони прочно перевязаны бинтами вполне человеческого вида, вот только и сквозь серо-белую материю просачивалась кровь: чёрная и густая, её капли, падая на землю, кипели и поглощались той.

Станный человек не ответил. Механическим движением он повернулся к раскопанной могиле.

— Эй! Я с тобой разговариваю!

Их разделяло всего несколько шагов, но он боялся подойти ближе, сам не зная, почему. Незнакомец не реагировал, полностью сконцентрировавшись на прерванном занятии. Он по пояс исчез под землёй, пока не изъял чёрно-белый, усеянный витиеватым орнаментами, сундук. Джей сменил угол обзора, переместившись вправо.

— Андрей Волков — это ты, — протянул незнакомец и вывалил содержимое коробки.

С неприятными глухими стуками к ногам Джея прикатилась его собственная голова. Он отшатнулся, крепко выругавшись и для надёжности проведя рукой по собственной шее, всерьёз опасаясь за сохранность головы настоящей... ну, или не настоящей — здесь не разберёшь, а, по крайней мере, той, что пока находилась на его плечах.

— Я, говоришь? — уточнил Джей, облокотившись о ближайшее надгробие: перед глазами всё плыло. Он вспоминал, и память возвращалась к нему не постепенно, как это обычно бывает, а сразу. Резко. Выбивая почву из-под ног, лишая оставшегося рассудка.

* * *

Клэй держал на коленях очередной фолиант по оккультным практикам, то и дело досадливо качая головой на очевидное искажение фактов. Многие списки с источников, на которые полагался автор, Александр читал в оригинале, иногда даже принимая непосредственное участие в создании того или иного труда, потому современные толстенные тома казались ему лишь жалкой пародией на действительность.

Любые научные исследования, так или иначе касающиеся мистификации, превращались в обыкновенную публицистику: «предполагается» преобладало над «доподлинно известно», а потому сотрудники Afterlife обучались по учебникам, написанным их начальником, бывшим очевидцем и соучастником как большинства ритуалов, так и исторических событий предмета исследования.

Александр пролистывал книгу, не задерживаясь на странице дольше пары секунд. Время от времени он бросал взгляд на Волкова: в основном он лежал спокойно, и выдавало его беспокойные сны только сбивчивое дыхание да редкие подёргивания. По расчётам

ведьмака, этот выпендрёжный неформал должен прийти в сознание уже минут пять как, но что-то пока не шибко спешил с этим делом. Клэй вздохнул. Подозреваемого, по идее, можно признать душевнобольным и упечь в соответствующее учреждение, вот только проблему это бы не решило — настоящий убийца всё ещё на свободе, и никаких зацепок на него, кроме этого парня, у них нет.

В окно постучались. Клэй повернул голову и, узнав в гостье знакомые черты, поспешил впустить её.

— Саш, у нас проблемы, — констатировала колоритная гостья, спрыгнув с подоконника. Волосы цвета воронова крыла стянуты в высокий конский хвост, поверх свободной грязно-серой майки, местами заляпанной кровью, надета чёрная с белыми рукавами и капюшоном толстовка, худые рельефные ноги обтягивали лосины, слишком тонкие для этого времени года, довершали картину тяжёлые кроссовки с выдающейся ребристо-шипованной подошвой и рюкзак спортивного покроя, тут же перекинувшийся с плеч девушки на стол.

— Несложно догадаться, если ты выбрала такой нестандартный путь.

— Журналисты, полиция... — девушка поморщилась. — Все хотят кусочек нашего друга. Вот только вторые ждут, пока мы выйдем и сами приведём к ним главного подозреваемого по делу, а первых не пускает вахтёр. Дом для богатых, и он поплатится местом, если их покой будет потревожен, — девушка достала из рюкзака ноутбук. — Сейчас подключусь ко внешним камерам, не хочу быть голословной.

— Давай, жду. Где ты припарковалась, и сможем ли мы добраться до туда незамеченными?

— В трёх кварталах отсюда. Незамеченными — не думаю, твоя рожа уж больно знакома ребятам Гонтёра... они патрулируют не только эту улицу, уж можешь мне поверить. Хотела бы я знать, как он прознал об этом? — Камила оторвалась от монитора, мельком бросив вопросительный взгляд на начальника.

— Моё упущение. Пригласил уборщика, и тот ретиво смылся, сославшись на важность сохранения чистоты сортиров имперской полиции, — фыркнул Александр. — Не думаю, что он действовал по приказу: скорее, здесь вступили в силу его собственные убеждения, возникшие под влиянием Верха. Ну, ты знаешь, как умеют промывать мозги, вся Империя только и держится на поработлении массового сознания. Мы и наши филиалы и вовсе находимся под постоянным наблюдением: ты знаешь, все эти механизмы на нас не действуют.

— Конечно. А что с нашим предполагаемым убийцей? — поинтересовалась девушка, не отрываясь от работы: её пальцы лихорадочно клацали по клавиатуре, изображения на мониторе сменяли друг друга, мелькая с такой скоростью, что разобрать в них что-то не представлялось возможным.

— Буду разбираться в офисе. За психической неуравновешенностью и расстройством личности скрывается что-то, что приведёт нас к настоящему зачинщику, уверен.

— Не пора ли ему просыпаться?

— Делай свою работу, Камилла, а в мою не лезь, — отрезал Алекандр.

— Ясно, — усмехнулась она в ответ. — Не стой над душой, от тебя вся техника с ума сходит. Я позову, как закончу, — Камилла выдавила из себя что-то вроде улыбки. Получилось вполне натурально: всё-таки на дворе стоял глубокий вечер, и, в отличие от остальных сотрудников Afterlife, ей удалось выспаться.

Убедившись, что всё будет нормально и без его участия, Александр вернулся к подопечному, проявлявшему с каждым мгновением всё более заметные признаки жизни. Клэй мог только представлять, через что тот прошёл, но даже самые неожиданные прогнозы ни за что не смогли бы предсказать действительность. Оставалось надеяться, что Волков вспомнит хоть что-нибудь, и что между ним и убийцей действительно существует связь: уже сколько раз они натыкались на просто сверхчувствительных людей, у которых увиденное в голове надолго не задерживалось.

— Давай же, просыпайся, — пробормотал длинноволосый мужчина, выжидающе стоя напротив очередного подозреваемого — по протоколу, проводником между внешним миром и истинным убийцей — по возможности, обычным съехавшим с катушек наркоманом — по факту.

— Саш, у меня всё готово. И лучше тебе увидеть это прямо сейчас.

— Ну что там? — устало вздохнул мужчина, повернувшись к ноутбуку. Несколько секунд он просто всматривался в мелькающую картинку, оценивая безысходность ситуации, затем его взгляд сосредоточился на одном объекте, увидев который он тут же грязно выругался.

— Полностью с тобой согласна.

— Чёртов Гонтьер собственной персоной. Редкое явление... просто так, чтобы мозолить мне глаза, он не пришёл бы, — констатировал Клэй.

— Почему-то этот панк-недоделок у него на особом счету, — Камилла прищурилась.

— Скорее всего, он и сам не знает, что привело его сюда. Чувствует, зараза. И наверняка успел нарыть что-то против него. Как хорошо раньше было: поставят какого-нибудь идиота, он хоть и путался под ногами, но особого вреда не причинял, а тут и мешается, и гадит, и мнение собственное имеет... — сетовал глава полиции Afterlife, удрученно покачав головой.

— Тебя не поймёшь: хочешь интересного соперника — он появляется, и ты жалуешься, что он портит тебе жизнь. Сколько лет живёшь, а никак не определишься, чего хочешь, — Камилла закатила глаза, показывая, как её достала неопределённость начальника.

— Интересные соперники вымерли лет сто назад, а этот — просто зубная боль. Ну, знаешь, жить можно — приятного мало. Но сейчас не самое подходящее время для полемики... нужно придумать, как выбраться отсюда. Этот район я знаю плохо, а у тебя была возможность осмотреться. Что скажешь?

— Планировка через задницу: полно лабиринтов, тупиков и всего такого, но мимо людей Гонтьера будет трудно пройти незамеченными... — Александр хотел прервать её, но девушка невозмутимо продолжила, — хотя бы потому, что на каждого он нацепил амулеты, препятствующие любому магическому воздействию дозволяемого уровня.

— Зараза. Неприятно, но решаемо. Что ещё?

— Я видела парочку Сверхов, всё ищут на тебя компромат. Думаю, сегодня у них были бы все шансы его получить: не предупреди я тебя, ты бы разошёлся, как обычно.

— Вот и делай добро после этого. Найду убийцу и присоединюсь к нему — посмотрим, как они тогда запоют, — усмехнулся мужчина, сжав и разжав пальцы в кулаки. За разговором, как это обычно бывает, их бдительность спала, так что они проморгали пробуждение главного, на сегодняшний момент, подозреваемого. Камилла колдовала над ноутбуком, выводя на экран изображения с разных камер, с каждым из которых Александр мрачнел всё больше, и в это время Джей пришёл в себя настолько, что смог приподняться на кровати и оценить обстановку. Память работала на удивление услужливо — такими

вопросами, как кто он, где и что здесь делают эти люди, он не задавался, узнав мужчину сразу, во многом благодаря голосу, слишком ярко отпечатавшемуся в сознании.

— Может, вызовешь Пашу? Здесь на крыше удобная вертолётная площадка: у богатеньких свои тараканы, всё предусмотрено.

— Пашу и с вертолётном? — Александр улыбнулся, отрицательно покачав головой. — Взлететь-то он взлетит, но насчёт остального не уверен. Как бы не пришлось по частям потом собирать в разных концах города, а то что-то эта практика слишком участилась в нашем отделе.

— Да ладно, всё с ним будет нормально, — рассмеялась девушка.

— Нет, побережём Павла на крайний случай, с его-то талантом притягивать неприятности... А если серьёзно, стоит мне или кому-либо ещё сделать звонок в зоне влияния Гонтьера, как разговор будет прослушан с вероятностью процентов в девяносто. Разве не заметила ребят, перехватывающих сигналы? Нет, пусть сидит в неведении и бесится нашему бездействию. Наведи-ка на него изображение, я позлорадствую.

— Злорадствовать ты будешь, ага, как же... у нас нет на это времени, понимаешь? Нужно составить план, привести в чувство этого панка и валить отсюда, — недовольно сказала девушка, тряхнув головой.

— Составить план? Как плоско ты мыслишь, — фыркнул Клэй. — Импровизация — то, благодаря чему я всё ещё жив.

— Ох, не начинай... — взмолилась Камилла.

— Почему же? Давай поразмышляем. Даже если не брать в расчёт, что большинство идей и мыслей приходят в головы людей из одного источника, то давай сопоставим, чем располагаем мы и противник. По части планировки дома мы с ним одинаковые нубы, а в целом, на данный момент времени, он владеет большей информацией и ресурсами, следовательно, любая продуманная последовательность действий будет обречена на провал хотя бы потому, что он наверняка продумал их и расставил достаточно ловушек. К тому же, на интуитивном уровне он неплохой телепат, поэтому, Джей, постарайся сосредоточиться на чём-нибудь другом, пока я ставлю на тебя зеркало, — неожиданно закончил Александр, периферийным зрением увидев, что тот повернулся на бок, положил голову на руку и с наглым интересом слушал их. Камилла, вполуха внимавшая очередному псевдологичному бреду начальника, тут же обернулась к Джею, смерив его заинтересованным взглядом и словно бы сканируя его.

— А я уж думал, не заметишь, — усмехнулся тот, не меняя положения. — За то время, пока ты трепался, я мог бежать уже раз двадцать. Понабирают в полицию всяких пиздоболов, а потом удивляются росту преступности, — зевнул он.

— Ты пришёл в сознание семь минут и тридцать одну секунду назад, а воспринимаешь происходящее две минуты сорок семь секунд спустя, идея же побега на подсознательном уровне не вызывает у тебя особого энтузиазма: за этими стенами тебя найдёт длань закона, по которому положена смертная казнь без суда и следствия. Поэтому избавь меня от своего едкого сарказма и помогай, иначе будешь открывать рот только тогда, когда я разрешу.

Волков в ответ только хмыкнул и соизволил принять сидячее положение.

— Браво, босс! — Камилла одобрительно показала два больших пальца.

— Тебя это тоже касается, — угрюмо ответил мужчина.

— Кто бы вы ни были — вы не полицейские. Я так понимаю, они снаружи и взяли нас в ловушку, — Джей перестроился на серьёзный лад, поняв, что влип не по-детски и всё

происходящее не сон или наркотический бред.

— Да, ты всё верно понял, — смягчившись, кивнул Александр. — Что же касается нас... Афтерлайф. Слышал о таком?

— Гм, даже и не знаю. Что-то вроде инквизиции, а? Во всяком случае, парочка моих знакомых пострадала от рук этой организации только лишь за безобидные демонические обряды.

— Безобидные? Да они были в шаге от призыва демона Хаоса! — возмутился мужчина.

— Значит, вы всё-таки существуете, а не примерещились им в пьяном угаре. Понял. Но если методы у вас такие же, как у предшественников, то идите-ка вы на хрен отсюда, я лучше сдамся нормальной человеческой полиции, — заявил Джей во всеуслышание, поднявшись с дивана. Встать-то он встал, но, ослабленный магическим воздействием, не мог сделать и шага: тело оказалось ватным и совершенно непослушным. Волков чертыхнулся. — Ну, и что ты со мной сделал?

— Ничего, что бы могло тебе понравиться. Не переживай, раз ты уже можешь разговаривать, то скоро эволюционируешь и до прямоходящего. Ты сравнивал нас с инквизицией, но наши действия разительно отличаются хотя бы потому, что, во-первых, мы живём в разных временах; во-вторых, одинаково не зависим как от церкви, так и монарха; и в-третьих, я за то, что в подавляющем большинстве случаев можно предупредить опасность, договориться или обойтись малой кровью... силовое воздействие считаю допустимым только в крайних случаях, потому что...

— Да понял я тебя, понял. Сделай одолжение, говори короче, а то уже башка пухнет, — Джей прервал собеседника едким замечанием, на что тот только неодобрительно прищурился и поджал губы. — Хорошо, — продолжал он, всё ещё опираясь о стену, — ты обещаешь мне гуманное обращение и в общем-то моей смерти не хочешь.

— Более того, прошу у тебя о содействии. Ты как-то связан с убийцей...

— Забегаешь вперёд, — снова перебил Джей. — Для начала нужно выбраться из этого дерьма.

— Знаешь, как? Ты — главный подозреваемый по этому делу, и они не успокоятся, пока ты жив. Но если будешь помогать мне, то автоматически попадёшь под охрану, которая им не по зубам.

Джей пристально смотрел на Александра, сопоставляя свои подозрения с действительностью и приходя, таким образом, к определённым выводам — утешительным и не очень. Впрочем, не он один: Александр, в свою очередь, отвечал ему не менее внимательным взглядом. Тяжёлым и донельзя серьёзным, что в его внешнем облике выглядело странно и отчего-то заставило Джея вздрогнуть от страха, ледяной волной прошедшего вдоль позвоночника. Волков прикрыл глаза:

— Посмотрим, — сумрачно выдавил из себя он, отгоняя очередное наваждение. — Мы можем выбраться подземным тоннелем, отстроенным на случай очередного конца света. У меня есть универсальный электронный ключ, работающий на большинстве дверей. На остальных нужен скан сетчатки. Тоже без проблем — когда я въехал сюда, у меня взяли его в тот же день, — обыденным тоном проговорил Джей.

— Быть этого не может! Я бы нашла, мои программы никогда не давали сбой! Особенно на такие важные объекты... подобный масштаб сложно замаскировать... — говорила Камилла, всё больше сникая под хмурым взглядом начальника.

— Детка, здесь сосредоточены большие деньги. Они сильнее любых сложностей, —

ухмыльнулся Джей, довольный недоумением девушки. — Имперская полиция тем более не в курсе, так что можем выдвигаться хоть сейчас: лифт спустит куда надо, когда я наберу определённую последовательность цифр.

— Я знаю, чьих это рук дело... Камилла, напомни, я познакомлю тебя с этим гением, — Александр развернулся на пятках и начал мерить шагами просторный зал. — Полиция действительно не в курсе, но отслеживает каждое движение в подъезде, и лифт точно не уйдёт от внимания Гонтьера...

— Честный ублюдок, — авторитетно заявил Джей, оскалившись: кто-кто, а он не понаслышке знал о непредвзятости нового начальника полиции, ведь они не раз и не два переходили друг другу дорогу.

— ... наверняка себя он обезопасил даже лучше подчинённых, предусмотрел всё, что было в его силах... — задумчиво продолжал Александр, смотря в пол перед собой и мельтеша перед глазами Камиллы и Джея. Первая давно привыкла и не к таким привычкам начальника, а потому практически не обращала на него внимания, тщетно пытаясь найти тайный ход. С каждой секундой она всё больше разрывалась между двумя определениями: Волков солгал, и ничего такого в действительности не существует; или здесь поработал настоящий мастер. Александр, в общем-то, слов на ветер не бросает — Камилла нервно кусала губы — а это значит, что в Империи есть кто-то лучше неё, и просто так она это не оставит.

— Камил, это бесполезно: каждая его работа — произведение искусства. Может и не быть никаких заморочек, но порой хитросплетения простого вычислить ещё сложнее, и, да! Вот оно! — победоносно воскликнул Александр, наконец остановившись и довольно смотря на одинаково раздражённых Камиллу с Джеем.

— Ну? — нетерпеливо спросил Джей.

— Совокупность простого даёт сложное. Принцип матрёшки, — с энтузиазмом продолжал Клэй. Камилла закатила глаза и, слишком хорошо зная эти интонации и взгляд, стала собираться.

— Не слышал о таком, — нахмурился Волков.

— Ага, я сам его придумал. Здорово, правда? — не дожидаясь очередной саркастической реплики, должной вот-вот сорваться с языка Джея, Клэй продолжил уже серьёзнее. — Одевайся, бери с собой всё самое необходимое на неделю, и выдвигаемся.

— Внезапно, — хмыкнул Джей. — Отлить-то я успею или придётся по дороге?

Камилла рассмеялась, а Александр только нахмурился:

— В твоих интересах управиться побыстрее.

* * *

Когда с делами и сборами было покончено, Александр, Джей и Камилла — именно в таком порядке — крадущейся поступью вышли за пределы квартиры, причём вооружена из них только девушка, прикрывавшая отход парней. Она предельно собрана и сосредоточена, готова отразить любое неожиданное нападение, носящее физический характер: ментальную часть Клэй взял на себя. Две камеры, обеспечивавшие разный угол обзора площадки, с характерным механическим звуком, особенно хорошо слышимым в напряжённой тишине, повернулись к троице, транслируя изображения на мониторы полиции. Джей скривился как

от зубной боли, наблюдая за всей этой клоунадой.

— Наблюдатели за этими камерами меня сейчас насквозь прожгут, — усмехнулся он.

— Я же сказал: ни слова, — огрызнулся мужчина, надевая тёмные очки на закрытые глаза. Его внимание также предельно сосредоточено, правда, на гораздо более тонких материях, отчего каждый звук слышится громовым раскатом и выводит из необходимого состояния душевного равновесия. Джей, незаметно для постороннего взгляда — лицо скрыто под капюшоном — поджал губы и спрятал руки в карманы чёрной с белым черепом на спине толстовки, являвшейся самой неприметной вещью его неформального гардероба. Кроме того, его предупредили о возможности бежать, так что на смену обожаемым тяжёлым берцам пришли изрядно запылённые кроссовки. Выглядел он предельно обычно, смахивая на тинейджера: никто не должен узнать его, иначе поднимется шум, что мгновенно привлечёт нежелательное внимание полиции.

Площадка чиста: люди побоялись выходить из квартир, со свойственным человеческим любопытством прильнули к дверным глазкам, но этим всё и ограничилось. Немудрено, ведь их сковал такой холод, что они не только не могли добраться до мобильных телефонов и других средств связи, но и элементарно пошевелиться... так и нужно, так должно быть, так *правильно* — они твёрдо знали это, позабыв о том, что ещё мгновение назад хотели настучать доблестной имперской полиции, получить надлежащее вознаграждение и растрюндеть всем увиденное, нещадно приукрасив на радость охочим до сенсаций журналистам.

Клэй быстро перебрал пальцами обеих рук — и камеры тут же потеряли к троице всякий интерес, завращавшись по автоматически заданной траектории.

— Всё готово, — с удовлетворённой усмешкой сообщил он. — Камилла, опусти пистолет, Андрей, веди нас в свои подземелья.

— Джей, — буркнул неформал. — Зови меня Джей.

— Джей так Джей, мне без разницы, — буднично ответил Александр, пропустив парня вперёд себя, к раскрывшимся створкам лифта.

— Безмерно счастлив.

Волков ввёл шестизначный шифр, отчего лифт ощутимо встряхнуло, и от неожиданности Камилла вцепилась в руку босса, продолжавшего стоять как ни в чём не бывало.

— Чёртовы нервы.

— Двадцать четыре часа медитации.

— Но...

— Не обсуждается, — отрезал он, показав, что решение окончательно и обжалованию не подлежит, пусть даже случится зомби-апокалипсис.

Лифт, вопреки всем правилам, невозмутимо двигался вправо: вверх и вниз — это для слабаков. Впрочем, так казалось только его пассажирам — на деле же его траектория представляла собой диагональ от левого верхнего к правому нижнему углу. Что ни говори, а планировщик сущий гений.

Кабина передвигалась со скоростью бешеной черепахи, время в ней будто замедлилось: минуты шли неохотно, словно за каждой из них тянулась повозка, гружёная камнями, а сами они вязли в грязи или же попросту пробирались через желеобразную толщу. Джей проникся их сонным спокойствием, зевнул, прислонился к стальной стене и прикрыл глаза.

Он любил спать.

В реальности всё давно настоиграло, а сновидения пока ещё способны удивлять. Что здесь, что там удобненько располагалось прибежище дерьма, вот только в действительности оно пахло вполне обыкновенно, в то время как от недействительности исходил только загадочный душок приключений — никакой вони. Теперь одно наложилось на другое, он не верил в то, что всё это происходит на самом деле, оставаясь безразличным внешне, и всё же тайно заинтересованным: этот сон не похож ни предыдущие. И ощущения после очередной дозы вполне себе реальные — ни с чем не спутаешь. Он чуть улыбнулся тому, как просто ему удалось провести новых знакомых, хотя, вероятнее всего, они просто сделали вид, что ничего не произошло. За что им большое спасибо — он не в лучшем состоянии, чтобы отбрыкиваться от нравоучений.

Джей ушёл в себя, полностью подчинившись власти наркотических видений, в которых разом смешивалось всё, что было, что могло быть и нет из-за убогих рамок госпожи Реальности. Видения приятные и не очень, но их острота, сверхъестественная чёткость... как хорошо.

Александр и Камилла также не нарушали тишину, каждый думая о своём. Взгляд девушки расфокусирован и устремлён в какую-то абстрактную точку, мужчина же конкретно смотрел на расслабленного парня, всё больше хмурясь.

— Нужно торопиться, — угрюмо констатировал он по другую сторону раскрывшихся створок, с нетерпением глядя на спутников. Джей даже подпрыгнул от неожиданности. Не столько от голоса и внезапного появления Клэя в другом месте, сколько от резкого временного скачка, очередного сдвига... Встрепенувшись, он решил обосновать происходящее влиянием наркотиков. Это иллюзия или сон, здесь нет ничего невозможного.

— Так отойди, дорогу загораживаешь, — хриплым от долгого молчания голосом произнёс Волков.

Клэй повиновался, и вскоре все трое стали осваивать подземный бункер, идеальная чистота и удобства в котором лишний раз напоминали, для кого он отстроен.

Деньги правят миром. Деньги правят людьми. Деньги правят всем.

* * *

Чёртов немец снова обошёл его.

Гонтьер, начальник императорской полиции Москвы и области, досадливо поморщился, когда пустая квартира подтвердила его невесёлые догадки.

— Перекрыть район, смотреть в оба — преступник на свободе, — объявил он в крепящийся к уху микрофон, не особо веря, что это поможет, после чего нервным жестом провёл ладонью по отросшим русым волосам, в которых уже виднелась седина.

— Капитан, здесь какое-то сообщение. Кажется, использована магия выше предусмотренной амулетами.

Сэм оживился, с пристальным вниманием слушая подчинённого. Серые глаза подозрительно сощурились — ситуация явно не предвещала для него ничего хорошего, но всё же, уже кое-что.

— Показывай.

Капитан полиции не заставил просить себя дважды и отошёл к арке, ведущей из зала в коридор. Действительно, к её каркасу небрежно прибит лист нестандартного размера с

оборванными краями и испещрённый печатным текстом — очевидно, вырван из книги. Гонтьер, не мудрствуя лукаво, сорвал обрывок со шляпки гвоздя и тут же криво улыбнулся очередной шутке противника. На листе жёлтым маркером крупными кривыми буквами значилось следующее:

«Отсоси, Гонтьер:.)».

Глава IV

Добрые люди

*Своих детей едят отцы,
Творцы себя съедают сами.
По свету бродят мертвецы
С такими добрыми глазами.*

(с) Механизм — Добрые Люди (Король и Шут cover)

Он любил этот город. Несмотря на всю его грязь, пыль, разврат, удушающую жару и буквально плавящийся под ногами асфальт, нет, во многом именно благодаря им: неисчерпаемое поле деятельности, реформ, преобразований... Где, как не в крупном мегаполисе возможно осуществление любых планов и желаний? Подавляющее большинство стремилось утолить самые низменные потребности, оно и понятно: не требует ни физических, ни моральных усилий, самое «то» для поколения лентяев, обжор и жадин, у которых есть всё, и которым не нужно ничего. Мир давно скатился бы в никуда, не будь в нём мечтателей, одним своим существованием делающих его лучше.

Крепкий парень — хвала государственным рекомендациям о потреблении определенного количества протеинов до достижения двадцатипятилетнего возраста — не отводил взгляд от мелькающих за стеклом автомобиля видов: его серые глаза затуманились дымкой задумчивости, что в последнее время происходило с ним чаще обычного. Он смотрел будто бы сквозь этот мир, видел его по-другому — лучше или хуже, но никогда, как есть — и время от времени выпадал из реальности, становясь кем-то другим, бродя по совершенно незнакомым улицам, слыша незнакомую речь, но отчётливо понимая каждое слово, его мысли смешивались с чужими, более зрелыми размышлениями, в которых никогда не было ничего хорошего. Он не понимал, боялся этой мрачной личности, что может убить просто ради забавы, он отрицал её и всё-таки она составляла неотъемлемую часть его самого. Андрея Волкова — он знал, что того парня зовут так же, и что фамилия ему подходит много лучше, чем ему. Сначала смена реальностей едва не сводила его с ума, теперь же он привык к ней и, как не старался, не смог бы избавиться. Ведь она существует. Всё так же реально, как здесь.

— Андрей? Андрей, ты слышишь меня? Андрей! — в голосе молодой и по-своему привлекательной женщины послышались тревожные нотки: снова этот отсутствующий взгляд, так пугавший её вот уже пять лет.

— Да, мам. Просто задумался, — он отвёл взгляд от окна, когда ему похотливо улыбнулась девушка, сидевшая в машине напротив: они как раз остановились на светофоре, пропуская обширный поток пешеходов, и у той появилась возможность пристальнее рассмотреть его. Смазливая внешность, по которой поголовно тащатся его ровесницы, привлекала их и жутко бесила его обладателя, однако теперь он как раз проходил через последние стадии переходного периода, черты лица заострились и становились грубее, но всё же своей привлекательности не теряли. Вот только не нужно ему всё это. Проблемы подросткового возраста обошли его стороной, чему виной стало редкое саморазвитие и те

самые «вылеты» из реальности, он резко огородился ото всех, всё же оставаясь компанейским человеком, но ни на секунду не пожалел об этом.

— Ох... — женщина снова перевела взгляд на дорогу, зажётся зелёный свет. — Прошло столько времени после смерти отца, а ты всё никак не образумишься.

— Всё нормально, просто перестань возить меня по врачам. Надоело. Они ничего не умеют, кроме выкачивания денег, — угрюмо и слишком резко сказал Андрей.

— Ты бы только видел себя... Это ради твоего же блага, сынок. У тебя экзамены скоро, вдруг это случится там? Ты же не станешь позорить... — она запнулась, — его имя?

Андрей сжал и разжал руки в кулаки: в том, что он недостойн быть сыном своего великого отца, она обвиняет его уже не в первый раз. Он из кожи вон лезет, но постоянно слышит в свой адрес одни и те же упрёки и иной раз сокрушается по поводу «неправильной» смерти — на месте отца должна была быть она.

— Не нужно изображать из себя заботливую мамашу и любящую жену. Ты просто хочешь, чтобы я быстрее взял управление компанией в свои руки, потому что ни черта в этом не понимаешь, а прибыль терять не хочешь. Ты ещё молода и красива — вполне нормально, что горишь желанием устроить свою личную жизнь, я тебя не осуждаю. Просто не нужно приплетать к этому отца и попрекать им всякий раз, когда тебя что-то не устраивает. Ладно, мам? — он испытывающе взглянул на неё, заставив вздрогнуть: не его слова, не его интонации, не его взгляд.

— Да, конечно, — сконфуженно ответила женщина. — Всё не так...

— Не нужно, — оборвал её Андрей. — Я уже сейчас разбираюсь в вопросах киберпротезирования и занимаюсь разработкой нескольких перспективных проектов — на твой век хватит.

— Что с тобой происходит? — тяжело вздохнув, спросила женщина после долгого молчания. — Ты никогда не говорил так... неужели, тот самый бред подчиняет тебя? Мне больно слышать это, больно видеть, как изо дня в день в тебе говорит ещё кто-то. Боже, я сошла с ума, — она покачала головой.

— Мам... — начал парень, на лице проступило запоздалое раскаяние и отдалённый страх: он знал, что она права — он меняется, и не в лучшую сторону. Знал, но не хотел верить, обманывал самого себя — крыть-то нечем.

— Да? — женщина повернулась к нему, смотря глазами блестящими от слёз.

Видя плачущих женщин, он всегда терялся.

— Следи за дорогой, — только и смог выдать из себя он, снова повернувшись к окну, прощаясь с любимым городом — пусть и ненадолго, но за его пределами он чувствовал себя совсем паршиво. Видения обострились, просачиваясь в реальность, Андрей терялся в них, и затянувшаяся отлучка могла привести к тому, что он не узнавал людей вокруг и шарахался от собственного отражения, не понимая и не помня, кто перед ним. Город как будто... защищает его. Пыльный, погрязший в дерьме людских пороков, он обладает собственным разумом, пускай и несоизмеримо отличным от человеческого. Андрей уверен в этом, но никому не рассказывает — не нужно давать матери очередного повода таскать его по врачам в промежутках между её романами, когда в ней бурлит нереализованная энергия, и она внезапно вспоминает, что у неё есть сын, бросает все силы на него, докапываясь до каждой мелочи... когда-то пытался возражать — понял, что бесполезно, запасся терпением.

Или выпадал из реальности. Вроде кивал, что-то отвечал, но был бесконечно далеко... Встречаясь с отсутствующим взглядом «стеклянных» глаз, Мария сразу замолкала и

практически смирилась: они никогда не были особенно близки, а после смерти отца стали и вовсе чужими. Попытки сближения только усугубляли ситуацию, вот и получилось, что смерть одна, а потеряла она двоих: и мужа, и сына.

Всю дорогу до телепортационного пункта они молчали. По мере приближения к окраинам здания, попадавшиеся на их пути, становились всё ниже, пока не дошли до одноэтажных магазинчиков и домов из дешёвого пластика: даже странно, что они не плавилась в такую жару, однако, как ни старались химики, а избавиться от неприятного запаха жжёной резины им не удавалось.

— Закрывать окна, запустить очистку воздуха, — сонно пробормотал Андрей, не открывая глаз. Автомобиль послушно выполнил заданные указания, и через несколько секунд неприятный и токсичный запах сошёл на нет, сменившись свежестью горного воздуха, синтез которого в машинах частного пользования стоит недёшево.

Участок дороги, ведущий к переходному пункту во второе измерение ближнего Подмосковья, был практически свободен — в самый разгар рабочего дня выезжали только туристы. Едва заметный фиолетовый оттенок кожи блондинки, проходящей последнюю проверку документов на третьем пропускном пункте, подтвердил это. Потомки фуксианца и человека рождались людьми, но на действие солнечных лучей их кожа реагировала не коричневым или жёлтым загаром, а фиолетовым. Все формы жизни, найденные человечеством после открытия технологии гиперпространственных прыжков, имели гуманоидную природу, началось повальное смешение рас, хотя люди побогаче и основали орден Чистоты Крови, по которому иметь половые связи с представителями другой расы считается постыдным делом. Это вышло из-за изначального сомнения в разумности особей: кто в здравом уме захочет сношаться с животным?

— Мария и Андрей Волковы? — с лёгким удивлением спросил таможенник, когда Мария опустила стекло. Чтобы не узнать главные лица корпорации, протезирующей весь мир, нужно быть слепым.

— Да, о нас должны были сообщить.

Зрачки мужчины сузились и расширились: он вышел в Сеть. Взгляд затуманился, как это бывает у задумавшегося человека, и только пристальное рассматривание позволяло увидеть отличие. Вся поверхность глаз едва заметно мерцала.

Андрей прикинул: «убрать» таможенника так просто... Он вышел из машины, медленно приближаясь — ноги вязли в сером желеобразном тумане, и казалось, прошла целая вечность, прежде чем он оказался за спиной мужчины. Волков-младший выхватил пистолет из кобуры на поясе, размахнулся, чтобы оглушить прикладом (по-другому обращаться с огнестрельным оружием он не умел)...

— Ваши чипы личности, — низкий резковатый голос нарушил тишину, заставив Андрея встрепенуться в сиденье и спешно отогнать неожиданную иллюзию. С наступлением эры техногенного прогресса использование бумаги практически сошло на нет, оставшись в обиходе только у самых низших классов или совсем ярких консерваторов. Но вживление идентификационных чипов финансировалось государством и проводилось независимо от финансового положения. Отличительная особенность ИЧ в том, что его невозможно подделать, замаскировать или перепрограммировать: каждый «паспорт» индивидуален, важные изменения обладателя фиксируются в ряде автономных баз данных, обновляющихся ежеминутно.

Под укоризненным взглядом матери, уже прошедшей сканирование, Андрей неохотно

поднял руку тыльной стороной к таможеннику. Тот направил сканер, похожий на пылесос для машины, нажал на кнопку, и на секунду сквозь кожу проглянул лабиринт микросхем. Мужчина сопоставил данные и заключил:

— Можете ехать. Портал будет открыт как на выезд, так и на въезд.

Машина мягко тронулась с места, лишив парня последней надежды остаться в городе, и он мысленно возненавидел и свою параноидальную мамашу, и доктора, посещение которого только усугубит ситуацию, как и всегда: он был уверен в этом.

* * *

Этот отсек здания полностью состоял из прочного, не пробиваемого всеми известными видами оружия, стекла. В каждом отсеке-прямоугольнике размером метр на два располагался цилиндр со скруглёнными краями — капсула заморозки. Тысячи, тысячи их... В каждой находится спящий человек, его сны могут быть различны, но, окутанный льдом и облаками газа, подавляющими всякую физическую активность, он даже не шелохнётся. Фиксируется и отслеживается только активность разума, за которой наблюдают абсолютно идентичные клоны-альбиносы, которым никогда не суждено увидеть солнечного света, но им это и не нужно: они созданы, чтобы служить, и они служат. Незаметно сменяя друг друга, рождаясь и умирая в лучах синтезирующего материю излучателя. Здесь всегда всё одинаково, нет даже такого понятия, как ночь: царство вечного дня, обеспеченное светом ламп в режиме «ясное летнее утро».

— Эк-3580, ваш подопечный готов к декапсулированию, пройдите в блок номер семь. Эк-3580, ваш подопечный... — надоедливое сообщение, отчеканенное машинным голосом, могло транслироваться в голове хоть целую вечность, не получи система вразумительного ответа на выдвинутый запрос.

— Вас понял, программирую телепорт на блок номер семь. Личность — Император Ан-Джей, свергнутый и капсулированный в 3076-ом году. Жду дальнейших дополнений и приступаю к работе.

— По завершению операции ваша личность будет переписана на регента императора Ан-Си-Ни-Тея, срок неопределён. По завершению операции ваша личность будет...

— Услышал, понял, принял. Провожу подготовку генов к перенастройке. Да здравствует Империя. Конец связи.

Альбинос вытянул левую руку ладонью вверх, сделал едва заметные жесты пальцами, и над центром ладони появилась чёткая таблица, в которой представлены все генетические кодировки его организма. Он запрограммировал функцию очистки с последующей перезаписью, установил обратный отсчёт на двадцать минут, скинул из правого рукава металлический шарик, что, соприкоснувшись с полом, раскрылся до круга с диаметром в один метр. Клон встал в его центр, визуализировал место, в котором должен оказаться, практически тут же его тело расщепилось на атомы и исчезло, через долю секунды материализовавшись в другом помещении. Когда он подходил к сенсорной панели управления капсулой, его руки предательски задрожали: император Ан-Джей, под предводительством которого человечество одержало победу во II-ой межгалактической войне, самой кровопролитной за весь людской век; император, захвативший многие обитаемые и колонизировавший необитаемые планеты... Свергнутый собственным народом

и добровольно предавшим себя капсулированию, он завещал призвать себя, когда снова будет нужен — неважно, в горести или радости. Человек-легенда, в существование которого практически никто не верит — он здесь, перед ним. Жаль, ему не суждено застать его правление. Мысль же послушаться приказа даже не приходила ему на ум. Так было задумано.

Эк глубоко вздохнул и набрал необходимые команды на сенсорной панели, подтвердив честность своих намерений сканированием памяти. Полуразумная машина, недолго думая, дала добро, и уже без внешнего вмешательства запустила программы. Эку даже показалось, что механическое создание охватил тот же трепет, что и его. Вздор! Тратить оставшееся время до удаления личности на сантименты — глупо. Он не должен пропустить момент, когда император Ан-Джей вернётся к жизни, может, ему повезёт, и он застанет его пробуждение — а большего Экземпляру-3580 и не надо, большего он всё равно не смог бы пожелать.

Во второй капсуле копирования и синтеза атом за атомом, молекула за молекулой тело императора переносилось в прозрачную полость, содрогающуюся голубыми электрическими разрядами.

Только бы успеть... с каждой минутой от него оставалось всё меньше, и вскоре он вовсе перестал осознавать себя, одержимый лишь одной мыслью: увидеть Ан-Джея Отверженного.

И он увидел. Точь-в-точь такого же, как на фотографиях: крепкое жилистое тело, лицо, по которому невозможно определить возраст, седые волосы — нечто изжившее себя с момента победы над старостью (но не над смертью). Оболочка капсулы открылась, но в сознание Император не пришёл. Эк перевёл взгляд на часы: ну вот и всё. Сознание стремительно меркло, пока не сузилось в одну точку, но, прежде чем погаснуть насовсем, успело переработать едва ощутимые колебания воздуха от простого «Спасибо».

Экземпляра-3580 больше не существовало, зато Регент стала жить в двух телах одновременно. Узнав знакомые очертания, Ан-Джей укоризненно прошептал: «Опять твои фокусы, Ал-Клэй», — после чего погрузился в долгий реабилитационный сон.

Глава V

Друг друга поедом едят...

*Не подадут, не пощадят,
На гроб земли не бросят горсти,
Друг друга поедом едят,
Хрустя, обгладывают кости.*

(с) КиШ — Добрые Люди

Места содержания преступников обустроивались ничем не хуже, чем среднестатистические квартиры, так что у многих «новичков» криминального сообщества складывалась обманчивая иллюзия безнаказанности и комфорта... Ненадолго. Некоторые действительно не имели даже собственного санузла, о телевизоре, ноутбуке с подключённым интернетом и тренировочном отсеке нечего было и говорить, вот только за внешней безобидностью и слишком показным благополучием скрывалось нечто, что и делало тюрьму тюрьмой, что-то отбивающее всякое желание иди против буквы закона, в сравнении с чем жизнь в тущобах, пропитанных стойким запахом дерьма, в соседстве с тараканами, крысами и прочей мерзкой живностью, казалась избавлением, раем на Земле.

ИниСПро — индивидуальные исправительные программы. Их главная задача — изменить сознание преступника, в целом не разрушая его личность, но по факту из тюрьмы выходил совершенно другой человек: в меру законопослушный, жизнерадостный, общительный и дружелюбный — он получал право на вторую высокоактивную жизнь, становился полноценным элементом процветающего общества, а мысли о возвращении к былому ремеслу блокировались самим сознанием. Аналогичные технологии применялись и к наркозависимым.

ИниСПро... Джей сидел на кровати, едва ли не вырывая волосы на голове от тупой боли, не отпускающей его череп уже несколько часов с момента первого сеанса. Чёртовы программы действовали на нём совсем наоборот: он ненавидел и хотел убивать. С каждым задержанием и курсом ИНИСПРО становился всё более асоциальным. Перед глазами мерцали радужные блики, откуда-то доносилась успокаивающая музыка — неестественно громко звучащая в воспалённом сознании, а потому бесящая ещё больше — по голографическому телекрану, объёмной картинке, зависшей в метре от пола, транслировались передачи о живой природе...

— Сука, ненавижу! — прорычал неформал, рывком поднявшись. Ярость так и клочкотала в нём, требуя немедленного выхода, и тогда Джей рывком подошёл к голографической картинке, прикрыл глаза от новой вспышки боли, и со всей силы ударил по изображению. Оно погасло, машина не успела перестроиться, материализовался тонкий прозрачный слой экрана, покрылся трещинами и тут же разлетелся вдребезги.

Отпустило.

— Выключите эту грёбаную музыку, — сказал он уже спокойнее, и не надеясь на положительный результат, но то ли фортуна повернулась к нему боком, то ли его заточители сменили гнев на милость, решив и оборудование в целостности сохранить, и заключённого

успокоить, а звуков не стало. В первую он верил слабо, а если верно второе, то следует подготовиться к встрече гостей. За многочисленными сеансами ИНИСПРО события последних дней размылись настолько, что Джей с трудом припоминал, за что его упекли сюда. Забирала его, вроде бы, полумистическая организация, а оказался он в обычной имперской тюрьме... или нет? Вспышки боли блокировали любые мыслительные процессы, от ИНИСПРО они были всегда, но, скорее, фоном. Сейчас же боль заняла центральное место, вытеснив абсолютно всё.

Как он устал. Любая смерть лучше часа такой жизни.

— Интересно, эта хрень вообще на ком-нибудь работает? — Джей обессиленно опустился в кресло.

— Не все такие сволочи, как ты, — послышался позади него знакомый мужской голос.

Человек! В его камере! Это что-то новенькое. Но усталость пока превышала любопытство: он не поднялся, чтобы увидеть вошедшего.

— Я тебя знаю. Давно.

— Да, нам есть, что вспомнить, — обладатель голоса приближался.

— Не напомним своё имя?

— Встань и узнаешь сам.

— Не-а. Если я встану с этого чёртового места, то потеряю сознание. Ты же настроен потешить своё самолюбие за мой счёт, поэтому или представляешься, или катишься отсюда. Я понятно объяснил? Могу дополнить одним жестом...

— Не утруждайся, — голос прозвучал ближе. Джей открыл глаза, встретившись взглядом с давним неприятелем... — Капитан Гонтьер. И на этот раз тебе не выкрутиться, Андрей Волков.

— Действительно... — Джей рассмеялся. — Решил свести все счёты разом? Так давай, поунижайся перед Его Величеством, получи разрешение на казнь, и вперёд. Могу тебе сказать, что будет дальше: после моей смерти тебя будет крыть ещё круче, а знаешь, почему? Не будет больше всей этой погони, азарта, и до нового богатого ублюдка твоя жизнь потеряет смысл. И на кого ты будешь копать, когда меня не станет?

— Ты болен, — капитан нахмурился. В ответ на это заключение Джей снова рассмеялся. Нет, в сказанном не было ничего смешного, смеялся он просто потому, что ничего другого не оставалось.

— Нет, Гонтьер, я здоров. Был здоров, пока меня не посадили в кресло без возможности двигаться, не напялили очки и не оставили в темноте с этими ебучими радужными бликами перед глазами... Понимаешь, Капитан? Был здоров, пока родители не отказались от меня так успешно, что ты не сможешь пробить их ни в одной базе, а если я скажу тебе, то всё равно не поверишь. Выходит, я появился ниоткуда. Тук-тук, ублюдок, ты опять ничего не докажешь.

— Я постараюсь, Волков, — медленно проговорил капитан, теряя самообладание. — Я очень сильно постараюсь. — Когда Джей снова рассмеялся, капитан продолжил. — Недолго тебе осталось смеяться.

— Давай-давай, удачи. Я подожду, — неформал подкрепил свои слова зевком до хруста в челюсти, чем вызвал у Гонтьера презрительную улыбку. Он хотел ответить что-то, но в это время дисплей его наручного телефона активировался, уведомив хозяина о новом сообщении.

Полицейский открыл зашифрованную голограмму, прочёл её, и впервые на его лице Джей увидел усталость... мимолётную: он быстро взял себя в руки, сменив её на безликое

равнодушие.

— Ещё увидимся, Андрей Волков, — сдержанно сказал Сэм.

— Ха-х, буду ждать, капитан.

Джей провалился в сон ещё до того, как стихли шаги полицейского: диалог с давним знакомым лишил его остатка сил.

* * *

Александр терпеливо ждал. Внешне такой же спокойный и рассудительный, как его противник — спасибо полуразрушенным стенам тренировочного корпуса Afterlife и диафрагмальному дыханию. По дороге в полицейский корпус он ни с кем не разговаривал, просто демонстрируя голограмму удостоверения на пропускных пунктах. Как всегда из-за его пренебрежения к дресс-коду послушные любым законам сотрудники полиции недоумённо косились на него, но вслух свои претензии высказать не торопились — уж больно странные и неприятные, для органического существа, ходили про него слухи, правдивость которых только подтверждалась его внешним видом: чёрные волосы длиной чуть ниже плеч собраны в хвост, аналогичного цвета майка с сатанинскими принтами — для непросвещённых, любимые группы, переведённые на латинский язык и зеркально отражённые — для своих; серые джинсы, заправленные в высокие сапоги с прочной и тяжёлой подошвой, стук которой оповещал о его приближении за несколько метров. Довершали образ кожаный браслет с металлическими вставками и часы с циферблатом в форме черепа. Он больше смахивал на тинейджера-переростка, чем на взрослого дядю, возглавляющего солидную организацию.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Клэй угрюмо смотрел на серость и сырость за окном, усмехаясь халатности полицейских, взявшихся за возведение купола только сейчас — это выдавали едва заметные колебания воздуха. А ведь до изобретения и внедрения стабилизирующей поверхности в повседневную жизнь этим занимался он сам...

Наконец, в сплошной хромированной стене образовалась дверь. Её створки плавно отъехали по разные стороны, являя гостю хозяина кабинета.

— Ну здравствуй, Клэй. — Стоило ведьмаку войти, как дверь снова слилась со стеной.

— И тебе не хворать, Гонтьер. Сколько раз нужно повторить «Андрей Волков — мой подопечный», чтобы ты утомился?

— У меня есть императорское разрешение, — он небрежно бросил на стол пластиковую карту с золотыми оттисками и императорской микросхемой, подделать которую никому не удавалось.

— А у меня — доказательства его невиновности, — Клэй, вторя ему, швырнул кипу информационных носителей разного оттенка и размера.

— Серьёзное заявление, — полицейский едва заметно растерялся. — Но здравый смысл бессилён против российской бюрократии, если ты до сих пор не в курсе.

— Остряк. А что, если я предоставлю тот же самый материал Его Величеству и выставлю тебя идиотом? Оно тебе надо? Так долго добивался высочайшего доверия и расположения, а я так неосторожно всё разрушу. Не вынуждай меня быть говнюком — я от этого тоже далеко не в восторге, просто отдай Волкова моему ведомству.

— Зачем он тебе, если невиновен? — насторожился капитан.

— При помощи его способностей и небольшого ментального давления с моей стороны, мы сможем выйти на убийцу. Я скажу, что ты помогал — повышение по службе, всё такое...

— Я не знаю твоих методов и не думаю, что это законно.

— Брось, тебе просто любопытно, — Клэй улыбнулся. — Можешь заходить в гости хоть каждый день, пока дело не примет оборот, недоступный твоему ограниченному восприятию.

— А это обязательно — постоянно подстрекать друг друга? — устало вздохнув, поинтересовался Гонтьер, и теперь настала очередь Александра ненадолго растеряться.

— Многовековая традиция... так уж сложилось, — он развёл руками. — Но это не важно: работая вместе, мы получим больше пользы, чем вреда, хотя это сотрудничество и нельзя будет назвать приятным.

— Допустим, у меня к Волкову личные счёты, — после долгой паузы в разговоре, полицейский решился на небольшую откровенность, едва ли понимая, что его на это толкнуло.

— У тебя? К нему? Всё интереснее и интереснее... — не в состоянии больше стоять на одном месте, Александр несколько раз пересёк кабинет, остановился и неожиданно рассмеялся. — Нет, ну смешно же! Только представь, сколько у тебя таких ещё будет... и что, всех обязательно умертвить надо? В общем, решай. Жду до вечера, на аудиенцию у императора у меня уже есть запись. — Александр улыбнулся: всё снова выходит так, как нужно ему.

— Ты очень умелый игрок, — Гонтьер прищурился. — У тебя есть, чему поучиться, — серьёзно заключил он, вынудив главу Afterlife недоверчиво нахмуриться. Какое-то время он молчал, переваривая сказанное, но всё же не остался в долгу и проявил ответную любезность.

— Твоим предшественникам тоже не помешало бы взять у тебя пару уроков. Было бы интересно с тобой поработать, Сэм.

— До встречи, — капитан сдержанно кивнул.

Когда Александр Клэй, постоянно вступающий в противоборство с полицией, скрылся из виду, Сэм Гонтьер подумал, что состоявшийся диалог ему приснился, и незаметно ущипнул себя — не сработало. Обескураженный, он всё так же стоял посреди собственного кабинета. Если высокомерный глава Afterlife предлагает работать вместе, то дело приняло совсем нешуточный оборот: последний раз такое было тогда, когда группа обкуренных парней, увлекавшихся тёмной магией, терроризировала город каннибализмом, да и кроме них случаев безумия хватало — оно приняло массовый характер, став эпидемией похлеще чумы. Каждый будто считал своим долгом съехать с катушек. Насколько известно из архивов, Клэй предложил помощь из чисто благородных побуждений и жалости к свихнувшемуся роду людскому, не потребовав ничего взамен. Около ста лет назад... Сейчас же он буквально предложил сотрудничество на равных правах без видимых на то причин. Сэм склонился над монитором, наведя изображение на спящего заключённого:

— Кто же ты такой, Андрей Волков?

Глава VI

От холодных мёртвых рук

Свобода падёт

От моих холодных мёртвых рук.

(c) Combichrist — From My Cold Dead Hands

— Три раза, Смерть! Три! Неужели думаешь, что в четвёртый что-то изменится? — я не находил себе места, меряя шагами заброшенную церквушку при старом кладбище, безрассудно тратя ценную энергию на эмоции. Отвык ты проигрывать, некромант.

— Успокойся. Мы всё равно будем проводить этот обряд до тех пор, пока не добьёмся успеха, — снова прозвучал в голове мелодичный голос. Ни мужской, ни женский, ни детский — он будто и тот, и другой, и третий разом. Каждый слышит её по-своему, но моё представление кажется наиболее правдоподобным. Смерть вбирает в себя каждого, независимо от пола и возраста, значит и говорит она голосами всех умерших сразу... теми, что были при жизни, разумеется. Мёртвые обычно молчат, если не потревожить их в определённый день и час.

— Мне нужен помощник. Тень слишком глупа.

В её присутствии я всегда быстро успокаиваюсь, что случилось и сейчас: от бывшего раздражения не осталось и следа. Да и Смерть лучше не обижать... Это сейчас она проигнорирует, но запомнит, а после отомстит так, как ни один извращённый мозг не придумает.

— Ты как раз и занимаешься его созданием.

— Я помню, Госпожа. Но монстрика используют слабые некроманты... — я тонко намекнул, что под её покровительством к таковым не отношусь.

— Ошибаешься, маг. Проводников используют не слабые, а умные некроманты. Их количество демонстрирует могущество создателя. И тебе, как одиночке, без Проводника точно не обойтись: некоторые ритуалы невозможно провести одному... ты убедился в этом трижды.

Я досадливо отвернулся от обломков иконостаса, между которыми зиял сгусток подвижного чёрного дыма — сегодня Смерть решила пренебречь материальным воплощением.

— Девушка ждёт снаружи и уже подумывает уйти. Решайся на что-нибудь.

Вздыхнув, я направился к плотно закрытому арочному проёму. Дверь сохранилась лучше, чем вся церковь вместе взятая, что шло только на руку: вкупе с внешней разрухой здание становилось абсолютно неприступным. Из-за мрачной ауры осквернённого святого места и птицы, и звери предпочитают обходить церковь стороной.

Я отпер засов с характерным лязгом, впустил лунный свет и свежесть ночного воздуха. Хорошая ночь. Может, сегодня действительно всё получится.

— Эй, некромант... постарайся не оплошать в этот раз.

Встретившись взглядом с испуганными глазами гостыи, я кивнул, одновременно пригласив её войти и ответив Смерти. Потенциальная помощница опустила капюшон

толстовки и сложила пальцы обеих рук в приветственном жесте тёмных магов. Типичная ошибка...

— Некромантия — особая магия, её нельзя отнести к светлой или тёмной, так как энергия — главный критерий, определяющий принадлежность к той или иной стороне, — разительно отличается, — я отвернулся, не взглянув на лицо гостыи: посмотрюсь ещё.

— Прости, я не знала, — послышалось виноватое бормотание.

— Ничего. Если всё пройдёт удачно, то ты откроешь для себя новый мир.

— Что нужно делать? — деловито осведомилась она. Мне определённо нравится такой подход — рациональный, без лишнего драматизма и фанатизма. Девушка подходит на роль Проводника больше своих предшественниц.

— Ты принесла «флюид тела»? — так же по-деловому спросил я, сдёрнув покрывало с заранее подготовленного алтаря.

— Да, разумеется, — она вложила небольшой пузырёк в мою ладонь. Я осмотрел его на свету от пламени свечи — как раз столько, сколько нужно — положил в карман джинс, оставив до определённого момента. Прочие девушки смущались: «Флюид тела» представляет собой все жидкости организма, смешанные в одну — пот, кровь, моча, слёзы, половые выделения. Достаточно, чтобы заставить непосвященных чувствовать себя не в своей тарелке. Здесь же голос не дрогнул. Очень хорошо.

— Сейчас ты выпьешь снотворное, разденешься и ляжешь на алтарь. Руки и ноги должны быть сонаправлены с соответствующими лучами пентаграммы. Ты уснёшь, я проведу ритуал, и по прошествии суток, когда ты снова придёшь в себя, мы снова встретимся. Всё понятно?

— Да. Но я хочу быть в сознании.

Как глупо...

Я обернулся и внимательно посмотрел на неё. Как доктор на психически больного. Она не отвела взгляд, лишь поджала губы. В возникнувшей паузе и при лунном свете я мог лучше рассмотреть её. Длинные, цвета воронового крыла волосы собраны в тугую косу; худое, с чётко очерченными скулами лицо, примечательное только глазами — большими и выразительными. Цвета разглядеть не смог. И, несмотря на худобу девушки, хрупкой её назвать сложно. Чувствуется сила. Да, не Проводником тебе стоило бы быть, не Проводником... Я даже почувствовал лёгкое угрызение совести: такая хорошая ведьма, а будет всего лишь помощником некроманта.

— Ты рискуешь сойти с ума.

— Быть обманутой рискую ещё больше. Жизнь вообще штука рискованная... — она улыбнулась. — Ну да ладно. Я удостоверюсь, что ты не шарлатан, и войду в транс.

— Как знаешь, я предупреждал. Действо прерывать не буду, возвращать тебе рассудок — тоже, — я отвернулся, призвав посох, послушно материализовавшийся в левой руке. Посеребрённая гравировка сверкнула на чёрном дереве, впитывая лунный свет. Я улыбнулся. Хорошая ночь...

— Разве на тебе не должно быть какой-нибудь ритуальной мантии?

Я даже рассмеялся. Ох уж мне эта людская «осведомлённость» современной магией...

— Изжиток прошлого, когда другой одежды-то и не было. Маг может одеваться по своему усмотрению.

— Я-а-сно...

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы снова не рассмеяться: как расходятся её

представления о мрачных и непостижимых некромантах с тем, что она видит перед собой. Смахиваю на типичного студента: кеды, джинсы, майка и рубашка в клетку. Вот только бледен слишком, наверное, а так — простой смертный. Теперь понятно, почему ей видится обман. Будь я обыкновенным психопатом, но «при параде» — вот тогда бы сомнений не возникло. Стереотипы... Пора уже смириться и подстроиться, да времени с этой некромантской морокой не хватает. Так, нужно настроиться на работу, а то «счастливей час» будет упущен.

— Вообще-то здесь прохладно.

Я повернулся к девушке вполоборота. Обнажённая, она лежала на каменном алтаре, сделав всё в точности по моим указаниям.

— Я предлагал тебе снотворное, терпи. И лучше не двигайся.

Я закрыл глаза и привычно настроился на некротическую энергетику, приятно сдавившую виски. Я ощутил настолько мощный прилив сил извне, что едва устоял на ногах. Да, здесь Смерть повсюду. Не то что в пыльном городе. Там царствует жизнь во всех её проявлениях, там больно, плохо и хочется убивать. Жизнь — это всегда суета, движение, тогда как смерть — покой.

Заострённым концом посоха я очертил вокруг себя защитный круг и сконцентрировался на оживлении Тени, перебирая пальцами по воздуху и мысленно визуализируя её воплощение. Сквозь сомкнутые веки я видел, как дармовая энергия Смерти стекала с кончиков пальцев, делая силуэт передо мной всё более материальным. Когда же руки вместо воздуха нащупали кожу, я остановился и открыл глаза, глядя на точную копию самого себя, только и ждавшую моих указаний.

— Нам нужно создать Проводника. Всё, как в прошлый раз.

Двойник кивнул, отправившись наружу, за Уловителем Душ. Сейчас он сдвинет могильную плиту, достанет миниатюрный вариант моего посоха, вернётся и станет ждать в тёмном углу, чтобы не мешать мне.

И всё-таки нас можно легко отличить: ему, в отличие от меня, не нужно касаться ногами земли, чтобы сдвинуться с места. Стоя одной ногой в круге, я шагнул к жестяной чаше и вылил туда содержимое флакона, принесённого девушкой. Взял её в руки и прочёл по памяти «Слова Портала», подчиняя бесхозные потоки энергии своей воле:

— Дахтор Тантос Супедо... Ликтус Харан Татра... — шепча эти слова, я отчётливо представлял себе, как распахиваю монументальные ворота и ставлю незримый барьер на переливающийся тёмный свет, открываю канал, по которому вся энергия поступает исключительно ко мне, незначительную её часть перенаправил на чашу. Я дал видению угаснуть, поставил чашу на алтарь и встряхнул кисти рук. Посмотрел на жертву — та была без сознания, как и обещала, подозвал к себе Тень, что тут же послушно встала по другую сторону алтаря и подняла Уловитель над головой. Я глубоко вдохнул, прикрыл глаза, и когда в сознании чётко отпечатались буквы древнего заклинания, просто прочёл их, не забыв заменить «а» на шипящее «хха».

— Тс-с-с Соуэш Шххантхха Ххаэхтус... Бххантххарештхха! — с последним словом тело девушки отозвалось лёгким хрустальным звоном: душа покинула тело, даже не попытавшись зацепиться за дух. Как будто ей это не впервой... Всё равно. Хорошо, что эта часть прошла именно так, иначе у меня стало бы одним трупом больше. Шарик, сотканный из слепящего света, хаотично перемещался. Я спешно закрыл глаза ладонью: эта «штучка» могла лишить меня жизни во второй раз, уж слишком чуждая энергетика. Поправимо, но неприятно.

Внутренним взором я увидел, как душа попала в зону действия Уловителя и закрепилась в нём.

Самая сложная часть прошла как по маслу, только от переизбытка энергии, как близкой мне, так и враждебной, меня немного лихорадило, и кружилась голова. Терпимо, а потому я не стал предпринимать никаких мер. Я достал из-за пояса ритуальный нож, подошёл к жертве, предварительно окунув кончик лезвия во «Флюид тела». Периодически опуская кинжал в чашу, я смазал «флюидом» все чакры, центры ступней и ладоней девушки. Посох, паривший в воздухе, неустанно следовал за мной так, что я всё время оставался в круге. А дрожь всё нарастала... Как только не поцарапал её! Покончив с подготовкой тела, я стал спешно зачитывать слова активизации, превращающие отмеченные точки в приёмники-передатчики энергии:

— Дихтус... Дихтус... Тартах Кано.

Пришлось повторить заклинание несколько раз, активируя каждую точку по отдельности. Последние пять раз удалось проговорить с трудом: зубы стучали, а любая ошибка могла привести к очень серьёзным последствиям. Для меня в том числе.

Когда все точки вспыхнули, я склонился над жертвой, положил ладони на её лицо так, что указательные пальцы лежали на висках, большие закрывали рот, а остальные расположились вдоль висков, я шумно выдохнул чёрный дым, наблюдая за тем, как он связывает нас, а после просачивается в кожу девушки, минуя мои пальцы. Завершено.

Как только я отстранился, двойник прислонил Уловитель Душ к солнечному сплетению девушки, и ком света послушно вернулся домой. Девушка глубоко вдохнула, выгнувшись в поясничном отделе, и ровно, будто во сне, задышала, не приходя в сознание. Осталась самая мелочь: обеспечить ей комфортное пробуждение.

Я вернул Тень в её обычное состояние и жестами закрыл врата, прервав контакт с энергией смерти.

Дрожь унялась. На смену ей снова пришла пустота.

Глава VII

Больше вопросов — меньше ответов

Тебя уничтожает не реальность происходящего, а неопределённость этой реальности.

Карен Мари Монинг. Тайна рукописи

— Вы уничтожили столько моих братьев и сестёр, сломали жизнь мне, а теперь спокойно просите работать с вами? Никогда! Слышите, никогда! — коротко стриженная белокурая ведьма ринулась к мужчине в сером плаще, норовя вцепиться тому в горло, выколоть глаза... да сделать что угодно, чтобы он ощутил хоть малую толику её боли. Сбить спесь — было бы совсем хорошо... но вместо этого она наткнулась на невидимый барьер. Ведьма яростно колотила по нему — слишком свежи в памяти пытки, голод, собственная смерть...

— Хорошо, Александра. Ты не будешь работать с нами против своего желания. Но ты изменилась. Позволь тебе показать, кто ты, и научиться справляться с этим.

— С чего такая благотворительность? Знаю я цену вашей инквизиторской помощи... — в серых глазах отчётливо промелькнул испуг. — И методы оказания её — тоже...

— Этого больше не будет. С момента перерождения ты стала одной из нас, следовательно, и значишь много больше.

И действительно: подвалы сменились роскошными комнатами, пребывать в которых не постыдились бы и члены императорской семьи, кормили сытно и исправно три раза в день, вот только из одежды, кроме сорочек, ничего не выдавали, но и те из высококачественной ткани и практически не ощущались на теле. Правда, на волю так и не отпустили: что двери, что окна защищал подобный незримый барьер.

— Я не знаю, — она поникла, сдавшись.

— Знаешь. Скажешь, когда будешь готова принять...

Сон прервался настойчивой трелью мобильного телефона. Протяжная, надрывная, взрывающая мозг — звонили с работы. На остальных контактах стояли другие мелодии — для каждого своя.

— Этот Гонтьер вообще спит? — поинтересовалась Камилла, с явной неохотой выскальзывая из объятий Клэя. Он перевернулся на спину, вытянул левую руку и раскрыл ладонь, в которой устроился телефон. Ксандр сжал пальцы, на ощупь провёл по экрану, и, по-прежнему не открывая глаз, ответил на звонок.

— Надеюсь, ты хочешь сказать что-то действительно важное, — от услышанного в ответ Клэй даже сел на кровати. — Серьёзно? И что его на это сподвигло? — Заинтересовавшись, Кам тоже приподнялась, ничуть не стесняясь своей наготы. — Понятно, буду через десять минут, — Александр закончил разговор, Камилла села рядом, их взгляды встретились.

— Сильно припекло парнишку... с тобой идти? — Камилла зевнула.

— Как хочешь. Твоя смена ещё не началась, — Клэй уже одевался, хотя и быстро, но без лишней суеты, будто тело действует на автопилоте, в то время как мозг занят решением более сложных задач. Он мог поддерживать разговор, выполнять нужные действия, но мысленно быть очень далеко...

— Да ладно тебе, — Камилла закатила глаза. — Когда дело интересное, то мне только в кайф работать сверхурочно.

— А дело интересное? — Александр повернулся, приподняв бровь. Он как раз закончил с одеванием, отряхнув чёрный пиджак без пуговиц — хоть какая-то дань установленному имперскому дресс-коду. Но в сочетании с мятой кроваво-красной футболкой и мятыми же чёрными джинсами это казалось издёвкой, вызовом установленным порядкам. Клэй мог поступиться любыми, даже самыми значимыми законами общества, но лишь потому, что ненавязчиво демонстрировал силу перед каждым новым представителем высшей власти, таким охочим до развлечений.

— Ну... пока только из-за твоего отношения к нему. Да, мальчишка необычный, есть в нём что-то, но я не чувствую, что он связан с этим, — зевнув, Камилла подозвала бота-прислужника. Многие предпочитали обтягивать металлический каркас человеческой личиной, производство которых настолько искусно, что неорганические персонажи становятся практически неотличимы от создателей. Но Камилла не питала ложных иллюзий: сколько ни придавай жестянке сходство с человеком, всё равно останется сплавленными между собой кусками металла, несмотря на все навороты, в частности, ментальное принятие указаний.

И сейчас одного взгляда оказалось достаточно, чтобы машина подобрала нужные вещи, разложив их перед хозяйкой в порядке надевания. Они способны и одевать, но хозяйка не любила лишних прикосновений.

— У меня немного другой уровень способностей, — тактично напомнил Александр, с неодобрением посмотрев на взаимодействие бота и Камиллы. — И пока не было причин не доверять им.

— Конечно-конечно!

— Буду ждать тебя в машине, — с этими словами мужчина исчез и уже через несколько секунд стоял в холле службы безопасности. Его внезапное появление было встречено лишь безразличными взглядами — Клэй лично проводил набор персонала, что, в отличие от жильцов, состоял из людей. Честных, но бедных, поэтому ради стабильного высокого заработка они на многое закрывали глаза, а по прошествии нескольких лет научились делать это настолько искусно, что жилой комплекс служащих Afterlife казался обычным, ничем не примечательным, многоквартирным домом. И даже то, что внутри здание насчитывало порядка сорока этажей, а снаружи являлось неприметной пятиэтажкой, их нисколько не смущало. Человек — он ко всему привыкает. Иначе не выжить.

— Доброго времени, Александр Клэй, Ваш уход зафиксирован на пять часов сорок одну минуту до полудня, — отозвался дежурный, сделал пометки на сенсорном экране и продолжил пить синтофе — дешёвый синтетический аналог кофе с приторным вкусом, но усиленным возбуждающим действием.

— Удачной вахты, Артём.

Парень кивнул. Когда же двери разъехались, пропуская Клэя во внешний мир, тот потерял к происходящему всякий интерес, переведя стеклянные глаза на мерцающие мониторы.

Выйдя из стеклянных дверей, Александр вдохнул искусственную свежесть после дождя, который от настоящего отличен только едва уловимым металлическим запахом. Вскоре люди научатся контролировать погоду на территории всей планеты, а купола над городами и отдельными объектами — техническое достижение, стремительно изживающее само себя.

Клэй, вздохнув, водрузил тёмные очки на переносицу, в два широких шага дошёл до автомобиля обтекаемой формы, улыбнулся, когда по пальцам, держащим ручку, прошёл лёгкий электрический заряд, после чего дверца исчезла, а в салоне зажёгся мягкий свет.

— Едем? — спросил Клэй, стоило Камилле растянуться в пассажирском кресле, тут же принявшем форму её тела.

— Конечно. Не гони слишком быстро, я побуду в режиме восстановительного сна. А то голова болит, настроение ни к чёрту... — она вздохнула, прикрыв глаза.

— В тебе ещё много от человека, — Александр переключил двигатели в активное состояние, двери снова материализовались, и автомобиль плавно двинулся с места. — Пока ты держишь в голове старые модели — ты и будешь по ним жить.

— Давай займёмся моим воспитанием когда-нибудь потом? — взмолилась Камилла сонным голосом.

— Через десять минут ты должна быть предельно собрана и внимательна.

Ответа он так и не получил, чего и следовало ожидать. Программа услужливо предложила воспользоваться «разумным автопилотом», но Александр, не любящий автоматику настолько, насколько это возможно в современном мире, снова отказался.

Механизм с зачатком искусственного интеллекта не стал спорить, только робко предложил очки для более острого восприятия дороги, но Клэй отмахнулся и от этого предложения. За такие навороты в машине некоторые распродали бы себя по кусочкам — хотя все органы и выпускаются бесчисленными тиражами с 3D-принтеров, остались ещё «натуралы», не признающие «железок». И не только из-за финансовых соображений.

Кресло откинута чуть назад, кабина беспрерывно транслирует окружающую местность, обеспечивая обзор во все 180 градусов. Такой способ вождения нравился Александру много больше... да и не считал он нужным разрешать искусственному разуму копаться в себе без видимой на то причины. Машины и так развиваются слишком быстро, в то время как большая часть людей явно застряла в своём нынешнем состоянии. Просто потому, что так удобнее. К чему потрясать мир, который обеспечивает тебя всем, что твоя примитивная умственная организация может пожелать? Да и не примитивная тоже находит собственное выражение. Идеальный мир, как ни поверни.

Вот только души его обитатели давным-давно просрали. За ненадобностью.

Александр, даже не притормозив, проехал мимо въезда, общего для Afterlife и имперской полиции. Защитное поле безропотно пропустило его, или получив особые указания, или узнав машину... Клэй встрепенулся, отгоняя параноидальные мысли.

Парень. Среди дороги. Едва ли не на самой охраняемой территории страны. Испуганно озирается по сторонам, пятясь в сторону мужчины — автомобиль-то не издаёт ни единого звука...

Панель управления жалобно пискнула, рекомендуя остановиться. И на этот раз Клэй послушался без промедлений. Камилла ещё спала, он мельком глянул на часы — последняя фаза, она будет удивлена, не увидев его на водительском месте, да ещё и на подъезде к нужному корпусу... Но делать нечего — нужно идти. Пока парень не пустился в паническое бегство: анализ движений показал явную неустойчивость психики.

Всё так же бесшумно Александр вышел из салона, а уже через мгновение стоял перед парнем. Тинейджер, светловолосый, черты лица только начали грубеть — лет 16–17, не больше, хотя телосложение позволяет накинуть ещё лет пять. Как он тут оказался?

— Привет. Заблудился? — вкрадчиво спросил Александр. Парень вздрогнул, ответив, на

удивление, ровно:

— Сильнее, чем вы можете себе представить.

Вздыхнув, Александр снял очки.

— Пойдём, я отведу тебя домой, — чёрная бездна глаз с неправильно-белым зрачком затягивала, внушая не только страх, но и необъяснимое доверие... Однако юнец нашёл в себе силы отпрянуть.

— Сомневаюсь, — он закрыл глаза и отступил на шаг. Клэй хотел схватить его за руку, но пальцы сжали только воздух. Юноша исчез так же неожиданно, как появился. И теперь глава мистического Afterlife наверняка очень идиотски выглядит, о чём проснувшаяся Камилла не замедлила упомянуть.

— Саш, ты сбрендил? Поехали быстрее, нам ещё проблем с гонтьеровскими ребятами не хватало!

— Да, конечно, поехали, — он снова надел очки и тенью вернулся на прежнее место. В растрёпанных чувствах он даже передал машине управление... ему показалось, что та просто вне себя от радости управлять собой самостоятельно. Да, пора на отдых, Клэй... Заработался.

— Что случилось? — Кам обеспокоенно взяла руку Клэя в свою.

— Показалось кое-что. Всё нормально, у старых мозгов свои причуды, — он чуть сжал её руку, ободряюще улыбнувшись. Вот только выглядеть Александр и правда стал старым и уставшим, будто призрачные тени прошлого на миг показались на молодом лице. Камилла прикрыла глаза, чтобы избавиться от навязчивой иллюзии, а когда открыла, той уже и след простыл. Александр Клэй снова был собой — уверенный и всезнающий предводитель, самый могущественный человек в мире, как ей казалось.

Вот только реальность редко бывает такой, как кажется.

— Как разделаешься с этим делом — чтобы в течение хотя бы месяца я не видела тебя за работой. Мы с ребятами вполне справимся.

— Посмотрим. Ни к чему загадывать на будущее, когда настоящее настолько зыбко.

— Бу-бу-бу, дряхлый старпёр. С тебя уже пыль сыпется, — программистка поджала губы, отпустила его руку и стала смотреть прямо перед собой.

— Рад за неё, — мужчина вяло улыбнулся. — Я не в том настроении, чтобы продолжать разговор в таком ключе... тем более, мы приехали. Стой, — прервал он её попытку встать. — Я должен выйти первым.

Их явно ждали. Именно с этой стороны, общей для обеих организаций, верно рассудив, что и дело находится в компетенции каждого в равной степени. Гонтьер и Клэй обменялись сухим рукопожатием, Камилле пришлось довольствоваться только кивком, чему она была только рада: её неприязнь к начальнику полиции настолько сильна, что мысль даже о самом мимолётном телесном контакте вызывала отвращение.

— А ты не торопился, — холодно заметил полицейский.

— Дал подсудимому время привести мысли в порядок. Ты ведь тоже заинтересован в ясности показаний? — парировал Александр.

— Разумеется. Только как бы ты не переусердствовал, чтобы он передумал говорить...

— Не передумает, — заверил коллегу Клэй.

В напряжённом молчании они преодолели однообразные коридоры, сделав последний поворот как раз тогда, когда путь стал казаться бесконечным. Гонтьер шёл впереди, открывая все двери, вот и сейчас он первым оказался в камере предварительного заключения

Андрея Волкова. Тот сидел на кровати, спустив ноги на пол, и, сжимая матрац, смотрел перед собой. Не двигаясь, практически не дыша.

— Я буду говорить только с патлатым, вы всё равно ведёте запись, — безапелляционно заявил он, не изменив положения и выражения лица.

— Вы можете это как-то обосновать? — вкрадчиво поинтересовался Гонтьер, явно не желая оставаться в стороне. Джей поднял голову, охватив взглядом всех присутствующих разом, но более пристально остановившись на Александре.

— Он поверит. И найдёт верное объяснение.

— Сэм, задерживаешь, — укорил Клэй мешкавшего коллегу. — Ты будешь видеть и слышать то же, что и я, по окончании разговора детально разберёмся. Я говорил о сотрудничестве, от своих слов никогда не отказываюсь, — их взгляды встретились.

— Хорошо. Но если что-то пойдёт не так — я имею право вмешаться, и, уж будь уверен, я им воспользуюсь. Так что, Андрей Волков, — он повернул голову к нему, — советую обойтись безо всех этих Ваших фокусов.

— Расслабься, я слишком устал. Давай, мамочка, иди уже, детишки сами справятся со своим дерьмом.

— Сколько негатива в одной маленькой комнате... Как бы это не отозвалось ураганом в другой части света, — глубокомысленно заметила Камилла, вынудив присутствующих сбавить обороты.

Сэм Гонтьер вышел. Не смотря по сторонам и не оборачиваясь, лишь недобро щурясь и ясно давая понять, что запись прерываться не будет. Переглянувшись с боссом напоследок, Камилла последовала примеру Сэма, правда, с куда большей прытью: она явно чувствовала себя не в своей тарелке.

Едва уловимым жестом руки Клэй передвинул и поставил кресло напротив Волкова и плавно опустился в него. И теперь они оказались на одном уровне — насколько Александр мог судить о человеческой психологии, видимость равного положения должна располагать к более открытому диалогу. Он положил руки по подлокотникам кресла, создав максимально незащищённое положение, и молча смотрел перед собой, словно бы не нуждаясь в этой долгой беседе. И в то же время подогревая нетерпение Джея.

— Не знаю, с чего начать, — пояснил Джей возникшую паузу.

— Если ничьей жизни не угрожает опасность, то начинай с главного и дополняй подробностями.

— Опасность? И да, и нет, — размышляя, неформал неторопливо перебирал пальцами правой руки. — У того, кого вы ищете, появился напарник... Вернее, напарница. Убийца... — Андрей зажмурился. — Я не знаю, как он выглядит, как его зовут, но знаю, кто он. Некромант, — Волков поднял голову, ожидая реакции. Клэй кивнул.

— Что-то такое я и предполагал, но ни один из известных мне адептов не пошёл бы на это.

— Ты уверен, что знаешь всех? — Джей усмехнулся.

— Теперь нет, — спокойно согласился Клэй. — Но это значит, что маг очень силён, раз так умело прячется. И в начале своего пути, когда все маги попадают на глаза, он заручился поддержкой сильного покровителя, — размышлял он, казалось, для самого себя, но на деле же помня, что где-то за стеной наблюдает Гонтьер. Ему не улыбалось потратить уйму времени на раскрытие очевидного, и сейчас он надеялся прояснить хотя бы часть. Ну, и заручиться бОльшим доверием Волкова.

— Плохо дело, — уныло констатировал Джей, после чего снова выдержал паузу, собираясь с мыслями. — Но теперь ещё хуже. Напарница обеспечивает ему доступ к живой энергии.

— Проводник. Странно, что маг его уровня позаботился об этом только сейчас. Значит, он ещё молод и неопытен, рассчитывает на свои силы.

— Точно. Его заставили, он оттягивал, как только мог.

— Кто?

— Смерть, — отрезал Джей, но поспешил оговориться. — По его ощущениям и словам.

— Конечно уж. Она не может иметь воплощения и занимать чью-то сторону... Ей одинаково безразличны и поклонение, и ненависть. Она просто есть. Точно молодой маг... Как она проявляет себя?

— По-разному. Иногда как женщина в непроницаемых чёрных одеждах, иногда как сгусток тени.

— Очень интересно.

— Я знал всех погибших. И девушку... Проводника знаю тоже. Ирина Керенская — сводная сестра одного моего знакомого. Мёртвого. При невыясненных обстоятельствах. По одной версии — самоубийство, по второй — убийство. Они вроде как спали друг с другом, чёрт их знает, может, и любили даже — были не разлей вода. Увлекались культом смерти. Насколько я знаю её, ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего, но сама по себе не особо сильна. Я думаю, она хочет вернуть Стаса к жизни.

— Хм. Твоё предположение не лишено смысла. Насколько я понимаю, ты видел их сегодня? Где они были?

— Понятия не имею. Какое-то очень древнее кладбище, сам некромант обосновался в какой-то готического вида гробнице. Да и захоронения местные... Точно не наши. Похожи на германские.

— Или это может быть самый обыкновенный пустырь с перенесённой реальностью... Маг таких сил не мог не наследить. Ладно, о прошлом забудем, но сейчас-то я должен был почувствовать возмущения Поля. С каждой минутой эта история нравится мне всё меньше, — Александр провёл рукой по волосам и медленно поднялся. — Помнишь ещё что-нибудь? Детали преступлений? Может быть, какая-нибудь отражающая поверхность, в которую вошла хотя бы часть его облика? Что-нибудь в его действиях?

Джей нахмурился, сосредоточенно копясь в навязанной памяти.

— Это как сны. Чем больше времени проходит, тем меньше можешь вспомнить... — он прикрыл глаза. — Когда я, чёрт, он убивал Логинова, у него были длинные белые волосы. До пола. Но до и после? Нет.

Александр только вздохнул.

— Сердца. Они трепыхались, даже когда он выдирал их из жертв... Всегда один и тот же ларец с какими-то символами... Ай, чёрт! — Джей стиснул зубы и схватился за голову.

— Всё, тихо, ты и так сказал достаточно, — Александр присел на корточки, дотронулся одной рукой до колена юноши, другой снял очки. — Отдыхай, — произнёс он, когда Джей посмотрел на него. Он не сопротивлялся, закрыв глаза и расслабившись на кровати. Клэй снова надел очки, переместил тело в более удобное и естественное положение, постоял над ним минуту-другую, размышляя, после чего с заметной резкостью в движениях вышел.

Впереди ещё не одна неприятная беседа. И догадки, домыслы, предположения — ничего конкретного. Кроме того, что все они в полном дерьме: факт яснее некуда.

Глава VIII

Сложная правда

*Совсем другие герои,
Совсем другие у них имена,
Но все с одною судьбою,
Одной на всех, во все времена.*

Чёрный Обелиск — Другие Герои

Кое-как поставив машину на парковочное место, Мария Волкова включила автопарковщик и вышла, предоставив умному механизму самому справляться с этим неблагодарным действием. Порывистыми движениями она покинула салон и, не дожидаясь сына, направилась к двухэтажному бревенчатому дому, больше напоминавшему загородную резиденцию уставшего от городской суеты миллиардера: настоящую древесину практически нигде не раздобыть, иметь такой дом — очень дорогое удовольствие. Да ещё и яркая растительность вокруг: сосны, клёны, дубы, берёзы... тоже настоящие, а не имитация. Андрей, вышедший вслед за матерью, посмотрел на небо: голубое, без единого облака. Ещё и климат-контроль... Да, обдирает своих клиентов Док нехило. Андрей мысленно поставил себе задачу спросить у матери о цене одного приёма.

Всё здесь наводило на мысли о покое, умиротворении, никоим образом не походя на обычную сумятицу общественных учреждений. Проходя сквозь резную деревянную арку, Волк, как называют его знакомые (банально, но ему нравится) надеялся хотя бы внутри здания найти что-то привычное себе, но и здесь его ожидал сюрприз. Вместо работника-секретаря за ресепшеном перед ним предстала очаровательная рыжеволосая девушка, раскладывающая пасьянс на громадном, из зелёного мрамора, столе. И не электронный — бумажный... Андрей встрепенулся и коснулся плеча матери, опасаясь, что находится в плену другого мира. Женщина только подёрнула плечом: не до тебя, мол, отстань.

Всё реально. Даже эти доски, чуть слышно поскрипывающие под ковролином от каждого шага; гобелены на стенах, выполненные в очень даже актуальном футуристическом духе...

У паренька, видевшего только синтезированные предметы и технические ухищрения, закружилась голова. С доходами от компании они могли бы позволить себе иметь несколько десятков подобных комплексов, вот только никому из его семейства это не было нужно. Да и сам он радовался полному переходу от бумаги на цифровые носители... всё же, к такому его жизнь не готовила.

Андрей опустился в обыкновенное кожаное кресло — ни намёка на автоматику — и позволил себе расслабиться, пока мать возится с оформлением.

Загруженная проблемами, заботами, работой и самой собой, она ничего этого не замечает или же была здесь раньше?

Настоящее дерево пахнет приятнее синтезированных имитаций. Даже от самых лучших производителей. Все, кому было, с чем сравнить, это понимают. Вот только изменить уже ничего нельзя, разве что создавать подобные зелёные уголки, но для масштабного

восстановления природы нужно свести к минимуму антропогенный фактор. А другой планеты у человечества нет. Как бы ни усердствовали учёные марсианских научных поселений, обживание других миров — дело будущего. Не такого отдалённого, как сто лет назад, когда для простейших вычислительных операций требовалась огромная бестолковая машина... но всё-таки достаточно далеко.

А ведь если вложить хотя бы половину затрачиваемых на Марс ресурсов в возрождение экосистемы родной планеты, то ситуация перестала бы быть настолько напряжённой... но нет. Как понял Андрей, здесь срабатывает принцип «сломал старое — купи новое». И чем больше доступно людям, тем они расточительнее. Чем больше перспектив, тем меньше внимания настоящему. Аве, будущее!

Но, построенное на руинах, сможет ли оно настать?

— Так, Андрей, мне нужно срочно уехать. Когда закончите — позвони Владимиру, всё равно без дела сидит, а деньги всегда требует вовремя.

Волк открыл глаза, какое-то мгновение фокусируя взгляд на матери и вспоминая, где находится: за время диалога с секретарём он успел задремать. Уж больно спокойная и приятная обстановка... Он обязательно обзаведётся похожим домом. Сначала в виртуальном пространстве, где не нужно никаких разрешений, согласований с эксцентричными архитекторами и недалёкими строителями, а затем и в реальности, уже со всем вышесказанным.

— Я понял, мам, — спокойно отозвался Андрей, кивнув, будто поверив, что уезжает она действительно по делам, а не просьбе очередного хахаля. Спасибо и на том, что откровенной лжи она предпочитает недосказанность: значит, какие-то зачатки материнского инстинкта имеются.

— Веди себя хорошо... на карточке у тебя денег достаточно, я проверила... Приедешь домой, отправишь домашнее задание, и ты свободен, — Мария даже обняла сына на прощание, он обнял в ответ, не нарушая правил игры.

Ну, прямо идеальная семья! Хотя сейчас в рекламу сока или стирального порошка.

— Конечно, мам. Буду ждать тебя к ужину, — равнодушно проговорил Андрей заученной и многократно повторяемой фразой. Сыновний долг на сегодня исполнен, хотя при следующей встрече — он в этом почти уверен — Мария упрекнёт его в холодности... недопроявленном артистизме, как называл это он сам.

«У тебя может происходить что угодно, но давай договоримся так: при посторонних ты счастливый, успешный человек, у которого всегда всё как по маслу. Держи своё дерьмо при себе, до него никому нет дела», — сурово выговорила ему мать, когда он высказал всё, что о ней думает, при каких-то важных гостях. Ну, или почти всё. Потом она долго извинялась за эти слова, утверждала обратное... Но всё-таки это накрепко засело в его голову, став уроком, который он будет помнить всю оставшуюся жизнь. Вот для чего нужны родители — навязать чаду картину мира, с которой ему будет прожить проще всего. По их мнению.

Он позволил себе немного расслабиться только тогда, когда за матерью закрылась дверь. Выжидающе посмотрел на девушку, но не слишком спешил покинуть уютное кресло, так, пошевелился для вида.

В отличие от роботов, вежливые намёки она понимала. Радужно улыбнувшись как своему хорошему знакомому, девушка встала со своего места.

— Пройдёмте, Доктор ожидает вас.

С сожалением он оторвался от уже родного кресла и проследовал за ней.

— Как к нему обращаться?

— О, не волнуйтесь по этому поводу, Доктор всегда начинает со знакомства, — девушка продолжала улыбаться, хотя и не всегда была в зоне его видимости.

— Понятно. У него, наверное, какие-то особенные методы лечения, раз он смог заработать себе на это, — он обвёл взглядом холл, вдоль стен и потолка которых тянулась бежевая разновидность мрамора, картины, ещё какой-то антиквариат, дать определение которому Андрей затруднялся; пол же перемежался мрамором со вкраплениями чёрного дерева, из которого сделаны и картинные рамы.

— Нет, что Вы! — девушка рассмеялась. Тоже каким-то заученным смехом... — Доктор просто разговаривает. В этом его гений... лечить только словами.

— Болтун от бога, — хмыкнул Андрей, похоже, всерьёз обидев этим секретаршу одарённого психолога.

— Вы сами всё поймёте, — вздохнула она, остановившись перед дверью... И снова у него появилось чувство неправильности происходящего. В отличие от остального безукоризненного интерьера, она казалась уж слишком небрежной. Дерево, выкрашенное оранжевой краской, местами облупившейся, поцарапанной, прожжённой и даже поменявшей цвет; испещрённой формулами и неопределяемыми символами с вопросительными или восклицательными знаками напротив... Никакой таблички не наблюдалось. Кажется, доктору и самому давно пора лечиться. Происходящее всё больше и больше забавляло Волкова-младшего, даже вызвало неподдельный интерес, ему не терпелось познакомиться с хозяином этого странного места, хотелось знать, что произойдёт дальше.

Сеанс ещё не начался, а он чувствовал себя гораздо лучше. Сама атмосфера места к этому располагала.

— Ну, что же Вы? Входите, — мягко подтолкнула его девушка.

— Что, просто войти? Без стука, какого-то предупреждения? Мало ли, чем он там занят... Вы разве не должны сообщить обо мне? — Андрей заметно нервничал и едва ли мог найти этому рациональное объяснение.

В ответ на это секретарша (до чего же не вяжется с ней это слово!) только улыбнулась и размеренным шагом отправилась прочь. Поняв, что ему больше ничего не узнать, он досадливо вздохнул. Может, этот хвалёный доктор что-то объяснит... Тянуть и дальше не имело смысла, поэтому, не давая себе времени на раздумья, Андрей распахнул дверь, и практически сразу его взгляд упал на хозяина этой «обители». Он сосредоточенно жевал пиццу, взглядом пролистывая смутно знакомые юноше чертежи. Короткие светлые волосы, мятый белый халат — как дань традиции, явно найденный и надетый наспех, слишком женственное лицо, чему Андрей не придавал никакого значения — в его сознании твёрдо залегло, что нынешний доктор непременно мужчина. Пусть и со странностями.

Он в нерешительности потоптался с ноги на ногу, тактично кашлянул, желая привлечь внимание странного психолога на свою персону. У него же пациент, о визите которого он прекрасно знает. В конце-то концов, он же зарабатывает на этом!

— Привет, Андрей. Садись... куда-нибудь. Прости за беспорядок и такой вид — тяжёлая выдалась ночь, пришлось применить чуть ли не все знания врачебной практики. Можешь почитать, посидеть в Интернете, у меня вай-фай на голосовом пароле: «правда или вымысел?». Вопросительную интонацию выдержи обязательно. Я скоро закончу, — не поворачивая головы, ответили ему, снова сбив с толку: голос-то у Доктора женский, зря он проигнорировал слишком мягкие черты лица. И этот странный пароль заставил юношу

вздрагнуть, как нельзя лучше отражая его сомнения.

Он огляделся. В некогда просторном, светлом и уютном помещении царил Хаос. Именно с большой буквы, потому как иначе это форменное безобразие назвать язык не поворачивается. Вернее, повернуться-то он повернётся, но не у Воспитанных Людей, к числу которых Андрей привык себя относить. Всюду разбросаны планшеты-заметки — устройства, пришедшие на смену бумаге, записи с которых возможно объединять и копировать на компьютеры, ноутбуки, планшеты, таким образом стирая старую информацию с внешнего носителя, и записывать новую, но, видимо, доктор считал как-то иначе. И, судя по разрухе, кому-то это сильно не понравилось.

Вместо того, чтобы воспользоваться вполне хорошим советом, Андрей стал копаться в планшетных листах. Часть из них запрашивала код, часть несла в себе книги самых разных жанров и авторов, а другая походила на наблюдения самого хозяина кабинета. Голые факты, не несущие никакой эмоциональной окраски, слова, да ещё и научного языка, сокращены, так что понять, о чём речь, было практически невозможно.

Сам не замечая, как, он начал сортировать листы в аккуратные стопки по цвету, степени шифрования или информации, если таковая доступна. Он так увлёкся этим занятием, что не заметил, когда доктор освободился. И теперь настал её черёд тактично кашлянуть.

— Спасибо, конечно, за помощь... Но, может быть, мы всё-таки начнём? — произнесла она, когда Андрей отвлёкся от своего занятия.

— Конечно, извините, — Волк поднялся и сел в только что освобождённое кресло, аналогичное тому, что стояло в приёмной.

— Зови меня Клэй. Я психолог с пятнадцатилетним стажем, и я не понимаю, зачем твоя мама водит тебя по моим коллегам.

Значит, ей около сорока, а то и больше. Внешний вид давно перестал быть хоть сколько-нибудь значащим критерием при определении возраста. Но что она выкинет на этот раз? Скажет, что он абсолютно здоров, а деньги всё равно оставит себе?

— Вы не могли бы немного уточнить?

— Ты гений! Я просмотрела ряд Ваших концепций, что Вы готовите к публикации, и я под впечатлением. Так просто... — она покачала головой, будто бы огорчённая тем фактом, что эти идеи пришли в голову не к ней.

Внутри же юноши всё похолодело. Она стянула данные с ноутбука, о существовании которого даже мать, контролирующая всю его технику, и знать не знала.

— Как Вы получили доступ? И какого уровня? Вы же понимаете... как учёный, — Андрей прерывался, подбирая подходящие слова, — что об этих разработках никто не должен знать, пока я не доведу их до ума и не представлю общественности от собственного имени?

— Поверь, это должно заботить тебя меньше всего. У меня свои способы взлома, но у тебя мощная защита, и я владею только самой поверхностной информацией, и уж точно не собираюсь присваивать себе плоды твоего ума, — вкрадчиво отозвалась женщина. — Меня больше волновали твои наброски с записями о другом мире и твоём тезке, — она пристально взгляделась в парня, тот отвёл глаза, представляя, как однозначно все её находки выглядят со стороны. — Я повторюсь: ты гений. Для вас, людей иного ума, безумие является неотъемлемой составляющей личности, и любое вмешательство будет способствовать ещё большему разрушению сознания, отдалять от нашего мира... Хотя и не утверждаю, что он настоящий, или что реальность, в которой мы живём, единственно возможна... Но подожди,

я замахнулась слишком сильно, спрашивай, — воодушевлённая отстранённость на её лице сменилась участием с лёгкой, чуть виноватой, улыбкой.

Потрясённый сказанным, он не сразу нашёл, что ответить, заслушавшись донельзя вдохновенной речью. И даже неприкосновенность самых дорогих файлов его жизни перестала иметь значение.

— Вы правы, вопросов очень много. Мысли путаются, я не могу собрать их... Давайте по порядку. Вы поставили между гениальностью и безумием знак приближённого равенства. Здесь я с вами согласен. Гениальность ходит под ручку с безумием, но только не наоборот. Предположим, вы переоценили мои умственные способности... Что тогда? Я болен? — речь Андрея, в отличие от речи Клэй, была сдержанной и неторопливой. Он тщательно подбирал слова, стараясь выразиться как можно яснее, но это стоило ему больших усилий. Как никогда.

— Ты здоров. Знаешь ли, тут всё сугубо индивидуально... — Клэй вздохнула оттого, как тяжело и долго ей предстоит всё объяснять. — Просто твоё душевное здоровье отличается от общепринятого, а всё, что выходит за грани нормы, должно быть возвращено к ней или уничтожено. По идее. Твоя реальность сильно отличается от реальности твоей матери, придерживающейся реальности подавляющего большинства, она не хочет, чтобы ты был уничтожен или как-то угнетён, а потому пытается «вылечить» тебя, подогнать под норму. Нормальное родительское желание... Отличие от привычного не всегда дефект. В твоём случае — как раз наоборот. Потому что мир, в котором ты бываешь, тот человек, с кем делишь своё сознание — они существуют на самом деле, — Клэй говорила торопливо, с напором человека, твёрдо уверенного в своём мнении. Прервавшись под непонимающим взглядом юноши, она воспользовалась паузой с тем, чтобы выпить стакан воды и взять эмоции под контроль. — И ты это знаешь, просто предпочитаешь не бороться с навязываемым мнением, — добавила она уже спокойнее, снова опустившись в кресло.

Андрей долго молчал, осмысливая сказанное. Клэй не торопила его, тактично повернувшись к монитору и оставив наедине со своими мыслями. Напрасно она назвала его гением — то, как надолго он «завис», никак не оправдывало это звание.

Что-то в её словах не то... Вернее, всё было «не то», но что-то особенно не давало ему покоя. Опустив наиболее шокирующие умозаключения, лежащие на поверхности, он мысленно воспроизвёл сказанное ещё раз, надеясь, что запомнил верно. И то, что тревожным колокольчиком позванивало на краю сознания, заняло центральное место. Он нигде не писал и никому не говорил о том, как именно выпадает из реальности, иногда будучи собой, иногда местным Андреем Волковым. Разве что матери, и то мельком... Да и не было у неё времени обсудить это с Доктором.

Андрей поднялся.

— Предположим, Вы правы: мир, в который я выпадаю, существует. Я и сам почти уверен в этом. Но откуда Вы узнали, каким образом я там бываю? Нигде об этом не упоминалось. Вам многое известно, больше моего... Я уверен. Постарайтесь, чтобы я поверил, — отчеканил он.

— Заметил всё-таки... — Клэй улыбнулась. — Значит, я не ошибаюсь на твой счёт. Скрывать мне нечего: ты не первый обратился ко мне с подобной историей. Многие люди путешествуют по мирам, но они не могут делать это по своему желанию, как «выпадаешь» ты, и мало кто делит с кем-то одно тело, потому как и существует в единственном экземпляре. Но их перемещения были бы невозможны без специальных Врат, и ровно

семнадцать лет назад, впервые, спустя долгое время, Врата снова открылись. Ключ — ты. И тот... мужчина. Его ведь тоже зовут Андрей Волков?

Он решил, что сегодня удивляться больше не будет.

— Да. Семнадцать лет с чего? Есть конкретная дата, с которой производится отсчёт? — вопрошал он, уже догадываясь, какой последует ответ, и боясь его.

— Со дня твоего рождения.

— Почему именно с моего? Могли быть и другие... И какое событие произошло в этот день? — не унимался Андрей, до последнего отказывающийся верить в свою уникальность.

— Мальчик... — вздохнула Клэй, — других нет. В этот день родился только ты.

— Не может быть.

— Не веришь мне — проверь сам.

— Проверю, можете не сомневаться. Что насчёт причины?

— Первое путешествие.

— Слишком всё удачно совпадает, — Андрей покачал головой. — Ваш источник мог ошибиться.

— Нет... это было моё путешествие.

В ответ на это Андрей сокрушённо опустился в кресло:

— Всё, сдаюсь, Вы очень хорошо подготовились.

— Правде подготовка не нужна.

— Ладно, будь по-Вашему, я избранный... — усмехнулся он, показывая, что ни на йоту не верит в это. Но главной своей цели Доктор Клэй добилась: парень заинтересовался. — И что дальше?

— Приходи послезавтра, как назначено. Нет смысла грузить тебя новой информацией, пока не переварил старую. Дня на все проверки, результаты и выводы должно хватить... Ты же умный парень. А на сегодня мы закончили.

— Что, уже? — Андрей растерянно глянул на время: он провёл здесь больше трёх часов! — А, да, задержались мы, мама, наверное, волнуется... Можно последний вопрос?

— Хорошо, но только самый последний, — улыбнулась Клэй.

— Как Вам удалось отстроить такой дом, связано ли это с грабежом клиентов? — Волк совсем осмелел, но тут же осёкся. — То есть, я имел в виду...

— Я всё понимаю, — женщина рассмеялась. — У меня нет фиксированного прайс-листа, каждый платит столько, сколько может и хочет заплатить.

— Ясно... — протянул он, решив, что окончательно поехал крышей: так не бывает! Но почему-то от этого осознания стало так легко... — Было приятно познакомиться. Спасибо за этот разговор.

— Ну, я просто делаю свою работу. До скорой встречи, Андрей.

Он кивнул и в совершенно смешанных чувствах покинул кабинет. Обратный путь совершенно не отложился в его сознании: перед глазами, вместо привычного интерьера, крутились, сливаясь в одно яркое пятно, образы совершенно другого мира. Его снова тянуло туда, с силой, которой невозможно было противиться. Да и не хотелось. Особенно теперь, когда Клэй почти убедила его в том, что она реальна, а не плод больного воображения.

Вышел Андрей не в чашу густого леса, как следовало ожидать, а во двор трёх зданий, разросшихся в длину и ширину, архитектура которых хоть и имела ряд общих черт с привычной ему, но была совершенно иной. Под ногами ровное, чуть шершавое, чёрное покрытие... рядом с ним показался человек в офисной одежде, сосредоточенно читающий

что-то на планшете, он двигался с обычной скоростью, вот только сам при этом не сделал и шага. Под ним перемещался пол — вполне объяснимо и неудивительно, если бы существовала какая-то траектория движения. Здесь же никакой системы не наблюдалось: просто шёл себе человек по делам, и всё. Силой мысли он им, что ли, управляет?

Допив что-то из стаканчика, мужчина небрежно бросил его через плечо, прямо на странную поверхность, услужливо поглотившую мусор. По спине подростка прошёл холодок: что-то ему подсказывало, что с «ненужным» человеком этот материал расправится так же просто, как с пластиковым стаканчиком. И испытывать это на себе никак не хотелось.

Ведомый той же силой, что привела его сюда, Андрей пошёл к центральному зданию, несколько позже поняв, что их вовсе не три, как ему показалось сначала, а одно, но с резко отличающимися друг от друга корпусами. Только по виду — длина и количество этажей, как и любые технические параметры, у них одинаковы. Видимо, это и задумывалось как единый проект.

Один корпус — центральный — перпендикулярен двум другим, расходящимся от него ровно посередине. В некотором отдалении или с высоты птичьего полёта наверняка открылась бы крестообразная форма. Станный мир, странные люди... несмотря на всю поверхностную схожесть с его родным.

Будто бы зная дорогу, Андрей уверенно шёл к пока неведомой ему цели, где-то прячась, пригибаясь, поворачивая или, наоборот, не таясь, шёл прямо — каждый шаг приближал его к тому, ради чего его выдернули из родной реальности, он чувствовал нарастающее напряжение и покалывание вдоль позвоночника.

Стена из ровных серых плит, одинокая дверь оттенка чуть темнее. Она выглядела практически как новая, отчего создалось впечатление, будто использовали её редко. Какой-то чёрный ход? Юноша потянулся открыть её, но тут же одёрнул руку. Внутрь не нужно. Спрятаться под лестницей.

Он послушно выполнил заданные указания, его дыхание участилось, сердце стало биться всё чаще... Джей — его двойник в этом мире — внутри. И пусть они отдельно друг от друга, в голову Андрея проникали обрывки его мыслей, слишком разрозненные, чтобы попытаться сложить в определённую картину, но слишком настойчивые, чтобы игнорировать.

Забыв об опасениях, Андрей опустился на пол. Не только насущные проблемы вились в сознании Джея, хотя они и занимали центральное место, но было место и другому, куда более понятному и близкому Андрею: третьему миру. Раньше это казалось очередным бредом, но теперь навело на вполне естественную мысль: есть и другие.

Стоило только допустить это, как запястье левой руки обожгло. Где-то в одиночной камере сжал зубы Джей, пряча руку под подушку, Андрей зажмурился: боль оказалась сильнее любопытства, что же так выжигает кожу на манер клейма. Если Джей практически не замечал боли, то для Андрея она стала центральной составляющей... с двойником это происходит явно не в первый раз, чего нельзя сказать о нём самом.

Боль отступила так же резко, как возникла.

Андрей вскочил, встряхнул руку, стал придирчиво осматривать и щупать место ожога, но от него не осталось и следа.

Значит, так нужно. Он же обещал себе не удивляться. Только хочется домой как можно быстрее... не нравится ему этот мир, не принёсший ему ничего, кроме боли и отвращения.

Хотя, достанься ему более удачный «близнец», всё могло бы обернуться совсем иначе.

Не задумываясь над тем, что делает, он направился дальше. Домой? Окружающая обстановка стремительно выцветала, мутнела, всё больше теряя реальность...

Домой.

...пока не стала настолько призрачной, что Андрей перестал замечать её. Он кого-то задел плечом, пробормотал извинения и поспешил скрыться с глаз — не по собственной воле. Перед взором мелькал родной мир и в то же время проявлялся чужой, ещё более далёкий и жуткий, чем этот. Образы его стремительно накатывали на тинейджера, но от увиденного он в страхе пятился назад, другая реальность насаждала с новой силой, и тогда он, отвернувшись, бросился бежать к стремительно отдаляющемуся родному миру.

— Привет, заблудился? — голос незнакомца выдернул его из промежуточного пространства между мирами, вернув в уже совсем исчезнувшую реальность.

Андрей вздрогнул: от резкого возвращения он не вполне успел прийти в себя.

— Сильнее, чем Вы можете себе представить.

Человек кого-то ему напоминал... или они виделись раньше — Андрей не мог вспомнить, но был готов поспорить, что тот чувствовал то же самое. Чувствительность его повысилась настолько, что он мог отличать отголоски чужого настроения.

Мужчина снял очки.

— Пойдём, я отведу тебя домой.

Его глаза затягивали, снова лишая едва проснувшейся воли... Но Волков нашёл в себе силы встрепенуться и отпрянуть.

— Сомневаюсь, — отчеканил он, закрыв глаза и повернувшись на месте.

Длинный, бесконечно длинный день...

Глава IX

Конец Империи

*Начало, конец, взлёт и падение...
Мы смертны, всё — конечно.
Мир пал жертвой разрушения,
Судьбу цивилизации уже не изменить.*

Celldweller — End Of An Empire

Каждый шаг давался Ан-Джею с трудом: годы капсулизации сделали своё дело, и даже 24-часовая адаптация организма к изменившимся условиям не восстановила нейронные связи в достаточной мере, чтобы он мог передвигаться самостоятельно. Ноги дрожали, предательски подкашивались; Император опёрся о плечи одновременно двух Экземпляров, чьих номеров не мог разглядеть: зрение то прояснялось, то пропадало, то становилось пугающе чётким, то мутным, одинаково плохо распознающим объекты и вблизи, и вдали. Его мутило, несколько раз приходилось останавливаться для посещения туалета — организм справлялся как только мог, разгоняя замедленный капсулой метаболизм до оптимального уровня, выводя побочные продукты обновления тканей.

Да, задержался он в капсуле. Ещё лет десять — и от Императора Ан-Джея и правда бы остались только воспоминания. Он понимал это и мысленно благодарил Ал-Клэй, хотя и понимал, что реабилитировала она его не по собственной прихоти или состоянию его здоровья, нет... случилось Нечто, с чем оставленная им Межпланетарная Людская Империя не могла справиться своими силами. В те редкие моменты, когда сознание его прояснялось, он строил догадки, большинство из которых сводилось к эпидемии или новой войне, вроде той, из которой он вышел победителем, но с огромными потерями.

Он нужен Империи. Пусть когда-то отвергнувшей, но всё же *его* Империи. Эта мысль заставляла его приходить в себя и идти дальше, преодолевая сопротивление некогда ловкого и послушного тела. Он нужен людям, что, по его мнению, чтят память о нём... Нужен своей женщине, в конце концов, прождавшей его столько долгих лет.

Скоро тело адаптируется, и его затянет в водоворот привычной жизни. Впрочем... привычной ли? Его не было так давно. Всё могло кардинально поменяться. Императора охватывали любопытство и страх одновременно. Вот она — самая страшная вещь креационного сна. Ты засыпаешь в одном мире, а просыпаешься уже в совершенно другом — он изменился до неузнаваемости, а ты остался прежним, с устаревшими взглядами на жизнь и позабытой моралью. Тебе внушали, что слабых надо защищать, что это укрепит твой дух и приблизит тебя к достойнейшим из человеческого рода, а потом люди единогласно пришли к выводу, что слабые подлежат уничтожению, и чихать они хотели на твои нравственные устои, человек из другого века. Ан знал и о таких случаях, хотя они и происходили задолго до его рождения, когда человек всё ещё тяготел к Животному, а не к Разумному. Пускай современники считали это фантастикой, снисходительно улыбались и качали головой, отвергая такое позорное прошлое, — оно было.

Все, кто не закрывал глаза на правду, могли только надеяться, что обратного процесса

не произойдёт.

То, что было в жизни до капсулы, казалось ничем в сравнении с этими нескончаемыми коридорами, по которым практически волокли тело Императора. Адаптация шла полным ходом, но Ал думала, что большую её часть Ан-Джей перенёс во сне... и то, как он страдал, пугало её, заставляло чувствовать себя виноватой.

Но медлить было просто нельзя. Иначе только и останется, что присоединиться к Усопшим.

Наконец, когда силы практически покинули царскую особу, а у неуязвимых Экземпляров участилось дыхание, они пришли. Судя по едва слышному рокоту двигателей, в космопорт. Если возникла настолько срочная необходимость покинуть спокойную колонизированную планету, то дело явно приняло нешуточный оборот.

Его подхватили под ноги и руки, водрузили на мягкое ложе, за что он мысленно поблагодарил их — речь пока ещё не подчинялась Ан-Джею или же требовала слишком больших усилий, а пара слов того не стоила. Да и они просто выполняли свою работу, то, на что их запрограммировали — благодарность здесь явно лишняя, не поймут.

Еле живой, Император часто дышал: нелегко ему далась прогулка. Будто через изошрённые пытки прошёл, как тогда, когда оказался захвачен врагом... Аналогия ему не понравилась, и он поспешил отогнать её от себя: сейчас-то всё по-другому, он в безопасности, на дружелюбной территории, среди друзей. И наконец-то принял горизонтальное положение — о большем в нынешнем состоянии он и мечтать не мог.

— Госпожа, Император сейчас не в состоянии перенести перелёт, — отчётливо расслышал Ан вкрадчивый голос Экземпляра. Теперь, когда глаза закрыты, тело в спокойном положении, слух значительно улучшился, разум прояснился.

— Сколько времени ему нужно на... восстановление? — тихий, но уверенный голос Ал-Клэй.

— Не меньше суток. Точнее мог бы показать анализ...

— Отменяется, — резко перебила его Ал. — Ты же сам видишь, состояние нестабильное, любое техническое вмешательство или излучение сделают только хуже.

— Тогда ничем не могу быть Вам полезен... — послышался шорох шагов, видно, Экземпляр собрался уходить.

— Нет, стой. Можешь. Нам нужно ускорить процессы... Ферменты, неорганические катализаторы, что-нибудь?

Экземпляр замолчал надолго. Ан-Джей даже успел впасть в дрему, но силой отогнал её. Хватит. И так слишком долго спал.

— Да, Вы правы, есть кое-что... — шелест ткани, лёгкий металлический звон, щелчок. Ан повернул голову и приоткрыл веки, весившие, наверное, с целую тонну. Всё расплывчатыми пятнами, не разглядеть... Где-то на краю уставшего сознания начинала клочкотать ярость: он ненавидел быть беспомощным, принимать помощь от тех, кто в ней и сам нуждался.

— Разве это может помочь? — удивлённо вопрошала Ал-Клэй. Ан практически увидел, как в изумлении она чуть округляет глаза и приподнимает бровь... Память постепенно возвращается: теперь в сознании он может представить её облик.

— Да, — просто ответил Экземпляр. — Время сократится до двух-трёх часов, но Император будет испытывать сильную боль. Рекомендуются использовать только в крайних случаях.

— А у нас крайний случай как раз, «крайнее» некуда.

— На Ваше усмотрение. Я могу идти, или будут ещё распоряжения?

— Да. Весь персонал, включая себя, определить в анабиоз... с последующим самоуничтожением, — тяжело вздохнув, добавила она.

— У Вас есть полномочия?

— Конечно, вот, — в глазах Императора прояснилось, и он увидел, как Ал показывает голограмму допуска, согласно которому выше неё только правящий император. Допуск, который дал ей он, Ан-Джей, собственными руками подписав этим ни в чём не повинным клоном смертный приговор. В прояснившийся разум, наряду с мрачным предчувствием чего-то неотвратимого, закралось недоверие. Убийство — мера, к которой в послевоенные годы прибегали только при острой необходимости. Ведь в жизни обо всём можно договориться, всё исправить, в ней нет ничего конечного. За исключением смерти, самой по себе символизирующей окончание. Людские жизни ценились дорого, пускай и самые незначительные, чьи обладатели едва обрели разум — это всё равно часть создающего Целого. И дать приказ о коллективном самоубийстве может или безжалостный тиран, на роль которого Ал-Клэй никак не походила, или человек, которому не оставили выбора.

— Прощайте, куратор Ал-Клэй, прощайте, Император Ан-Джей, пусть несокрушимы будете Вы и Ваши деяния. Пребудет с Вами Истина, — поклонилась фигура, скрытая плотной тканью мантии.

— Пребудет с тобой Свет, и да сопроводит он тебя в Последнем Пути, и не погаснет во век, — учтиво ответила Ал-Клэй древним напутствием. Каюта вспыхнула пронзительной вспышкой, заставив Ан-Джея закрыть глаза. Когда он открыл их снова, Экземпляра не было. Только одинокий женский силуэт, нерешительно склонившийся над ним.

— Ну, и что мне с тобой делать? — вздохнула она, коснувшись его щеки. Но это было не просто прикосновение: Ал хотела получить ответ и передала ему часть собственной жизненной энергии. Немного, но достаточно, чтобы он смог заговорить.

— Делай... — он закашлялся, — что нужно.

— Но ведь тебе будет больно, — она колебалась.

— Не страшно. Я... готов... потерпеть... лишь бы скорее прийти в себя.

Пользуясь вернувшимся зрением, Император посмотрел спутнице в глаза, внутренне содрогнувшись от того, сколько в них печали. Она вот-вот заплакала бы, но держалась. Ради него.

Ал-Клэй вздохнула, провела ладонью по мягкой ткани на груди Ан-Джея, и та, волокно за волокном, расступилась, обнажив кожу. Удобный материал, причём провести подобную операцию против воли хозяина одежды невозможно, если только ты не врач, вынужденный оперировать в экстренной ситуации, когда пациент не в состоянии принимать самостоятельные решения. Изобретение на грани физики и бионанотехнологий. В лучших традициях человечества.

Женщина приложила эластичный полимерный пластырь на грудь Ан-Джея, и модифицированные белковые структуры, найдя себе подобные, моментально слились с кожей, впитались в неё. Некоторое время ничего не происходило: император делал глубокие вдохи и выдохи в ожидании обещанной боли, и стоило только ему потерять бдительность, вопросительно глянув на спутницу, как... началось.

Невыносимое жжение, внутри и снаружи, будто в жилах течёт не кровь — кислота, а кожу объяло адским пламенем. Геройствовать не перед кем, да и слишком это дорогая

роскошь в его состоянии — Ан-Джей закричал, забившись в судорогах. С нечеловеческой силой он ударил кулаком по скруглённой стене каюты, та прогнулась в месте удара будто желе... и, подобно ему же, снова приняла исходную форму.

Как ни сильна тяга к разрушению — чёрта с два тебе удастся реализовать её в... а ведь он даже не успел спросить, какой сейчас год.

Ал-Клэй взяла его за руку, но он отверг её, справедливо опасаясь, что эта дрянь может попасть и к ней. Жаль, он не робот: тело, будучи живой материей, восстанавливается с большим трудом, чем модифицированная неживая ткань. Конечно, со времён его ухода люди могли ещё как-то изменить себя, но он пока не хотел проверять.

Какое сильное средство... едва ли не наизнанку выворачивает. После такого он рисковал провести с неделю без сознания или, если всё пошло как надо, предстать свежим, здоровым и отдохнувшим, каким и должен был быть, продлись его заточение в капсуле менее ста лет.

Но сейчас осталась только боль. Он ненавидит её всем своим существом, в котором осталось мало человеческого, не желая ничего другого, кроме как избавления от неё. Какие там интересы Империи, когда готов шкуру с себя содрать ради её, как ни странно, спасения.

В очередной волне мук Ан-Джей упал на пол, лицом вниз, уткнувшись в приятную прохладу равнодушного металла. Стало легче. Ровно настолько, чтобы он перестал кричать и дёргаться. Отчаянным волевым усилием он подавил боль, вынудив её уйти много раньше запрограммированного. Тяжело дыша, Ан-Джей повернулся на спину. Его знобило. И мучила сильная жажда.

Ал-Клэй вытерла от пота незащищённые тканью участки, помогла Ану сесть, приложила к его губам шланг с насадкой для питья, пустив по нему воду. И чем дольше он пил — тем больше креп, будто и не воду поглощал, а мощный энергетик. Вдоволь утолив жажду, он сделал знак остановить подачу воды, женщина послушалась без промедления.

— Санитарный блок? — голос Императора заметно окреп.

— По этому коридору первая дверь, — куратор помогла Ан-Джею подняться, поставила плечо, предлагая опереться, на что тот только покачал головой и относительно ровно, придерживаясь за стену, ушёл в указанном направлении. Ей оказалось только покачать головой на его извечную гордость, отказ принимать помощь даже от самых близких людей... пусть плохо, но сам.

Ал-Клэй подошла к панели управления, подготавливая её к приходу Ан-Джея: насколько она знала его характер, тот немедленно потребует доложить обстановку со всеми вытекающими неприятными объяснениями... Пусть мониторы расскажут всё за неё, случившееся сложно внятно объяснить, а поверить, не увидев своими глазами — и вовсе невозможно.

— Тебе нужно ещё что-нибудь? — не поворачиваясь, спросила она вернувшегося Ан-Джея. — Еда?

— Пока нет, — Ан-Джей подошёл к спутнице более уверенным шагом: состояние постепенно стабилизировалось. — Ну, что стряслось? Ты стала куратором, наверняка произошёл какой-нибудь правительственный кризис... и на каких основаниях приняла решение о коллективном самоубийстве клонированного обслуживающего персонала?

— Экземпляры обслуживают пустые капсулы. В этих людях, в этом комплексе да и в этой планете... больше нет необходимости, понимаешь? Кризис власти... да, разумеется, иначе бы у меня не было стольких полномочий, которые, кстати, тоже совершенно не

нужны...

— Что. С моей. Империей? — Ан-Джей пытливо заглянул в её глаза. Она отвела взгляд и указала на монитор, транслирующий совсем уж странные вещи. Люди, один за другим, нажимали большую кнопку на пультах, их лица озарялись блаженной улыбкой, они смотрели в небо (непреренно голубое, без единого облака), закрывали глаза и исчезали. Сначала точно по разным планетам, но вскоре исчезновения приняли вид эпидемии, которая всех вроде бы устраивала.

Последними исчезали правящие семьи, унося с собой пустые безлюдные планеты. Вместе с каждой планетой гасла и картинка, за которой следовало изображение бедствия из космоса — запись со спутников, переживших своих создателей. Планеты поглощали сами себя, сворачиваясь до размеров ядра, после чего следовал взрыв, и... нету больше куса Вселенной. Пустота. Абсолютное ничто, изредка превращающееся в чёрные дыры.

Император, потрясённый увиденным, молчал. Перед ним разворачивалась одинаковая гибель разных планет... и каждый раз он словно бы умирал вместе с ними.

— Империи больше нет, Ан-Джей. Последней ушла императорская семья на Земле... планету мне удалось сохранить, она всё равно пустая, как музей, закрытый на неопределённый срок из-за отсутствия финансирования.

— Больше нет... — эхом отозвался Император, закрыв глаза, когда дело дошло до Земли. — А люди в капсулах...

— Тоже пожелали уйти.

— Почему ты подняла меня так поздно? Это можно было предотвратить...

— Исключено. Человечество сделало свой выбор, развив цивилизацию до внетелесного существования. За прогрессом личности и техники пришёл упадок. Люди разочаровались, потеряли самих себя, кто-то решался на самоубийство, их тела просто превращали в пыль, смерть даже зарегистрировать не всегда успевали. В каком-то смысле они все считали себя мёртвыми и жаждали жизни, которую и дарил пульт. Но у меня другая версия. Они открыли технологию Врат... да-да, именно технологию, и ушли через них к Создателям. Я тоже пробовала, но переместиться не могла — только смотреть. Сплошной белый свет.

— Лучше бы ты оставила меня умирать. И присоединилась ко мне, — пробормотал Император.

— Ты же знаешь правила. Если мы пережили собственный мир, то должны найти новый, где Врат ещё не было, — Ал-Клэй положила руку ему на плечо.

— Полетели отсюда. Экземпляры готовы выполнить твой приказ, а заставлять ждать в таком деле — признак дурного тона, — вздохнул Ан-Джей.

— Куда?

— Домой. Хочу увидеть Землю в последний раз. Нам предстоит очень долгий путь... — вздохнул он, тоскливо глядя на разворачивающуюся панораму последней обитаемой планеты.

Глава X

Несвоевременные подробности

*Там, где, по нашим расчётам, должна быть четкая прямая,
Вселенная рисует бесконечно извилистую кривую,
напоминающую крылья летящей бабочки.*

Анхель де Куатьэ. Дневник сумасшедшего

Долгая жизнь воспитывает привычки, от которых с течением времени всё сложнее оказаться — Александр Клэй довольно хорошо усвоил эту мысль на собственном опыте и оправдывал ей же большую часть своего поведения, часто не вписывающегося в привычные тому или иному обществу рамки. Вот и теперь несколько раз в месяц он выбирается в парк незадолго до наступления утра, любя покой и красоту предрасветного часа гораздо больше, чем может себе позволить человек его ранга. А может, так оно и нужно, никто не знает наверняка: его должность единственная в своём роде, да и современного обывателя уже ничем не удивишь.

Клэй быстро шёл по широкой тропе, выложенной чёрно-белым камнем на манер шахматной доски, смотря строго себе под ноги. Губы напряжённо сжаты, глаза прищурены — сегодня это не то место, в котором он мог расслабиться. И чем ближе он подходил к центру парка, тем сильнее чувствовал давление враждебной среды, хотя внешне всё оставалось спокойно: мерно шелестели опавшие листья, робко щебетали птицы, вторя восходящему из-за горизонта солнцу, окрасившему небо в нежно-розовый цвет, и даже небо всё больше прояснялось от туч, оправляясь после ночного ливня. Идиллия.

Когда чёрно-белая кладка сменилась шершавым стеклом с голубыми прожилками, ведьмак остановился и замер, прислушиваясь к ощущениям — давящее чувство тревоги сошло на нет. С секунду он смотрел на витиеватые переплетения лазурных узоров, затем глубоко вздохнул и осмелился поднять голову. Как и следовало ожидать, его взгляд наткнулся на Камень, в котором с каждой минутой всё больше сгущалась тьма, подсвечиваемая голубыми «венами». Никто не знает, как образовалось это исполинское сооружение, что с поверхности никогда не охватишь взглядом полностью; некоторые видят в нём проявление светлого Надразума, некоторые — тёмного, кто-то шутит насчёт инопланетян, но неизменно одно: благоговение, обуревающее каждого оказавшегося лицом к лицу с ним, когда всё другое кажется таким ничтожным, вторичным, обыденным и лишённым всякого смысла.

Существует древнее предание, что Камень — сердце мира, поддерживающее исправное функционирование всех его систем, и когда с ним будет твориться что-то «неладное», будь то маленькая трещина или, не приведи Надразум, разрушение, быть беде. Так была предотвращена не одна война, ведь жить-то хочется больше, чем насолить «ближнему» своему. Хватало и фанатиков, желавших уничтожить это, по их мнению, вместилище зла, они пытались взорвать камень — тот равнодушно продолжал стоять как ни в чём ни бывало, отражая негативное воздействие обратно. Голая земля у подножия так же не изменялась: ни вскопать, ни взорвать. Учёные могли ещё долго ломать голову над загадками странного монолита, если бы однажды — всего пятьдесят лет назад — он не приоткрыл перед ними

одну, а именно: как ему, такому громадному, удаётся удерживаться на поверхности. Земля в один день стала бугристым стеклом, обнажившим мощную «корневую систему», уходящую вниз на столько, на сколько хватало глаз, и растёт он прямо сквозь «стекло», усеянное лазурными прожилками. Ночью здесь царит по-настоящему фантастическая атмосфера.

На мысль о «живости» Камня наводило и дыхание: так называли тёплые пары воздуха, исходящие от всей поверхности. Кроме того, прислонившись к камню или стеклу подле него, можно услышать мерный стук, схожий с сердечным. Отсюда и второе его название — Сердце Земли. Хотя часть скептиков списывает это и многие другие удивительные явления на пары галлюциногенов, «выдыхаемых» этим организмом.

Александр и сам не заметил, как подошёл совсем близко и протянул руку, ощущая лёгкое дуновение тёплого ветра, завидев, как синие «вены» тянутся к его пальцам, вовремя одёрнул руку, сгоняя наваждение.

— Потом. Мне нужно связаться с собой из другого мира. Поможешь?

Конечно же, Камень не ответил в привычном понимании этого слова, а только ещё больше потемнел под влиянием солнечных лучей. Но всё же Ал знал: разговор будет без помех, каменюга сегодня благосклонен.

Не затрудняя себя поисками лавки, ведьмак сел там же, где стоял, облокотился спиной о тёплую гладкую поверхность и закрыл глаза. «Вены», эти голубые нити, питавшие Камень, отвлеклись от своих обычных занятий и обвинили его по рукам, ногам, голове... охваченный внезапным свечением, он ни на что не обращал внимания, сидя неподвижно и едва дыша: жгуты уплотнились и завершили своё дело, от чего Клэй стал прозрачным, а затем и вовсе исчез, став с Сердцем Земли единым целым, и только изображение человека, сотканное из голубых линий, напоминало о нём.

— Ты говорил, что Врата и их хранители выбираются случайно, но это не так. И те, и другие имеют мечты, никак не осуществимые в их мире. Я... я с самого детства мечтала в живую увидеть эти белые резные хлопья, падающие с небес. А ведь это было частым явлением до возникновения нашей цивилизации — цивилизации Трёх Солнц. Вечное лето. Жара. Это так обыденно, так надоедает! То ли дело раньше, с одним-единственным Солнцем, когда хлопья падали, оседая на земле по два, три, а то и все четыре нонантра. И ещё были периоды, в которые опадали листья, или после белых нонантров снова появлялись...

Конечно, чужие миры интересовали Александра, но не сейчас, когда в голове стоял гул после перемещения, а мысли занимали совсем другие проблемы. Но разговор поддержать надо: хоть и не сразу, но он пришёл в себя, переварил поступившую информацию, отстранился от холодной стены, встал рядом с говорившей.

— В моём мире у всего этого другие названия. Я понял, о чём ты, только благодаря ярким зрительным образам, тобой вызванным, ну, за исключением «белых хлопьев» — тут и так всё ясно. Это называется снег. Время, в которое он выпадает — зима. Погода в большинстве Земель меняется раз в три... как ты сказала? Нонантра. Один такой нонантр, по-нашему месяц, составляет тридцать дней, как и у вас, хотя как обыватели различают дни при постоянном солнечном свете... так, ладно, об этом потом, у меня мало времени. К делу, — Александр опустил шторы, скрыв вид метели от восторженно-мечтательного взгляда Доктора Клэй. В ответ на это она возмущённо нахмурилась, но быстро настроилась на рабочий лад.

— Я нашла Врата.

— Поздравляю.

— И того, кто дал мне осколок Сердца Миров.

— Поздра... что? Какой ещё осколок? Это невозможно, тебя обманули.

— Смотри сам, — с этими словами она достала из-под водолазки чёрный осколок треугольной формы, закреплённый на кожаном ремешке.

— Не может быть. Подделка. Дешёвый сувенир, — убеждал себя Александр, впившись глазами в безобидный камушек, чуть сколотый по краям.

— А вот и нет. Как бы я могла говорить с тобой, не выходя из дома? — Доктор откровенно веселилась.

— Не знаю... Может, в вашем мире другие законы...

— Прислушайся к своим ощущениям, разум не всё может понять.

— Да ты что. Даже если это и правда осколок настоящего Камня, то я всё равно ничего не почувствую — сон же, да и он умеет маскироваться, когда хочет.

— Так тем мы и отличаемся от людей: он доверяет нам и помогает. Давай, Александер, хватит отговорок.

От правильного звучания собственного имени, давно позабытом в иностранной среде, он даже вздрогнул.

— Ладно, — выдохнул ведьмак, задержал ладонь с раскрытыми пальцами над камушком, прикрыл глаза и надолго замолчал, с каждой секундой хмурясь всё больше. Когда кончики пальцев стало заметно покалывать, он отдернул руку, встряхнул кисть и по-новому взглянул на кулон.

— Ага, проняло! — торжествующе воскликнула Док.

— Так откуда, говоришь, он у тебя?

— История долгая и путанная. Сколько у тебя времени?

— Достаточно, но лучше говори вкратце, мне нужно быть у подсудимого... там всё серьёзно, по моей части, полиция не справится.

— Понятно. Вкратце... Хм, — Док нахмурилась. — Этот камень подарил мне лет десять назад один странный тип... он был в толстовке с опущенным на лицо капюшоном, помню, я ещё удивилась, почему он так тепло одет, жара-то стояла настолько невыносимая, что из кожи вылезти впору. Как раз Солнца сменялись. Я тогда забегалась по делам, шла мимо Площади, ну, и решила передохнуть у Сердца Миров, оно ведь было добрым ко мне ещё до того, как я осознала себя, давало подпитку, хорошее настроение, идеи...

— Я знаю, как это бывает, дальше, — нетерпеливо прервал её Александр.

— Сижу, никого не трогаю, но всё чаще останавливаюсь взглядом на этом субъекте. Он заметно нервничал, вертел головой, как будто искал кого... Потом его взгляд остановился на мне. Тяжёлый взгляд, злобный, насмешливый, и в то же время испуганный. Я попыталась скрыться, но он взял меня за руку и молча вложил в ладонь этот амулет. Так уверенно, что я не решилась возразить. И вообще, знаешь... почувствовала себя как муха, оказавшаяся в паутине. Хочу пошевелиться — и не могу. Это был едва ли не единственный раз, когда я всерьёз испугалась за собственную жизнь. Поток ветра с него сдуло капюшон, открыв лицо. Это сильно нарушило его планы, он растерялся, а я, наоборот, настолько собралась с силами, что уже хотела спросить его, что всё это значит, но он только покачал головой и ушёл.

— Куда ушёл? Ты могла его догнать, проследить. Не каждый день получаешь такие подарки, — хмыкнул Клэй.

— В Камень он ушёл, Александер.

— Врата.

— После этого во мне и стали просыпаться способности, новые знания...

— Ещё бы. С этим подарочком даже последний дурак может стать богом, — огрызнулся он, явно завидуя везению коллеги.

— Не думай, что мне так уж везло по жизни. И не завидуй. Это не просто сувенир, дарующий какое-то там могущество — это ноша, бремя, ответственность на всю жизнь. И каждое приобретённое знание или сила окупается утратой...

— Но всё равно ты не имеешь права пользоваться таким подарком. Никто не имеет!

— А где ты был, чтобы мне это объяснить? — Доктор устало вздохнула.

Повисла напряжённая тишина, было слышно только тихое потрескивание поленьев в камине да завывание снежной бури за окном.

— Прости, — выдавил из себя ведьмак. — Не знаю, что на меня нашло. У тебя есть ещё что-нибудь? Время, — напомнил он.

— Да. Совсем недавно эта история приобрела продолжение. Один из моих клиентов как раз оказался Вратами, причём заподозрила я это задолго до личной встречи, покопавшись по настоянию матери в его личных файлах. Чего там только не было! Парень — гений! Он придумал и проработал до мелочей такую систему, что... а, ладно, тебя, человека из другого мира, это никак не касается. Интересно другое: изображения того парня, ну, горе-дарителя этого... и записи к ним.

— Какого рода изображения? Фото, рисунки...

— Фото. У вас достаточно развито кибер-протезирование?

— Скорее нет, чем да, — после недолгого раздумья ответил Александер. — В центре внимания робототехника и искусственный интеллект, наряду с применением виртуальной реальности в реальной жизни.

— Как интересно... — её глаза тут же загорелись живым интересом, но Доктор Клэй на то и психолог, что может быстро взять себя в руки. — Так. Мальчик — наследник компании, занимающейся совершенствованием людей до уровня роботов. Он просто напичкан всеми этими био-техноустройствами, многие из которых едва поступили в продажу... Как я поняла, у него в голове есть компьютер, позволяющий фотографировать видимое глазам, что обеспечивает максимальное качество изображения. Видимо, хранятся они там же, а потом он осуществляет подключение к внешнему компьютеру, но следов разъема на его голове я не нашла — насколько всё искусно сделано.

— Классная технология, будет пользоваться бешеным спросом.

— Конечно. Защита у него стояла сильнейшая, и мне потребовался не один день, чтобы её обойти, но это уже детали. Он писал, что иногда выпадает из реальности и оказывается в другом мире, деля сознание с человеком, внешне схожим с ним; иногда может и отрываться, но всё равно чувствует его на расстоянии. Позже он выяснил, что у этого человека такое же имя, но, несмотря на всю схожесть, парень презирал его образ жизни, жалел и одновременно боялся его. И неудивительно... в общем, незадолго до нашей встречи он добавил ещё один снимок. На котором был ты. С какой-то брюнеткой, возившейся в ноутбуке, пока хозяин квартиры пребывал в полубессознательном состоянии.

Александер вздрогнул.

— Ты уверена?

— Да, поэтому и хотела поговорить с тобой...

— Как... их зовут?

— Андрей Волков. Но тот, из твоего мира, называет себя Джей.

Ксандр нервно сжал её плечи, пытливо смотря в глаза.

— Могу я увидеть этот файл?

— Нет, мы же в разных мирах... никак.

— Сандра, это твой сон — реальность, которой ты можешь полностью управлять. Давай, представь его получше... — для пущего эффекта он даже назвал её по имени.

— Хочешь удостовериться? Не веришь, что прозевал Врата?

— Я сказал. Покажи. Мне. Этот. Чёртов. Снимок, — отрывисто говорил он, с каждым новым словом прикладывая женщину спиной о стену.

Это подействовало: обстановка вокруг них стремительно менялась, уютная гостиная с камином, коврами и креслами стала понемногу приобретать черты кабинета. Мебель исчезала и появлялась постепенно, так же, как и чистота обстановки всё больше перерастала в беспорядок.

— Быстрее!

На столе, заваленном планшетками, пустыми чашками и коробками с сохранившимися остатками еды, проявилась плоская клавиатура, над ним — мониторы разных размеров и назначений. Док отбросила халат с кресла, придвинула его к центральному монитору, включила, открывая нужные папки силой мысли, как понял Александер, сопоставив движение её глаз с изменениями на экране. Добравшись до нужного файла, она откинулась на спинку сиденья с торжествующим видом.

Клэй же увидел фотографию момента, с которого и началось в его жизни безудержное веселье. Всё в точности так, как сказала Сандра. Сомнениям нет места.

— Почему я сразу не догадался? Чувствовал же: что-то не так с этим Волковым...

— Ты привык к роли Большого Начальника и стал гасить предчувствия в пользу рассудка. Возможно, пора бы уже вспомнить, кто ты?

— Дело не только в этом... — он покачал головой, горько усмехнувшись. Встрепенулся. — Ладно, спасибо тебе, сам бы я долго ещё не додумался. Ещё что-нибудь?

— Да так, наблюдения... Знаешь, я о многом хотела тебя спросить, когда только нашла Врата. Но потом... ответы стали приходить сами. Верь себе, прислушивайся к внутреннему «Я», и многое узнаешь. И ещё... давай волю своей изначальной форме. У женщин сильнее развита интуиция, предчувствия, ощущение других материй, — Сандра положила руку ему на плечо.

— Знаю, — тяжело вздохнул Клэй. — Просто силой приходится пользоваться чаще. Эх, Сандра, чем дольше живёшь, тем больше забываешь, меньше чувствуешь. С накоплением опыта и разруливанием всяких дел теряешь себя. Незаметно. Почти необратимо. Растрачиваешься попусту на одно, другое, третье, только бы не оставаться наедине с растущей день ото дня пустотой. Наверное, это и правильно, что людям отмерен малый срок.

Александер нахмурился, задумчиво смотря перед собой. Сандра тоже молчала, осмысливая сказанное.

— Спасибо за помощь. Удачи тебе с Вратами. Жду в гости, чёрт возьми! — попытался он разрядить тяжёлую атмосферу после собственных слов.

— Может, сначала вы к нам? — улыбнулась Доктор.

— Пока нет. Нам бы свой мир для начала в порядок привести, — Александер вздохнул, отвернулся и сказал куда-то в пустоту: — Давай, домой.

С этими словами он исчез, оставив Сандру досматривать сны.

* * *

Тем временем город просыпался. Пение птиц казалось машинным и однообразным, будто разносилось из невидимых динамиков, на земле чистота и сухость — какой дождь ночью, вы о чём? Маленькими группами собираются люди: беззаботные туристы, восхищённо переговаривающиеся на своём языке и широко открытыми глазами глядя вокруг, телефоны и прочие фотографирующие устройства работали на износ, да ещё доносился шум машин, типичный для большого города в любое время дня и ночи... Александр поморщился: да, с каждым годом любить людей всё сложнее, хотя без них и скучно.

— С Вами всё в порядке? — приглушенно донеслось до него. Он озадаченно поднял голову и встретился взглядом с вежливо-обеспокоенной девушкой, нацепившей участливую улыбку по умолчанию. Слишком неподвижно стоит, грудная клетка недвижима — значит, робот. Запустили уже порядок блюсти.

— Да. Я — гражданин этого города, трезв и физически здоров. Пришёл отдохнуть, уже ухажу, — буднично произнёс ведьмак, удовлетворив систему чётким ответом, почти полностью соответствующим вбитой программе. Но идентификацию личности она наверняка провела, так что теперь кто угодно может узнать о том, чем глава самого загадочного сообщества занимается до начала рабочего дня.

— Тогда... приятного Вам отдыха, — обеспокоенность на лице робота сменилась доброжелательностью, и она отправилась искать следующую жертву.

Александр поднялся, поправил тёмные очки, одёрнул плащ и повернулся к Камню, на прощание. Тот всё ещё не потерял прозрачность, светясь изнутри.

— Спасибо, Сердце Миров, — Александр вознёс мысленную молитву, сопроводив ту жестами почтения: вывернул запястье левой руки ладонью к Камню, сложил три пальца, оставив поднятыми только указательный и средний, очертил в воздухе полукруг, постепенно поворачивая руку в более удобное положение — ладонью к себе, затем уже правой рукой коснулся раскрытых пальцев левой, согнув их с образованием кулака, который прижал к груди, после чего резко прислонил правую ладонь к Камню. Жест нудный, древний, современные люди его не используют, но Александр в своё время довёл его до автоматизма, а переучиваться не было времени и надобности.

По подушечкам пальцев прошло лёгкое покалывание, он хотел одёрнуть руку, но... молниеносная вспышка перед мысленным взором, незнакомые люди, так же касающиеся Камня... одновременно. Единицы, десятки, сотни, тысячи. В других мирах. Врата и Хранители.

Не осмеливаясь пошевелиться, ведьмак только открыл глаза, надеясь, что наваждение уйдёт, но стало только хуже.

На реальность, в которой он находился, наслаивались другие, и он мог бы простоять так невесть сколько, если бы бдительный взгляд не выловил Джея, тенью отделившегося от противоположной стороны монолита.

— Как дела? — в своей обычной манере усмехнулся он, что подействовало на Клэя как ледяной душ. Он мгновенно «вынырнул» из нескончаемого потока людей и миров.

— Ты?! — только и смог воскликнуть он, на что Джей отшатнулся, усмешка сменилась

шоком и почти осязаемым страданием. Александер подошёл ближе, но парень распался перед ним ошмётками чёрного пепла.

— Что за чёрт?..

Время для ведьмака словно перестало существовать, пространство же изменилось до неузнаваемости: теперь не ухоженный парк перед ним, а мёртвая, выжженная земля с оголёнными чёрными деревьями, из которых сочилась кровь. Ни единой живой души, но он чувствовал тяжёлые взгляды ото всюду... они леденили его сердце, да так, что он забыл даже, как дышать. Его сковал могильный холод, он не мог пошевелиться, только мысли метались с бешеной скоростью: мозг отчаянно искал, как спастись.

— Джей, — прохрипел он посиневшими губами. — Покинь. Это место. Сейчас же.

— Как? — послышалось в жалобном завывании ветра.

— Вспомни, — выдохнул он, чувствуя, как холод подступает и к разуму... Бороться, зачем? Он ничего не может, это территория Врат, пусть и не осознавших себя. Хотя и она перестала существовать... Есть только холод. И тьма.

Мир вздрогнул одновременно с последним вдохом Клэя.

Неужели... всё?

Глава XI

Перерождение

*Потерян во времени,
И даже в вечной жизни это состояние меня не покинет.*

*Я преступник без преступления,
Гений без ума.
Кто же я тогда?*

«Lost In Time», Celldweller

Пока тело его двигалось в отработанном неумолимом ритме, он снова и снова касался своей памяти острым ножом боли и бессилия, делая тончайшие срезы, обнажая забытые пласты, рассматривая ушедшее время, ища крупицы ответов на безнадежные вопросы...

«Сумерки Мира», Генри Лайон Олди

День прошёл как в тумане, будто один затянувшийся бред. И вроде всё хорошо, всё идёт по плану, а скверное расположение духа не оставляет меня с ночи. Уж не *Призыв* ли так остро чувствуется? Не знаю. То проваливался в забытье, то наблюдал за последними приготовлениями, то разговаривал с Проводником, всегда кстати оказывающейся рядом. Подозрительно. Или так и должно быть? В любом случае, с её присутствием мне как-то интереснее... странно, но общество Ирины создаёт для меня иллюзию жизни.

Темнота мавзолея сменилась серым светом дня. Не помню, как шёл, просто в один момент окружающая обстановка сменилась, будто кто-то переключил рычаг. Может, так оно и есть, какая разница... Я сел на уцелевшую часть ступени, облокотился о стену и попытался насладиться моментом. Сегодня по-настоящему холодно. Я не чувствую этого, просто знаю. Мёртвому телу такая погода нравится, да и разуму тоже, ведь не приходится тратить силы на предотвращение разложения... Славно.

Я посмотрел перед собой. Разрушенные надгробия, пожухлая трава — однообразная и в то же время милая картина простирается настолько, насколько хватает взгляда. Мёртвая тишина. Покой. Место силы, внушающее обывателю первобытный ужас, хотя и не только ему. Проводник тоже боится. Человек...

Дополняют картину тяжёлые чёрные тучи, изредка освещаемые вспышками белых молний, да жалобное завывание ветра, в которых слышится тоска умерших по жизни. Тучи... снова и снова привлекают внимание. Безотрывно смотрю на них и усмехаюсь: вовсе они не к дождю. И ни один из таких модных сейчас климатронов не в состоянии что-то изменить.

Буря приближается. То, к чему так долго шёл, вот-вот осуществится, но я не чувствую ничего, кроме грёбаной пустоты, буквально раздирающей на части. И жалею. В первый раз жалею о выбранном пути.

Бездна чёрного неба так созвучна бездне во мне. Я всё смотрю и смотрю на него, не понимая, почему, и вскоре начинает казаться, что оно тоже смотрит на меня. Так мы и глядим друг в друга. Бесконечно долго. Пока чернота туч не заполняет собой всё окружающее пространство... что, уже ночь?

Поднимаюсь, неуверенно оглядываюсь по сторонам. Кладбище изменилось. Из надгробий вырастают обугленные деревья, по стволам которых течёт бурлящая алая жидкость, в воздухе стоит характерный запах железа. Выглядит так, словно из «раненых» деревьев сочится «кровь», подходить ближе и проверять предположение как-то не очень хочется. Пройдя через смерть, перестаёшь интересоваться чем-либо и чувствовать любопытство — такую губительную для многих людей черту. Остаётся только разум. Но здесь, в обители ожившей тьмы, он стремительно капитулирует.

Чернота повсюду. Живая. Наблюдает тысячами глаз. И вот теперь я действительно чувствую его — холод... точно такой же, как в момент смерти.

— Я знаю, где ты, некромант, — слышится шёпот отовсюду.

И в это время темнота явила ещё более чёрный сгусток тени человеческого вида, в огромных треугольных глазах которого разливается слепящий белый свет. Жмурюсь, закрываю глаза ладонью, успеваю заметить усмешку на невообразимом лице.

— И что дальше?

— Ну, ты меня достал, — неопределённый шёпот сменяется насмешливым мужским голосом, так похожим на... мой собственный.

Я хочу ответить, но горло сдавливают, хотя страха нет: меня нельзя убить, я уже мёртв. Но почему-то в этой бредовой реальности нуждаюсь в кислороде, а вдохнуть не могу. Скребу пальцами по шее, но натываюсь только на собственную кожу. Тень продолжает ухмыляться, принимая всё более чёткие очертания. Одной рукой пытаюсь разогнать морок...

И резко просыпаюсь. Перед глазами белый потолок, сам я лежу на кровати. Что-то это место совсем не смахивает на склеп: тут тепло и даже уютно. Часто дышу, сердце едва ли не выпрыгивает из груди, в голове каша и ненормальный рой мыслей, от напора которых хочется выть. Всё тело лихорадит. Стучу зубами и сажусь на кровати, обхватив себя руками, пытаюсь вспомнить, кто я и где.

Образы наслаиваются один на другой... Сраный Гонтьер, сраные иниспро, сраный Клэй, психопат-некромант, с которым меня так усердно пытаются объединить, и в этом даже что-то есть, если бы не одно но:

Я — не он.

Превозмогая озноб, тру виски.

Не он — а кто тогда?

Стук зубов и возрастающая дрожь мешают сосредоточиться... Может быть, Тень? Ха-ха, вот уж нет, даже нашёл в себе силы рассмеяться. Ещё скажи Йорик, ага. «Я знал его, Горацио»...

Джей. Вроде бы так меня звали чаще всего. Я прислушиваюсь к себе: никакого противоречия это не вызывает. Так. Теперь есть имя, уже лучше. С ним приходит и всё остальное, вызывая омерзение и ненависть к себе, слабому бесхребетному органическому существу, нашедшему спасение в наркоте, с которой и вовсе добрался до самого дна, предал мечты и оставил попытки выбраться. Жалкий человек, погибающий в жажде новой дозы.

Плохо, очень плохо. Накрывает всё сильнее. Да сколько же я здесь торчу? Неделю? Месяц? Год? Пару дней? Не знаю, но достаточно, чтобы меня скрутило.

Снова обхватываю себя руками, раскачиваюсь из стороны в сторону, сжимая зубы.

Во всём виноват только ты. А знаешь, почему? Потому что ты жалкий трус. Убегал всю свою никчёмную жизнь и не только от дерьмового себя — всегда было и есть что-то ещё...

Оно снова приближается, вот только на этот раз спасения нет. То, что предлагал вспомнить мне Клэй, кажется, уйму времени назад... Наверняка его уже нет в живых. Это не мог быть сон или глюк — вся наркота успешно вывелась.

Но я не хочу вспоминать. Даже не помню почему, а сердце сковывает запредельный ужас.

Трус и придурок. Может, вызвать Гонтьера и признаться в том, чего не совершал, но могу воспроизвести в деталях, уж точно недоступных обывателю. Пара-тройка дней, суд, и всё. Был Джей — и нет.

Я смеюсь, едва не скатываясь в истерику. Несколько дней, да? Слишком, мать его, долго, мой счёт идёт на часы, во время которых что-то должно произойти. Очень многообещающе, не правда ли? Джей-Джей, когда же ты уже перестанешь притягивать к себе всё это дерьмо? Очевидно, когда перестанешь быть им. Справедливо.

Привет, самокопание, давно не виделись... поток неутешительных мыслей прерывается болью, пронзившей голову так, будто в неё вбили гигантский кол. Я жмурюсь, чувствуя, как по щекам стекает жидкость, всё во мне кричит от боли, но в реальности я не могу издать и звука, чтобы хоть как-то намекнуть на то, что мне нужна помощь.

Твою мать, как же больно! Сотрясаясь дрожью, падаю на кровать, поджимаю колени к груди, затылком упираясь в спасительную прохладу стены.

Началось.

Я жду агонии и нового взрыва боли, банальной потери сознания или даже смерти, но никак не этого... упорядоченный хаос всегда далёкий и непостижимый — вот он, космос, и я стремительно несусь в этом невообразимом пространстве, подчинённый чужой воле, сломленный. Я, наверное, умираю. Но только с тем, чтобы родиться вновь. Вселенная не такая, какой её показывают телескопы. Ни один из них, даже самый мощный, не способен передать и части того, как всё на самом деле... конечно, ведь мы воспринимаем мир только в трёхмерном виде, пространство и время для нас неизменны, здесь же *нет времени и пространства*. А что тогда?

Я близок к тому, чтобы понять это, но всё происходит слишком быстро, не успеваю за мыслями, сменяющимися друг друга со скоростью выше световой... с моей нынешней скоростью, отчего-то неуклонно спадающей, пока я и вовсе не останавливаюсь. Чужая галактика. Пустая. Ни единой планеты или звезды — только мрак вечной ночи. Становится по-настоящему жутко, пока не замечаю сбоку от себя странное сияние. Поворачиваюсь, и... будь я проклят, это чёрная дыра!

Её края охвачены огненным сиянием, а в центре, кажется, сосредоточено абсолютное ничто. К которому я неумолимо приближаюсь, не делая и попытки бороться. Жутко и прекрасно одновременно.

Один этот миг стоит жизни. Но стоит ли *моя* жизнь его? И если у неё есть вход, то где-то должен быть и выход? Что там, по ту сторону реальности?

Неторопливый полёт снова превращается в стремительное падение. Все ответы там, за краем... меня затягивает в тоннель, сияющий изнутри огненным светом погибших звёзд или целых галактик, я падаю всё стремительнее, но вижу теперь совсем другое. Какофония образов и нескончаемый поток информации, в котором неумолимо теряю себя,

растворяюсь... кто я? Держаться за свои воспоминания, не давать им рассеяться, иначе не вернусь, оставшись в этом потоке информации, поглощённом дырой за всё время её существования. Хранится она внутри, но записывается на поверхности, разграничивающей два пространства, — горизонте событий. И теперь все его «данные»... копируются? На... мой горизонт событий? Как долго это будет продолжаться, куда я стремлюсь?

Домой. В угасающую империю людей, вознёсшихся до Надразума далеко не от хорошей жизни. И всем виной я — Ан-Джей. Император, сбежавший при малейшей угрозе раскрытия давнего обмана. Император, остановивший долгую войну между колониями, не потому что так хотел, а потому, что кто-то должен был положить этому конец, убедив людей, что они не враги друг другу.

Самозванец, прислуживающий при королевском дворе, рано потерявший родителей в нескончаемой войне, как внутри планеты, так и с другими... отца я практически не помню, только знаю, что тот достойно погиб в бою, как подобает верному имперскому псу. Мать попала под волну репрессий. Мальчик, которому удалось выжить и пристроиться, ещё в детстве узнал жизнь с самых неприглядных её сторон, но не сдался.

Хотел остановить войну, увидеть другие небеса, и однажды судьба улыбнулась. Как раз тогда, когда я почти утратил надежду.

Я ухаживал за садом, когда встретился взглядом с улыбчивой светловолосой девушкой, которую часто до этого видел при дворе, но не придавал особого значения, как и многим другим. Ал-Клэй. Одно воспоминание о ней вызывает улыбку... Тогда нас разделяла только металлическая ограда, мы подошли ближе.

— Если хочешь изменить мир — следуй за мной, — её шёпот обжигал щёку, смысл сказанного доходил не сразу.

Так я познакомился с ней, а потом стал участником антиправительственного заговора просто потому, что внешне походил на будущего наследника короны. Тогда жизнь повернулась совершенно по-другому, я до сих пор не верю, что это действительно происходило со мной.

Меня научили всему, что должен знать императорский отпрыск. Затем, посчитав, что я готов, они выполнили заключительную часть плана — убийство наследника. В его же спальне. Без особого труда и сопротивления, как со стороны убийца, так и стражи: в новогоднюю ночь вся империя традиционно нажиралась. Всё, что осталось от наследного принца — только горстка пепла.

Я вжился в роль настолько, что забыл себя настоящего.

Потом «отец» умер во время очередной пьянки, мне было двадцать шесть, и за десять лет мне уже стало казаться, что этот старый чёрт никогда не умрёт, но наконец-то это случилось — я вступил в права наследования.

Со властью пришло много соблазнов, и я на некоторое время забыл о том, зачем я здесь, а спохватился уже тогда, когда против Земли вышли объединённые эскадры Союза Четырёх. Отбить атаку удалось, но с огромными потерями. Чувствовал уколы совести, взялся за ум, неустанно коря тем, что недостойн быть Императором, хотя Ал-Клэй и пыталась уверить, что это не так... Не было веры ни себе, ни ей, ни кому-либо ещё. Каждое моё действие, направленное на прекращение войны и достижения вроде бы светлого будущего, имело обратный эффект.

Если бы не Камень. Артерия, соединяющая миры между собой, способная дать Знание или Силу. Никому ничего не сказав, я отправился на богом забытую планету вечно льда и

снега с характерным названием «Холод». Одна из немногих необитаемых планет, хотя колонизация происходила и на планетах с худшими условиями... Но нет. Не остались здесь люди.

Камень, столько лет занимавший мои сны и мысли, был здесь. Нашёл его, приземлился неподалёку, приложил ладонь к тёплой поверхности... И мне уже никогда не стать прежним.

Знание — мне, сила — Ал. Вместе мы исполнили единую для всех людей мечту.

Я правил долго, действительно долго, видел смены поколений и позитивные изменения уровня жизни с людским развитием. Установил мир и порядок, привёл общество к процветанию и, в общем-то, заручился народной любовью. Но нашлись и завистники по линии давно почившей «сестры». Они нагло потребовали отречения от престола, угрожая открыть всем моё некоролевское происхождение. У них действительно были все на то основания, исчерпывающие доказательства... Я мог бы их уничтожить, но страх затмил разум, и я послушно выполнил их волю. Люди не были против, даже рады. Это оказалось ещё большим потрясением. После отречения я мог бы путешествовать по другим мирам, но слишком любил свой, никакой другой мне не нужен был. Но и остаться тоже не мог. Стыдно и больно.

И потом совершил вторую самую большую ошибку своей жизни — решился на крио-заморозку. Если бы я только знал! Хорошо, удалось уговорить Ал-Клэй остаться и разбудить меня, когда придёт время, а то так и умер бы там.

Пришло, ничего не скажешь. Сижу в пустынном тронном зале, вспоминаю, ненавижу себя за те поспешные решения и совершенно не представляю, что делать дальше, куда идти?

Слишком поздно.

Я резко втягиваю в себя воздух, будто вынырнув из толщи воды. В какой-то степени так оно и было... Толща множества сознаний, чуждая мерность пространства. Полёт сквозь чёрную дыру всё ещё ощущается, но на некоторое время я возвращаюсь в родной мир. Хотя, будем откровенными, после пережитого от «меня» во мне осталось мало. Время перестало существовать, как и пространство, став чем-то незначительным. Остался только кусок стены и вечное настоящее, застывшее в одном моменте и в то же время динамично пересекающееся с прошлым и будущим.

Слишком много информации. Смертельно устал и хочу только одного: пусть это закончится как можно скорее.

Реальность снова теряет наметившиеся было очертания, я не чувствую собственного тела и уже сомневаюсь, что это когда-нибудь случится... Так, соберись, пошевели чем-нибудь, ну же, что ты лежишь тут как мешок дерьма! О, нет, постой. Ты и есть...

Мысль обрывается, меня выбрасывает в другой мир. Только не опять!

... теперь я семнадцатилетний парень. У меня нет друзей и врагов, всегда действую один, из-за нелюбимости, с каждым годом всё усугубляющейся, зовут Волком, но не думаю, что такая идея пришла бы им, будь у меня другая фамилия. Я наследник крупной мегакорпорации, с совершеннолетием вступлю в права владения и войду в Совет. Наш мир управляется олигархией — наиболее умной и подлой частью населения. Пока я не знаю ничего конкретного о системе управления, как и о Стоящих-во-главе, но это только дело времени. Они остановили человеческое развитие, заменили эволюцию тотальной деградацией, вживили в каждого чипы, не допускающие излишней мозговой активности... Я

знаю, как это остановить. Под видом иммуномодуляторной микросхемы я запускаю в организм вирус второго поколения с нужной кодировкой нуклеотидов ДНК, направленно выводящий из строя госчипы с обманчивой видимостью того, что всё в порядке. Исследование ещё не закончено, но я добьюсь успеха... всё осложняет только мама и Доктор Клэй, прознавшая о моём проекте.

С другой стороны, Доктор может помочь мне освободиться от другого мира или контролировать его посещения, что, как я надеюсь, решит проблему двух личностей, противоборство которых мешает мне нормально жить. Одна — создающая, вторая — разрушающая... образовалась и укреплялась по мере того, как я делил сознание с худшей частью себя, Джейем. С каждым днём вторую часть контролировать всё сложнее, а Доктор Клэй у нас как раз по части психов, может помочь... она знает что-то ещё о происходящем со мной, и я это выясню, осталась последняя проверка, это не займёт много времени.

Если меня снова не выбросит из реальности.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Чужая жизнь сменяется рассеянным светом впереди, я подлетаю к нему, растворяюсь в нём... И просыпаюсь окончательно.

Первой приходит запоздалая мысль о том, что семнадцать лет — поворотный пункт жизни. Вот только я, Джей, поставил там жирную точку, остановился и сдался, а он борется, идёт дальше, хотя глючит его гораздо сильнее, чем меня когда-то. Конечно, у нас разные истории, пареньку хотя бы есть на кого равняться: отец. Во многом именно благодаря примеру папочки он и держится, а мой живёт и здравствует. Да даже если и умрёт, то уж точно не оставит мне свой драгоценный «Кибер». Становится ещё паршивее.

Нет, физически гораздо легче — тело я чувствую, ничего не болит, и на том спасибо, но вот морально... я разбит и уничтожен. Что нас связывает? Императора, человека с прошлым, но уже без будущего, подростка с грандиозным будущим и незначительным прошлым и меня, человека без того и другого? Чёртов Камень, да. Но что насчёт некроманта?

Ну, у нас обоих есть только настоящее. Недостаточно.

Встаю с кровати, разминаюсь. Голова, конечно, гудит, по-прежнему не могу произнести и слова, но всё это так незначительно перед тем, через что я только что прошёл и узнал. Понять бы ещё, как с этим жить.

И Хранитель мой мёртв, без него я точно не справлюсь... слишком много всего. И самоненависть, старая подруга, только возрастает, стоит только подумать, чего я мог лишиться из-за банального страха неизвестности, кем мог бы быть уже давно.

Стоп. Я хочу измениться? Да... всегда хотел, но не мог, загонял это как можно дальше, но теперь кое-что поменялось.

Врата переворачивают личность, развивая те качества, что есть в нас самих. Но мы о них забываем или предпочитаем не замечать.

Так, Первые Врата, с появления которых, мать их, идёт наше летоисчисление, якобы даровали людям прозрение и приняли на себя роль божества... были всего лишь эгоистичной тварью, жаждущей всенародного признания и поклонения. До осознания он прятал это в себе и пытался искоренить, но после дерьмо всё равно всплыло. Эта дрянь, олицетворяющая лучшее, что может быть в человеке, лишила людей свободы и единого сознания.

В этом гнилом мире бога нет, не было и никогда не будет. Всегда есть только люди,

стремящиеся потешить собственное самолюбие. Одни из них более говнистые, другие менее, и уж точно ни один не заслуживает почитания, поклонения — тем более.

Что ж, я знаю всё об этом мире, хотя прежней моделью мышления не понимаю, как такое возможно.

Единственное, в чём твёрдо уверен — ему не везло с Вратами. Эгоистичный ублюдок номер раз, прикрывающийся за благодетелью; эгоистичный ублюдок номер два, драный Инквизитор, замучивший в своих подвалах полмира... И, позвольте представиться, Джей Волков, эгоистичный ублюдок номер три.

Или это осталось в той жизни?

* * *

Связаться со старым другом-некромантом оказалось даже проще, чем я думал. Для этого даже не пришлось ложиться и впадать в метафизический транс, как обычно об этом пишут. Одинаково воспринимаю и свою реальность, и его. Просто потянулся сознанием сквозь толщу улиц, нашёл интересующий объект, сконцентрировался, и готово.

Правда, здесь реальность выглядит немного по-другому: изображения слегка размыты, воздух жидкий и тягучий как затвердевающий кисель, оголёнными участками кожи чувствую не самую приятную слизь, но глазам она не мешает.

Некромант сидит там же, где я его оставил, волосы спутались и смешались с пылью, лицо напряжено, пустой взгляд смотрит перед собой — словом, сегодня явно не лучший день его жизни. К нему подсаживается Керенская, явно обеспокоенная его состоянием, не припомню, чтобы в мою бытность её волновал кто-то кроме себя и Стаса, ну да ладно, дела давно минувших дней. Она касается плеча этого поехавшего крышей чувака, её движение вызывает своеобразные волны в «киселе», как и любое другое... Выглядит странно, но после эволюции собственного сознания я уже ничему не удивляюсь. Что же до некроманта — ему фиолетово, у него там своя атмосфера с тенями и кровавыми деревьями. Керенская трясёт его за плечо и наконец-то догадывается подать голос:

— Маг, с Вами всё в порядке?

Ради интереса переключаюсь на его ощущения и тут же возвращаюсь обратно. Не хочу проходить через *осознание* второй раз. Так, а вот с этого места подробнее... На один мир одни Врата, какого хрена он проходит тем же путём, что и я? Может, показалось? Нет. Та же Чёрная дыра, только в его случае падение ничем не прерывается. Значит, у него нет связи с другими Вратами, только со мной. Интересно. Прежде всего тем, что я ничего об этом не знаю.

— Маг? — Керенская вернула к реальности нас обоих. Эх, Ирка, снова ты в «нужное» время и в «нужном» месте.

— Да. То есть, не совсем. Завершающая стадия, я немного не в себе, — растерянно проговорил этот король двусмысленности, удивляясь сгустившимся сумеркам. Мы дружно вздрагиваем, одновременно припоминая недавний кошмар, предшествующий ещё более леденящим образам. Только я своё уже понял, а ему это только предстоит.

— Нам нужно создать укрытие. Твари неразборчивы в рационе.

Да, быстро же ты взял себя в руки, уважаю. Но только внешне — внутри у тебя всё так же бушует ураган, уж я-то знаю. Хотя и закрылся, а всё равно чувствую отголоски его бреда,

из которого едва сам ноги унёс. Но он-то, по крайней мере, не один.

Незаметно для себя концентрируюсь на ещё одной вещи: твари. Какие-то твари, от которых надо прятаться, и я... нет, не я, псих-некромант их создал. Делаю над собой усилие и лезу в его сознание, но безуспешно: всё наглухо защищено. Ну, или он вообще не думает. В одном я уверен точно — всё это очень, очень скверно пахнет и не менее скверно обернётся для нас. Надо вырваться, предупредить Гонтьера, преодолевая взаимную ненависть, хотя, с какого перепуга мне есть дело до других? Да с такого, что я теперь и не я вовсе, а какая-то другая личность, вставшая на путь осознанного изменения. Охренеть теперь. Ладно, посмотрим, насколько меня хватит.

— Ты слышишь? — некромант резко обернулся, вслушиваясь во что-то. Я снова сосредоточился на нём.

— *Отключайте его, живо! Он нестабилен, он всё испортит!*

— *Но кора слишком активна, мы можем повредить её...*

— Что? О чём Вы? — вмешалась Керенская, перекрыв и без того отдалённые мужские голоса.

— Т-ш-ш, — шикнул мой безумный приятель.

«Делай, что я говорю, девчонка справится».

Что за...

Изображения некроманта и Керенской тронулись рябью, как плохо откалиброванные голограммы, и исчезли, оставив меня в полном замешательстве. Может, очередной сон? Нет, слишком ярко, да и вообще... будто издеваясь надо мной, оставшаяся картинка стала разрушаться пиксель за пикселем.

Пора бы валить, но ничего подобного я никогда не видел, любопытство взяло верх, решил остаться до конца... не зря. Погост сменился чёрным оврагом. Те же мрачные тучи, та же атмосфера смерти и покоя. Я постарался запомнить увиденное в мельчайших деталях, потому что это реальность действительно настоящая, в отличие от некромантской. Нет и «киселя».

Вот теперь действительно пора бы переместиться в совершенно другое место.

Ну, Джей, тебя можно поздравить с возвращением от того дерьма, в которое ты сам себя вогнал. Со вторым рождением, Джисус бы его побрал.

Я довольно усмехнулся. Шанс начать всё сначала, который я не намерен упускать.

Глава XII

Боль, смерть и разруха, жизнь налаживается

*Время и случай ничего не могут сделать для тех,
кто ничего не делает для себя самого.*

Джордж Каннинг

Существенное отличие боли от других ощущений — приближение к реальности. Только когда чувствуешь боль, понимаешь, что всё ещё жив, ведь это ощущение может испытывать только тело, а не незримая, слабо изученная и вообще подвергаемая всяким сомнениям ментальная часть. Чувство настолько физическое, что дальше просто некуда. Любой бред — будь то сон, виртуальная реальность, наркотические глюки, шизофренические видения — как бы реалистичен ни казался, всегда исключает этот немаловажный фактор человеческой жизни, в этом их притягательность для слабых волей или разумом.

И огромный плюс для людей, побывавших за гранью и вернувшихся оттуда.

Резкая боль, пронзившая холодное тело, вырвала Александру Клэй из забытья, напоминая о том, что та всё ещё жива. Боль и холод — не пошевелиться, она заперта в полукруглой камере, стенки которой покрыты тонким слоем льда. Хороший признак: Клэй здесь недавно.

Нужно пошевелить хоть чем-нибудь, тогда система запустит диагностику, подаст сигнал обслуживающему персоналу, её вытащат отсюда. Александра осторожно сложила пальцы в кулак, но дался этот жест далеко не сразу: едва не плача от боли, миллиметр за миллиметром она сгибала непослушные ледышки, норовящие сломаться при любом неосторожном движении. Холодная белизна осветилась едким красным светом, помощь вот-вот придёт, осталось только дожидаться...

Или не придёт. В «холодильнике» забурлила активная деятельность: из замороженных стенок выдвинулись стальные приборы, занявшиеся стабилизацией организма, откуда-то вышел газ, одного вдоха которого оказалось достаточно, чтобы снова забыть о боли и распрощаться с сознанием, лишь напоследок мелькнула мысль о том, что теперь она может уснуть навсегда.

Но нет. Александра снова открыла глаза, пошевелила пальцами рук и ног, почувствовав, что на этот раз движения ничто не сковывает, повернула голову вправо и влево: наледи на стенках как не бывало, стекло стало прозрачным, и от открывшегося глазам у Клэй, повидавшей многое, прошёл холодок по спине. За свою долгую жизнь она не раз и не два была на волосок от смерти, но в морге очнулась впервые. И не просто морге, а ещё и крематории по совместительству. Кремация практичнее похорон: не занимает дополнительной земли, не требует особых денежных затрат со стороны родственников усопшего, и перед процессом труп придаёт более эстетичный вид. Клэй вспомнила, как лично принимала этот проект, руководствуясь ещё и тем, что кладбищ станет меньше, как и психов с ментальными нарушениями, то и дело оживляющими пару-тройку мертвяков.

Ещё немного — и от неё бы осталась пыль. Нужно срочно выбираться отсюда, нет у Клэй доверия к технике, слишком часто ей доводилось видеть её сбои и бороться с последствиями. Родившись в тёмное средневековье, она до сих пор жила его понятиями,

ладно хоть в паническое бегство от «умных» машин не пускалась. Не зная, как действовать дальше для собственного спасения, Клэй прислонила руку к стеклу, и оно послушно отъехало вверх. Александра без промедления вышла из камеры, когда босые ноги ступили на холодный бетонный пол — скорчила гримасу, оглядела себя. Мало того, что она снова в женском теле, так ещё и без одежды. Просто блеск. Взяв себя в руки, Александра окинула взглядом помещение на предмет того, чем можно прикрыться, стараясь не заострять внимание на умерших, и это принесло свои плоды: на столике лежала целая кипа аккуратно свёрнутых простыней. Негусто, но всё лучше, чем ничего. Ступая максимально осторожно, сама не зная, почему, Клэй дошла до них, развернула одну, зябко повела плечами, трясущимися от холода руками разорвала в нескольких местах и надела на манер тоги. Подумав ещё немного, взяла вторую и набросила на плечи. Грубый материал неприятно царапал нежную кожу, но выбирать не приходилось. Ткань дешёвая, рассчитана на трупов, которым, как известно, всё равно...

— Зажралась ты, Александра, — пробурчала она себе под нос и направилась к двери. Заперто. На кой чёрт кому-то понадобилось блокировать этот отсек? Обычно морги как проходной двор. Сюда и с экскурсиями ходят, и проводят исследования... Не одновременно, конечно.

С каждой минутой происходящее нравилось ей всё меньше — по мере возрастания числа вопросов, ответы на которые там, за двойной дверью. Выломать её немудрёным мысленным посылом не составит труда, но вот починить уже будет невозможно, только заменить, конечно же за счёт возглавляемой ею организации, чей бюджет и без того весь в дырах. Клэй со вздохом занесла руку над полусферической красной кнопкой, горестно подумав, как кстати была бы здесь помощь Камиллы, и в этот момент створки перед ней разъехались в разные стороны, а перед глазами оказалось дуло излучателя. От неожиданности Клэй вздрогнула и подняла руки, — кажется, её хотят вернуть на «тот» свет, — но не могла произнести и слова в собственную защиту. Тело всё ещё с опозданием отзывалось на команды мозга.

— Не стреляйте, кретины! — послышался знакомый голос, и, растолкав вооружённых охранников, показалась Камила. Клэй тут же расплылась в улыбке и двинулась было к возлюбленной, но поднятое оружие заставило её вернуться в исходную позицию.

— Отставить, парни, — властно отчеканила она уже без тени улыбки. — Вы же знаете, кто я. Полномочия с меня пока снять не успели, — отчаянно блефовала она на свой страх и риск — никакой уверенности в сказанном не было. Когда те послушались, Александра продолжила уже более миролюбиво: — Что здесь, Даркан вас побери, произошло?

— Я объясню по дороге, только скажи им убраться, — тихо и устало сказала Камилла, встав рядом с Клэй. Будто не веря в реальность происходящего, она коснулась её руки.

— Ну, сегодня днём Вас нашли мёртвой, а потом по всему городу объявились летающие твари. Введено чрезвычайное положение.

— Почему сразу мёртвым, я просто прилёг...ла отдохнуть, — встретившись с недоумёнными взглядами охранников-медбратов, похожих друг на друга как близнецы, Александра поняла, что если сейчас же не закончит этот разговор, то придётся отвечать на вопросы, а там и начальство подсуется, снова вопросы и трата драгоценного времени. — Разойтись по занимаемым постам, разберёмся.

Когда гул шагов стих, Александра выдохнула и закрыла дверь морга, опять же стараясь не смотреть туда, и только после этого смогла вздохнуть спокойно. Ей больше не придётся

туда возвращаться, в обозримом будущем.

— Что с... — не успела она договорить, как получила хлёсткую и довольно ощутимую пощёчину, недоумённо посмотрела на Камиллу.

— Больше не умирай, ладно? — Кам порывисто обняла её, заставив опешить ещё больше. Обычно она невозмутима, ну или создаёт такую видимость, сейчас же барьеры разрушились, видимо, она и правда жутко волновалась. Всё с тем же недоумением Александра обняла её.

— Я очень постараюсь. Камилла...

— Да, я всё понимаю, прости. Идём, — смутилась она, отстранившись.

Видя состояние возлюбленной, Клэй хотела провести с ней больше времени, успокоить, да и сама прийти в себя после внеплановой смены пола на истинный, не говоря уже о смерти, но без неё этот мир совсем рухнет и слетит в тартарары, а она за столько лет успела почувствовать себя ответственной за него. Серые коридоры сменились бежевыми, белыми, голубыми... обе девушки, погружённые в себя, не замечали внешний мир, точно так же, как и внешний мир не замечал их, хотя выглядели они довольно необычно в стенах госпиталя. Врачи занимались постоянно прибывающими пациентами, те же были так плохи, что едва могли дышать, о сознательной деятельности не могло быть и речи; охрана, получившая приказ разойтись по занимаемым постам, поддалась общей рассеянности и никак не контролировала происходящее, и даже роботы-уборщики расположились вдоль стен, будто не замечая крови и грязи. Бардак.

Наконец, Камилла и Александра оказались на улице. Погода стояла не по-осеннему прохладная, возвращая им ясность ума, порыв ледяного пронизывающего ветра заставил Клэй зябко поёжиться, покрепче укутаться в грубую материю, от которой было мало толку.

— Тепло, одежда, еда и горячий крепкий чай, на других условиях я работать не согласна, — угрюмо отозвалась она, стуча зубами.

— Всё будет, осталось ещё немного. Ты что, не можешь себя согреть? — Камилла повернула голову, но шаг не сбавила.

— Нет. Видимо, все силы ушли на восстановление. Действительно все, даже те, что поддерживали другую форму...

— И что планируешь делать? — Камилла ввела кодовую комбинацию, дверь ангара открылась. Клэй проигнорировала вопрос и подбежала к автомобилю, тот узнал второго хозяина и услужливо пропустил его в тёплый салон, на удобное пассажирское кресло. Она прикрыла глаза, отогреваясь.

— Извини, взяла только одежду, эм, твоего мужского облика, — послышалось позади, сквозь поверхность, ставшую очень даже звукопроницаемой.

— Тёплая? Плащ есть?

— Конечно.

— Тогда без разницы, — ответила Клэй, открыв глаза. Рядом с ней возникла стопочка аккуратно сложенной мужской одежды и белья-унисекс, определяющего пол хозяина и подстраивающегося под его нужды — как раз то, что нужно. Как-то ей объясняли его состав и технологию изготовления, но за сложной химической терминологией смысл неумолимо ускользал. Функции свои выполняет — и ладно. Александра скинула с себя простыни, приложила небольшой эластичный прямоугольник к солнечному сплетению, тот прирос к коже как родной, по телу, включая голову, почувствовалось небольшое покалывание: вещество принялось за работу. Пока Камилла возилась в багажнике, операция успешно

завершилась, и Клэй принялась за остальную одежду, ощутимо мешковатую. Уж лучше, чем было, жаль, Камилла не взяла ещё пару таких констрод («констр» от «конструирование», «од» — «одежда»).

Камилла заняла водительское место и бросила через плечо увесистый свёрток. Клэй развернула его, открыла банку, принялась и неодобрительно пробормотала:

— Вечный хлеб?

— Да, как-то не было возможности прихватить нормальную еду, — фыркнула она, выезжая из гаража, окупус-авто плавно занял место на её голове, обеспечивая полный обзор местности и единство с машиной.

Клэй с секунду смотрела на неё, потом принялась за «еду». Вечный хлеб хранился в вакуумном пространстве, иначе происходил сильный рост микроорганизмов, питающихся газами и веществами, содержащимися в воздухе. Ста граммов этого «хлеба» хватало на весь день, с виду он походил на икру трески, по вкусу... Александра зачерпнула ложкой и чуть улыбнулась: апельсиновый, её любимый. С развитием химии и биохимии пищевые ароматизаторы могут быть любыми, даже дерьму можно придать вкус жареного бекона.

В пару минут окончив трапезу, Клэй подождала, пока баночка наполнится вновь, рычажком выкачала воздух и перевела взгляд на мир за стеклом.

От открывшейся картины Клэй грязно выругалась, смешав несколько языков, так что даже Камила, привыкшая ко всему, едва не потеряла управление.

— Ты обещала ввести в курс дела, — передёрнулась она, когда послышался липкий звук переезжаемого тела. Мёртвого, очевидно. Из живого на тихих улицах, обagrённых кровавым дождём, остались только маленькие твари, устроившие пир. Искрились оборванные провода, горели повреждённые и брошенные автомобили, разрозненно валялись части человеческого тела, вместо лиц осталось мясо да выпученные глазные яблоки, здания пронизаны щитами, на которые твари устраивают организованные атаки... Камилла запустила аэродвигатель.

— Сейчас, только поднимемся, дорога никакая.

— Подожди. Слева умирающий монстр, нам нужно взять его для анализа.

— Ты спятила?! Какой, к дьяволу, анализ, нужно быстрее под щит!

— Они могут уничтожить щиты. Нужно выяснить их природу, чтобы понять, как уничтожить.

— Но...

— Развернись моей стороной, это приказ, лейтенант.

Камила понизила мощность аэродвигателя, автомобиль, набиравший высоту, снова снизился, но не приземлился.

— Опускаю щит, готовность на счёт три. Раз...

Алекс выпрямилась, перебрала пальцами, и её руки покрылись чем-то вроде прозрачной плёнки.

— Два...

Пространство в полуметре от неё подёрнулось рябью: Клэй включила защиту.

— Три.

Она перегнулась через прогал двери, схватила кусающуюся и брыкающуюся тварь, перенесла вещество с рук на неё, образовав сплошное покрытие, вернулась в салон и нервно выдохнула, от прилива адреналина тело подрагивало. В образовавшемся щитовом прогале собралась целая колония уродливых существ, но Камилла снова вернула барьер и резко двинулась вперёд, набирая высоту.

— Ну? Как? — её голос взволнованно дрожал, повернуться она не могла, поглощённая симуляцией единства с автомобилем.

— Порядок. Я жив, тварь в анабиозе, морг подал мне отличную идею... Минимум энергии, максимум пользы.

— Не забывай менять род вместе с полом, в русском языке это важно, — улыбнулась Кам.

— Вот чёрт.

— Значит, твои способности возвращаются?

— Хм... — задумчиво протянула Клэй. — Да.

— Знаешь об этих существах что-нибудь?

— Нет, только некоторые предположения. Визуально они мне знакомы, но по факту ничего не помню. В бестиарии Паши точно должно быть, — крутя застывшую красно-чёрную фигурку, проговорила Клэй. Из плоти и крови, лицо как у человеческого младенца, только вместо аккуратного маленького рта огромная, в половину небольшого лица, пасть, торчат клыки, на которых ещё остались кусочки мяса. Рога тонкие и острые как ножи, три пары конечностей, на двух из которых острые, с зазубринами, когти, на которых застыли капельки кислотной-зелёной жидкости. Яд или кровь, хотя в их случае одно другому не мешает.

— С твоего исчезновения прошло три дня. Ближе к обеду над городом и прилегающими областями в районе двух тысяч километров нависли чёрные тучи со странными алыми молниями. Климатологи качали головами, их аппаратура погодной стабилизации не показывала каких-либо нарушений, по её данным атмосфера в норме. Император отдал распоряжение полиции, чтобы та проконтролировала установление защиты на всех зданиях, но ничего более. Кто-то ждал войны, кто-то — апокалипсиса, большая же часть склонялась к тому, что всё это шутки климатологов, поэтому собственной эвакуацией мало кто озаботился. Ну, они сполна расплатились за собственную беспечность, как ты уже могла убедиться... — Камилла обогнала аэробиль с мощным грузовым отсеком: выходить за пределы защищённых зданий людям запрещалось, но от этого их потребности в еде и воде никак не уменьшились. Поставки шли как в военное время — за счёт государства, но не приходилось сомневаться, что отдельные личности нажились на этом. Камилла вернулась на прежнюю траекторию. — Так. На вторые сутки поднялся туман, тучи сгустились ещё больше, день стал неотличим от ночи, зарегистрирована волна самоубийств... да, мы проверили, этих людей ничего не связывало. Чтобы не вызвать паники, этот факт скрывался, семьям пострадавших платили за молчание, а зря: я думаю, люди проявляли бы большую осторожность и не выходили за пределы защищённых домов. На третий...

— Прости, что прерываю, есть у тебя вода? Умираю, как пить хочу, — неожиданно подала голос Клэй. Камилла немного стусевалась, смысл сказанного дошёл до неё не сразу, слишком она увлеклась рассказываемой историей. Как ей только удавалось так ровно вести машину?

— Да, конечно. Перед тобой цифры от 0 до 9, набери 001. Ты ведь слушаешь?

— Слушаю, слушаю, — пробормотала Александра, происходящее нравилось ей всё меньше и меньше. Она набрала код, взяла с образовавшейся в сиденье полки желеобразный кирпичик, прислонилась губами к меньшей стороне и принялась жадно пить. Да, три дня без воды — неудивительно, что жажда такая сильная. К тому же, с её телом столько всего произошло, поразительно, что она ещё жива.

Закончив, Александра вернула аквагель обратно, полочка исчезла.

— Я могу продолжить?

— Да. Интересно само появление этих мразей.

— Это произошло на третий день, то есть, сегодня... точное время никто не помнит, я узнала о происходящем от Насти, возвращавшейся с ночного клуба в полчетвёртого ночи. Тогда я не восприняла всерьёз её пересказ видений, но днём, когда она же шла на работу и связалась со мной по видеосвязи... тучи разразились дождём из этих тварей, которые ещё на лету разрывали на части людскую плоть. Настя отбивалась, ты знаешь её способности к полиформизму. Потом связь оборвалась, в штабе до сих пор пытаются с ней связаться, но пока безуспешно, иначе бы мне сообщили. Потом Центральная Больница в ответ на наши запросы сообщила о тебе... Саш, мы думали, это конец. Отовсюду поступали и продолжают поступать сообщения об отказе щитов... Короче, если ты срочно что-нибудь не придумаешь, мы все умрём. Такое положение дел.

— Вот говно, — Александра вздохнула и откинулась на спинку сиденья, прикрыв глаза. — Надо думать, я вовремя воскресла.

— Ещё как... и кстати, Волков оправдан и работает совместно с ребятами Гонтьера и нашими. Славно, да?

— Ну, хоть какая-то хорошая новость. Как это произошло?

— Понятия не имею, у Волкова с Гонтьером какие-то секретки ото всех. Они только переглядываются между собой, неопределённо пожимают плечами и переводят тему, — в голосе Камиллы отчётливо послышались нотки раздражения.

— Хм, — только и смогла сказать Александра, крепко задумавшись. — Джей. Ты не заметила никаких странностей в его поведении? — осторожно поинтересовалась она, вспомнив события, предшествующие её пребыванию в морге. Врата. Потом мрачный мир Джея, борющегося со своей природой, холод... За всем этим дерьмом совершенно вылетело из головы.

— Саш, да вся страна с катушек съехала, думаешь, мне до твоего наркомана было?! — фыркнула Камилла, сделав резкий поворот, от которого Клэй непроизвольно вжалась в сиденье.

— Спокойно. Просто вспомни, это важно.

— Ходит как призрак. Бледный, молчаливый, взгляд совершенно пустой, перестал травить свои нелепые шуточки и поражать нас непревзойдённым сарказмом. То появляется, то исчезает. Совершенно неожиданно. Спокойно оперирует тем, что вообще не должен знать. Мы с Пашей пытались перепрограммировать щиты, он откуда-то появился, оттолкнул нас, ввёл совершенно немыслимые коды... ну, последние несколько часов мы не получаем сообщений об отказе щитов. Я, конечно, на него наехала, что мог бы и попросить, прежде чем так бесцеремонно вступать в нашу работу, даже толкнула — ноль реакции. У работа со сбитой программой и то больше эмоций.

— Ну вот, а говорила, не знаешь, — Клэй выдавила из себя улыбку.

— Просто этот псих меня дико раздражает... — вздохнула она, снимая с себя окулус-авто. — Приехали, — Теперь автомобиль двигался уже без её участия.

— Штаб, милый штаб... — протянула Клэй, нервно улыбнувшись. От того, сколько предстоит узнать и сделать, её охватило нетерпение, с каждой секундой сидеть становилось невыносимо, обуяла жажда деятельности, она тоскливо смотрела на медленно (слишком медленно!) приближающийся ангар, и когда посадка завершилась, вскочила со своего места

и, не дожидаясь «подруги», побежала по знакомым коридорам, радуясь сама не зная чему.

Жизнь, в которой можешь реализоваться на всю катушку — это круто. Даже если и не можешь — всё равно круто, если сравнивать с леденящей пустотой смерти.

«Верните мой 2007-ой». Гонтьер, Волков и Настенька

Люди без души не способны чувствовать.

Неважно, о каких чувствах речь.

Они ведь живые, так что лишены даже обычной для мертвецов ненависти ко всем, кто еще не умер.

И точно так же недоступны им и похоть, и любовь, и злоба, и зависть — и все, что еще можно вспомнить.

Наталья Игнатова. Охотник за смертью

Воспользовавшись тем, что пришёл в себя, Джей занялся внешним видом, совсем не располагавшим к доверительной беседе, которую он задумал. Собственно, выглядел он так же, как и чувствовал себя — то есть никак. Бледная кожа, не хуже, чем у старого друга некроманта, синие круги под глазами, отрешённый взгляд, щетина, почти превратившаяся в бороду, грязные и спутанные волосы. Как после долгого запоя, совмещённого с упарыванием веществами, хотя тут ситуация прямо противоположная. Отказываешься от весёлого образа жизни в пользу здорового — получаешь кучу бонусов, которые вынуждают вернуться к истокам, но тут, взаперти, такой возможности нет, поэтому Джей самозабвенно съезжает с катушек. Или уже съехал? Все эти открывшиеся способности и сопутствующий им шум в ушах, плюс головная боль: у этого парня точно не все дома.

Мир перед его глазами постоянно меркнет в сравнении с тем, что лежит перед мысленным взором. Он практически не отдаёт себе отчёт в том, кто он, что собирается делать — всё резко потеряло былое значение и смысл.

Джей склонился над раковиной, пустил ледяную воду и долго умывался, постепенно возвращаясь из ловушки собственного сознания, просыпаясь для жизни. Способ старый, но в действительности ему не откажешь. Зайдя в широкую кабинку душевой, он набрал на внутреннем сенсоре несколько команд, раскинул руки и закрыл глаза. Сначала его бодряще обдало прохладной водой, которая полностью его омыла, и, когда зубы Джея уже начали стучать, сменилась тёплым дезинфицирующим паром. Мыло, гели для душа, шампуни — всё это пережиток прошлого. Смесь газов и микроорганизмов проделала свою работу, раздался писк, оповещающий о том, что программа закончена. Волков опустил руки и, поразмыслив, включил ещё один водный цикл, на порядок холоднее предыдущего, и стоял в струях воды до тех пор, пока мышцы не начало сводить судорогой. Только после этого он посчитал процедуру завершённой, так как начал ощущать что-то на физическом уровне. Пусть неприятно, но возвращает «с небес на землю». Вышел, надел чистую одежду, — интересно, когда сюда успели перекочевать его вещи — снова встал перед зеркалом, провёл перед лицом световой бритвой — волосы тут же опали, после чего Джей провёл эту же операцию и с заросшими висками. Ну, теперь он хотя бы отдалённо напоминает человека, можно идти. Поразмыслив с секунду, он снова сполоснул лицо, вспомнил, что за собой надо бы прибраться. Наконец, вернулся в комнату, оказавшись здесь одновременно с Сэмом Гонтьером.

— Нет времени тобой заниматься, давай быстро и по существу.

— Привет, старый дьявол, — с опозданием отреагировал Джей, даже выдавив одну из прежних ухмылок. — Быстро не обещаю, но это сгладит одно давнее недоразумение между нами, — в несколько медленных шагов он оказался возле собеседника.

— К чему ты клонишь? — напрягся Сэм.

— Ты знаешь. Семь лет прошло, а ты всё хочешь моей смерти. Конечно, я ещё тот тип, но конкретно в этом не виноват. И теперь знаю, как доказать тебе это.

— Такое не забывается, Волков, — протянул капитан, настороженно глядя на Джея.

— Отключай запись, поговорим нормально, без этих туманных намёков. Хотя я могу сделать это всеобщим достоянием, не вопрос, вот только тебя быстро снимут с дела о тринадцати убийствах за некомпетентность и передадут кому-нибудь другому, хоть тому же Афтерлайфу.

— Ты просто тратишь моё время, у тебя ничего нет, — раздражённо бросил Сэм.

Джей уже не знал, как бороться с тупым упрямством неприятеля, сжал и разжал кулаки, что не ушло от взгляда Сэма, незаметно отступившего к двери.

— Она жива. И ты можешь видеть её хоть каждый день. Ничего себе поворот, да? — выпалил Волков наконец.

— Что ты такое несёшь? — несмотря на внешнюю невозмутимость, Сэм дрогнул голосом.

— Мне начать, пока ведётся запись?

— Я заблокировал её, прежде чем спуститься к тебе, — признался Гонтьер. — Знал, что будешь пытаться меня скомпрометировать, очень на тебя похоже.

— Тем лучше, — Джей протянул руку, как для рукопожатия. Сэм чисто машинально дёрнулся, чтобы пожать её, но вовремя себя остановил. Холодный и пустой взгляд Волкова совершенно выбил его из привычной колеи, тот будто смотрел сквозь него и в то же время видел всё в нём... от этого ему стало жутко, и он пожалел, что раскрыл ему фишку с камерами. Сейчас перед ним уже совсем другой Андрей Волков — сомневаться не приходилось. Один чёрт знает, что у него на уме.

— Боишься. Зря, — вздохнул Волков, но руку не одёрнул. — Я не собираюсь вредить твоему физическому или психическому здоровью. Ты меня знаешь — действую только из личной выгоды, здесь мне нужно, чтобы ты был в добром здравии и ясном рассудке. Просто сходишь на экскурсию в мою голову, где увидишь интересующие тебя эпизоды такими, какими они были. Без шуток и подтасовок.

Сэм Гонтьер молчал, обдумывая положение и не решаясь на какие бы то ни было действия. С одной стороны, его очень интересовали подробности смерти (или даже жизни) дочери, с другой — он отказывался верить версии того, кого считал виновным в её гибели.

— Ну же, бравый капитан полиции. Моё терпение не безгранично. Сам подумай: что тебе может сделать какой-то наркоман? Ничего. Что ты потеряешь? Снова ничего. А вот приобрести можешь многое, — не унимался Джей.

— Если сказанное и показанное тобой окажется правдой...

— Не сомневайся.

— Чего ты захочешь взамен? — снова насторожился Сэм.

— Наконец-то, уж думал не спросишь. Взамен, капитан, ты снимешь с меня все обвинения по этому делу. И сделаешь это как миленький, рассыпавшись в благодарностях моей скромной персоне, — оскалился Джей.

— Счастливо оставаться, — Гонтьер повернулся к выходу.

— Второго шанса не будет. Так и сдохнешь с мыслью, что Амелия мертва! — бросил вдогонку Волков. Гонтьер едва заметно вздрогнул и снова повернулся к Джею. — Я дам тебе несколько часов на проверку, большим мы не располагаем, мир трещит по швам, я могу помочь. И даже хочу.

— Ты? С чего бы?

— Это тебя не касается. Хватит выпендриваться как принцесса, отвечай уже, — Джей снова протянул руку. Гонтьер смерил его взглядом, вздохнул и вместо ответа пожал ладонь, чувствуя, что очень скоро пожалеет о принятом решении.

Это случилось даже быстрее, чем он думал: перед ним предстала его дочь, явно не в себе, и уставший Джей, только что разбуженный.

— Твою мать, — только и смог выговорить он, придерживая более изощрённые «красные словца» на будущее.

«Это прошлое, я не могу на него влиять», — послышался голос Джея, эхом отразившийся в сознании Сэма. Конечно, Гонтьер ему не верил, но отступить уже поздно, вместо этого он, переступив через самого себя, прислушался:

— *Да заткнись уже, Мэл! Это зашло слишком далеко, всё, финиш, пора остановиться, — кричал двадцатилетний Джей на подругу и даже тряс её за плечи.*

— *Остановиться? Дже-е-й, ты шутишь, я же только начала! — неразборчиво протянула она и рассмеялась.*

Гонтьера, помнившего дочь совершенно другой, перекосило.

— *У тебя были приступы, они могут повториться. К тому же, ты втянула нас в долги и такое дерьмо, с которым придётся очень долго разбираться. Плюс твой отец постоянно устраивает мне сладкую жизнь, я даже за едой выйти не могу без сраной кучи проверок от его подчинённых! Очнись уже, Мэл! — Джей кричал, надеясь хоть как-то до неё достучаться, но она слышала только то, что ей было нужно.*

— *Волков, ну и скотина же ты. Сам втянул меня во всю эту «ночную жизнь», ради тебя я бросила учёбу, в пух и прах разругалась с отцом, а тебе всё мало, ты хочешь от меня чего-то ещё, отпусти сейчас же! — весёлость Амелии, коротко стриженной темноволосой девушки в вызывающем наряде, сменилась истерикой. Она стала вырываться из хватки Волкова.*

— *Чтобы ты натворила ещё кучу дерьма, которое мне расхлёбывать? Отпустить тебя? Нет, — он только крепче сжал её плечи.*

— *Сама уйду! — она снова попыталась оттолкнуть его от себя.*

— *Да-а? И куда же, интересно?*

— *К отцу. Расскажу ему много интересных историй, и тебя живенько отправят на унипро, — Мэл зло сверкнула глазами.*

— *Сука, — он даже закрыл глаза от ярости. — Тупая эгоистичная сука. А была такой умной, открытой... — протянул он уже тихо.*

— *Это ты сделал меня такой, — воспользовавшись его замешательством, Амелия оттолкнула Джея и побежала вниз. Её глаза застилала слёзы, разум — наркотики, но сейчас, от осознания того, кем стала, в голове прояснилось, всё её существо пронзила боль, разрывающая на части. Хотелось кричать, рвать и метать, но больше всего — убежать от самой себя, от человека, так повлиявшего на неё. И она бежала, перепрыгивая через две ступени, спотыкаясь, рискуя в очередном прыжке свернуть шею. Темнота серого подъезда сменилась тоскливой серостью пасмурного летнего утра, вот-вот небо разразится*

дождём, но её это не волновало. Убежать. Подальше от всего этого...

Она села на аэромотоцикл, не озаботившись какой-нибудь защитой.

— Стой! Убьёшься и байк мне угробишь! — прокричал Джей и побежал ещё быстрее, надеясь успеть, во рту стоял привкус крови, сердце и лёгкие готовы были выпрыгнуть из груди.

Мэл включила двигатели, резко дёрнулась с места и набрала высоту, с которой оказалась недосягаема. Джей, оставшись ни с чем, грязно выругался, опёрся ладонями о колени в попытке отдышаться. Немного придя в себя, он посмотрел туда, где исчезла Амелия Гонтьер, уже зная, что видел её в последний раз, но не подозревая, что вся его последующая жизнь обернётся настоящим кошмаром.

Картинка растворилась, оставив Сэма в смешанных чувствах. Он стоял и непонимающе смотрел на Джея, отказываясь верить увиденному, и в то же время чувствуя, что это правда. Весь этот эпизод он слышал отголоски мыслей Волкова, его ощущения, они наложились на его собственные, и теперь он впервые понятия не имел, что делать дальше. Он чувствовал его отчаяние и самоненависть, и вдруг понял, что враг был отомщён в этот же день, даже участие Сэма не потребовалось. Столько негативных мыслей, разрушающих и без того нестабильный рассудок Джея, теперь целой волной оккупировали и голову Гонтьера, он едва удержался на ногах. Служба в полиции быстро сделала своё дело: он встрепенулся и отогнал мысли Джея прочь, и от своих тошно.

— Я не успел заметить, когда всё пошло не так. Прости, Сэм. За это я ненавижу себя сильнее, чем ты меня. Пытался остановить её, чувствовал, что это её последний полёт, но ничего не мог сделать. Да, мне лучше было вообще не связываться с ней, но поначалу всё шло так хорошо... я думал, изменюсь, она потянет меня за собой, но вышло так, что это я утащил её на дно, — пустота во взгляде Джея впервые за время их разговора сменилась осмысленностью. Сэм молча опустил голову, склонил голову.

— Амелия. Единственное, что связывало меня с женой и всем прошлым, утонувшим вместе с моим домом.

— Да, я помню Американский потоп, можешь не напоминать, в сознательном возрасте был. Ри дала пострадавшим кров, работу, сделалась вторым домом для своих идеологических противников... — припомнил Волков, но Сэм, погружённый в воспоминания, не слушал его.

— Мы чудом спаслись. Было тяжело начинать всё сначала, столько раз хотелось напиться и забыться, но я держался ради неё. А ты просто сгубил её. И я жил все эти семь лет только для того, чтобы отомстить тебе, Волков, дерьма ты кусок. Поднимался каждый грёбаный день с мыслью, что до осуществления цели осталось недолго. Зачем весь этот спектакль? То, что копилось семь лет, не может быть разрушено в несколько минут, — отрешённо проговорил он. Джей Волков впервые видел несгибаемого капитана Гонтьера в таком состоянии. Совершенно убитый. И вроде они враги, он должен ликовать, но этого не происходило: слишком они похожи.

— Анастасия Ри ровно семь лет работает в Афтерлайфе непосредственно под руководством Клэя. Оперативная работа; он практически не подпускает её туда, где вы можете пересечься. Потому что она может вспомнить и умереть уже насовсем.

— Что? — Сэм изумлённо поднял голову.

— Думаешь, почему Афтерлайф так называется? «После жизни». Умирая, некоторые люди как бы перерождаются, у них появляется вторая жизнь, но с условием, что они ничего не помнят о первой. Таковы правила игры.

— Лучше бы ты молчал. Как я её проверю?

— Не знаю, это уже твоя забота, — Волков пожал плечами. — Но не всё так плохо. Есть шанс, что она, узнав, кто ты, вспомнит только то, что связано с тобой. Или кем ты был для неё в прошлой жизни. В общем, процентов девяносто её прошлой жизни по-прежнему останется в «тумане», она потеряет часть способностей, но может остаться жива.

— Способностей?

— Ох, нет, не заставляй меня объяснять очевидное, — пробормотал Джей, запоздало вспомнив, что деятельность Афтерлайфа в общем-то засекречена, что распространяется и на особенности работающих там людей. — Способностей. Точка. Клэй и так мне голову оторвёт, если выживет, а уж такого врага я бы точно не хотел себе нажить.

Они долго молчали, обдумывая каждый своё. Джей прислушивался к ощущениям, пытаясь уловить хоть малейшее присутствие Клэй в этом мире, но без толку; Гонтьер переживал новую реконструкцию восприятия действительности, что в его годы давалось нелегко, но, надо отдать ему должное, держался он молодцом.

— Джей. Я освобожу тебя, только ответь на один вопрос. Как бы ты поступил на моём месте?

Волков смерил его серьёзным взглядом и ответил без тени улыбки:

— Я бы рискнул, капитан. Лучше убиваться по произошедшему, чем по возможному, и корить себя за несбывшееся всю оставшуюся жизнь. Есть шанс, что всё получится. Почему бы не поставить госпожу Фортуну к себе лицом и не попытаться? Эта стерва любит отчаянных.

— Ладно, Андрей Волков, — вздохнув, Сэм поднялся с кресла. — Через семь часов я вернусь, проверив Анастасию Ри и выхлопотав твоё прощение, если наше родство подтвердится. Что ты сказал про Клэя? Его давно не видно, сейчас его присутствие было бы очень кстати.

— Хрен нам всем, а не присутствие. Обзвоните больницы, морги, больше ничего не могу посоветовать, — угрюмо буркнул Джей.

— Надеюсь, тут ты ошибаешься, — нахмурился Гонтьер.

— Не поверишь: я тоже.

Они усмехнулись друг другу с намёком на дружелюбие. Впервые за столько лет.

Отведённое ему время Джей провёл с пользой, в очередной раз занявшись систематизированием всех знаний, так «кстати» свалившихся на его и без того нездоровую голову. Каждое такое «погружение в себя» не оставалось безнаказанным, и с каждым разом это путешествие давалось всё сложнее, теперь же его отвлекали назойливые мысли об Амелии, ныне Анастасии Ри. Завязав разговор на голой импровизации и не отступая от неё Джей и представить не мог, во что это выльется. До того, как объявить о новом воплощении Мэл, он вообще не представлял, каково оно и где его искать. Цепочка, что привела его к Анастасии Ри, выстроилась сама собой, попутно он узнал много интересных и жутко секретных фактов об Афтерлайфе, ладно хоть вовремя остановился, иначе разболтал бы всё. Как сложно держать информацию под контролем, когда её так много, и берётся она из ниоткуда! Стоит подумать о чём-то — и вот ты уже знаешь, как всё было.

Волков растянулся на кровати и уставился в уже поднадоевший белый потолок. Единственный вопрос, на который он пока не знал ответ — как справляться с этим. Он помнил каждый миг жизней своих предшественников, но эта деталь неумолимо ускользала...

За размышлениями он не заметил, как уснул. Перед глазами больше не стояла бездна чёрной дыры, на горизонте событий которой уютно располагались миллиарды терабайт информации обо всём сущем, к которым он имел неограниченный доступ в любое время. Правда, голова беспрестанно гудела, но он почти привык к этой боли. Сам он от неё всё равно не сможет избавиться.

Глава XIII

Победа?

*Жить в таком душевном состоянии — невыразимая мука!
Неужели не найдётся никого, кто бы потихоньку задушил меня,
пока я сплю?*

Рюноскэ Акутагава. Зубчатые колёса

Жуткая головная боль заставила всё тело Некроманта содрогнуться, а его обладателя — прийти в себя. По-настоящему. Впервые за много-много лет. Он пошевелился, окружающая среда оказала ему сопротивление, как если бы он был погружен в желе. Некромант прислушался к своим ощущениям, и действительно — на всей поверхности тела, за исключением головы, чувствовалась влага. Увидеть, что она из себя представляет, он не мог: перед глазами стояла чернота, словно они были закрыты, хотя некромант непроизвольно моргал. Он произнёс несколько слов, ещё и ещё раз, почти крича, и только в последний раз до его слуха донеслось что-то похожее... будто и уши заполнены этой вязкой субстанцией. Его охватил страх перед неизвестностью и собственной беспомощностью в ней, порывистым движением он принял сидячее положение. Кроме «желе» движения сковывало что-то ещё... Он прошёлся вдоль одной руки, наткнулся на провода с присосками, затем вдоль другой, страх сменился решимостью. Освобождёнными руками он дотронулся до лица в височных областях, почувствовал вместо кожи пластик и холод металла. По форме как...

Он провёл руками вдоль затылка, оттянул резиновый ремень, тот легко поддался, но передняя часть приспособления неприятно надавила на лицо. Это же...

Чем ближе он становился к истине, тем сильнее она от него ускользала, усиливая и без того невыносимую головную боль. Нет — и не надо, нужно выбраться отсюда, есть какое-то незавершённое дело... Какое? Он напрягся, с трудом припоминая последние события: Ирина, обряд, тучи, холод. Некогда размышлять о чём-то другом, нужно быстрее возвращаться к работе.

Он снял с себя странные очки и наткнулся на полукруглое стекло. В голове возникали разрозненные образы-воспоминания, связанные с этим местом, но он не мог ухватиться за них и выловить что-то конкретное. Слишком они ненавязчивы, будто из другой жизни.

Оставив попытки, некромант оценил, что стекло прочное, его не разбить, если это вообще стекло. Он знал, что это, но не мог вспомнить. Проанализировав своё положение, он пришёл к следующему: если любое физическое воздействие бесполезно, то надо применить метафизическое, пользуясь подпространственной неустойчивостью. Проводник был бы очень кстати...

Маг прикрыл глаза, что-то проговорил себе под нос и, когда открыл их, оказался в уже совсем другом мире. Всё окружающее пространство будто заполнилось ультрафиолетом, каждый материальный предмет стал угловатым и разлинованным, а, приглядевшись, можно было различить элементарные частицы, беспорядочно перемещающиеся и взаимодействующие друг с другом. Хаос. И даже в нём есть свои закономерности, малейшее нарушение целостности которых чревато серьёзными последствиями.

Стекла перед ним не было, только скопление белых линий. Он протянул сквозь них

руку, вторую, наконец поднялся весь. Под ногами — ровный слой ультрафиолета, расчерченный на сектора — пол. Маг с опаской ступил на него, снова огляделся, обстановка напоминала ему о... структуре компьютерных игр. Виртуальной реальности, о которой грезят все от мала до велика. Выходит, подпространство и виртуальная реальность — одно и то же? Почти. Только второе всего лишь уменьшенная и упрощённая модель первого.

— Вот чёрт... — только и смог прошептать он, не слыша себя, но видя волны, незначительно колеблющие пространство — вот он, звук.

Дикое, угловатое и в то же время совершенное подпространство сменилось привычным фальшивым лоском пространства. Прямо перед ним стояли люди в белых халатах — не врачи, а учёные, обсуждали что-то, указывая на его прежнее местоположение; завидев же его, мужчины смолкли, на лицах явственно проступил шок, они не двигались, только взгляд их метался от непонятной аппаратуры за спиной некроманта к нему самому. Маг резко обернулся, даже слишком: текстуры не успели прогрузиться, картинка напоминала детскую мазню, но реальность быстро спохватилась и прорисовала обстановку.

Какая-то палата с компьютерами, датчиками, переключателями, проводами и приспособлениями, о назначении которых он даже отдалённого представления не имел, а там, под стеклом, спокойно лежал незнакомец со смутно знакомыми чертами.

— Вызови господина Волкова. Сообщи о ситуации, — одними губами проговорил тот, что постарше. Некромант заинтересованно смотрел на них и слушал, надеясь прояснить хоть что-нибудь. Молодой парень поправил очки и юркнул за дверь, но даже оттуда маг его прекрасно слышал.

— Организатор... у нас получилось. Виртуальный прототип А-Вэ-одиннадцать прорвался в нашу реальность, связь между ними разорвана, — он замолчал, слушая ответ. — Но мы не знаем, на что он сейчас способен! Да... сейчас, — парень склонился над мониторами. — Программа действий сохранена, знания и память на том же уровне. Хорошо, — закончив разговор, он снова вошёл к некроманту и старому профессору. — Нам надо уходить. Через пятнадцать минут объявлен общий сбор. Не волнуйтесь, программа пока подчиняется нашему влиянию. Я поставил его на паузу до нашего ухода, он выберется — я запрограммировал маршрут — и отправится в заданную локацию.

— Мне не нравится игра, которую затеял Сергей Анатольевич, — нахмурился профессор, смотря на застывшего некроманта.

— Вы имеете в виду?..

— Да, наш доблестный организатор. Я за уничтожение программы и сворачивание проекта.

— Но он же успешный, — не понял очкарик.

— Даже слишком. Технологии «Кибера» развиты, но не совершенны. Эксперимент дошёл до стадии, когда может выйти из-под контроля... Идём, его взгляд приобретает осмысленность, — быстрым шагом учёные покинули помещение. Несколько минут спустя некромант вышел за ними. Его движения были ломанными и механическими; как робот, действовал он по заданному алгоритму.

* * *

— Как успехи? Удалось идентифицировать этих существ? — поинтересовался Сэм,

склонившись вместе с Пашей над консолью.

Беда сплотила не только их, но и всех людей полиции и Афтерлайфа, лучшие умы бок о бок бились над решением проблем, возникших из-за неожиданной и мощной атаки странных существ. Ситуация осложнялась тем, что к чудовищам постоянно прибывало подкрепление, и регулировать их численность не представлялось возможным: слишком велик риск того, что от тех или иных воздействий положение ухудшится ещё больше. Павел от лица учёных и аналитиков просил дать им время, прежде чем армия и полиция начнут действовать вслепую, используя все известные способы уничтожения. Люди при этом пострадают наверняка, а вот судьба тварей неизвестна.

Оставался ещё недоработанный излучатель антиматерии, но тогда вопрос стоял уже об уничтожении всего живого и неживого на планете, так как открыты не все возможности, доступной же частью практически невозможно управлять. Ещё немного, и выбор будет не между жизнью и смертью, а между смертью быстрой и смертью медленной.

— Работаем над этим... — Шульгин вздохнул, снял очки и откинулся на спинку кресла, закрыв красные от напряжения и недосыпа глаза. — Всё так же четыре варианта. Что смертельно для одного вида — обеспечивает процветание другого, и наоборот. Внешность идентична, отличие только в наборе хромосом, — устало протянул он непривычно серьёзным для себя тоном. Напряжённая работа отняла, в придачу к силам, чувство юмора и жизнелюбие.

— И что, неужели ничего нельзя сделать? Я имею в виду, в вашей организации много людей с суперспособностями, пусть угадают что ли, — пробормотал Сэм, тоже измотанный за прошедшие дни. — О Клэе ничего не слышно?

— Камилла выехала за ним... То есть, ней, нам сообщили о женском воплощении. Не стал бы рассчитывать на нашего чудо-босса, она вроде как отошла в мир иной, — Паша зевнул.

— И ты так спокойно об этом говоришь?

— Ну, я учёный. Люди вроде как постоянно рождаются и умирают, тем более он... она... ай, чёрт знает, пусть будет они, давно хотели отойти от дел, отдохнуть. Повод уважительный.

— Ладно. Что насчёт Анастасии Ри? — нарочито небрежно бросил Гонтьер, замерший в ожидании ответа.

— Глухо, но едва ли с ней что случилось. Настенька не так проста, как кажется, при первой встрече с нашим боссом таких люлей ему всыпала, что в рот мне ноги! — вспомнив об этом забавном случае, Шульгин рассмеялся. Но, почувствовав тяжёлый взгляд Гонтьера, быстро сник. — Сэм, есть у Вас стимулирующие леденцы? Я вот-вот усну, — пожаловался он, зевнув ещё раз.

— Эй! Подъём! — его наглым образом спихнули с кресла. Он повернулся и приподнялся, чтобы излить весь свой праведный гнев, но замолк и осел на пол от удивления.

— Босс? Но... Вы же... Вас же... того? Нет? — от шока он даже взбодрился. — А где... Вижу, — закончил он, когда показалась запыхавшаяся Камилла.

— Так, Шульгин, вот тебе на анализ, чтобы не расслаблялся на рабочем месте, через двадцать минут жду с отчётом, — с этими словами Клэй бросила к его ногам спящего монстрика. Павел от испуга закричал, вскочил с пола и запрыгнул на стол.

— Оно всё ещё живое, я не стану этого делать! — истерично заорал он, вынудив остальных людей оторваться от работы и определить источник шума. — Полчаса, — еле

слышно добавил Паша.

— Чего разорался? Оно не выйдет из анабиоза, пока я не скажу. Пятнадцать минут, и лучше не испытывай моё терпение, — Клэй зло сверкнула глазами.

Паша надел очки, спрыгнул со стола, покопался в карманах халата.

— Время пошло, — Клэй демонстративно посмотрела на часы.

— Ну, не голыми же руками мне её брать! — Павел помахал парой перчаток, надел их и с тяжёлым вздохом, преодолевая страх и отвращение, взял монстрика на руки, с угрюмым видом вышел, попутно зажав подмышкой консоль с установленным бестиарием. Все присутствующие проводили его взглядом и одновременно выдохнули, когда его шаги стихли за дверью.

— Так, народ, — Алекс хлопнула в ладони. — Вы все устали, можете отдохнуть. Даже уснуть, если получится, я вас сменю.

— Что, всех? — удивился какой-то незнакомый мужчина, одетый в форму аналитика полиции.

— Да. Можете воспользоваться комнатами отдыха на территории Афтерлайфа. Ваши новые друзья оттуда вам всё покажут.

— Капитан Гонтьер? — не унимался всё тот же аналитик.

— Идите. До востребования, — кивнул Сэм, поразмыслив. Люди переглянулись между собой, не веря свалившемуся на них счастью, и несколько секунд в нерешительности топтались на месте, но, ощущая на себе нетерпеливые взгляды начальства, спохватились и вышли, пока Клэй и Сэм не передумали. Их уход сопровождался негромким гулом голосов, и не нужно было особенно прислушиваться, чтобы понять предмет их обсуждений. Конечно же, главной темой стало чудесное воскрешение Клэй, появившейся так кстати, и всё нарастающая уверенность, что теперь точно всё наладится.

Сама же Александра не представляла, что делать дальше, и предстоящий разговор с Гонтьером её немного пугал. Сэм всегда действовал по плану, отступая от него только в самых безнадежных ситуациях, совсем уж не согласовывавшихся с заранее придуманным алгоритмом. Всё у него разложено по полочкам, рационально и жёстко, если он в чём-то уверен, то следует этому до конца, чего нельзя сказать о Клэй... обоих. Вне зависимости от пола, Клэй всегда руководствуются интуицией, предпочитая плану голую импровизацию. И искренне считают, что живы только благодаря ей.

— Ну, какой план? — словно издеваясь над Алекс, поинтересовался Сэм. Клэй закашлялась, ища какое-нибудь спасение, что-то, что отложит разговор, пока она действительно что-нибудь придумает... И нашла.

— Кам, ты почему ещё здесь? Я всем сказал...а отдохнуть.

— Подумала, что буду нужна тебе, — с деланным безразличием она пожалала плечами.

— Да, ты мне нужна, но не в таком состоянии, когда едва на ногах держишься. У меня всё схвачено, правда, — отчаянно врала Клэй, искренне смотря в глаза Камилле. Лгать она научилась, но ненавидела это делать.

— Точно? Мы не могли справиться с этим несколько дней, — напомнила она, недоверчиво прищурившись.

— Да. Сейчас Паша принесёт результат анализа со списком, чем этих тварей можно убить. Делов-то на пару часов. Всё, давай, дуй отсюда, — Клэй чуть подтолкнула подругу к двери. Та недоверчиво покачала головой — для неё одной Алекс как на ладони, но приказ есть приказ, тем более и сама она не прочь отдохнуть.

— Разбудишь, если что, — Камилла перевела взгляд с Гонтьера на Клэй и обратно, вздохнула и торопливым шагом исчезла в полумраке коридоров.

Сэм, устав стоять, приземлился на кресло, тут же принявшее форму его тела.

— Ну и?

— Нет у меня никакого плана, отстань, — Клэй отмахнулась от Гонтьера как от надоедливой мухи. — Дождёмся Пашу, там — по обстоятельствам, — заметно нервничая, она принялась расхаживать по комнате, то и дело задевая что-нибудь краями плаща. — Хотя нет... — Алекс остановилась, что-то придумав, сама себе отрицательно покачала головой и продолжила нарезать круги.

— Ладно, подождём. Тебе приходилось встречаться с чем-то подобным?

— Да, и это не повод для радости. Если это то, о чём я думаю, то у нас большие проблемы. Не сейчас, но в перспективе... веселье будет похлеще нынешнего.

— Клэй, может ты успокоишься и сядешь наконец? В женском облике ты очень нервная, что насчёт обратного перевоплощения?

— Это моя настоящая форма, любить не прошу, но потерпеть тебе придётся. Да и будешь тут спокойным... уверяю тебя, Александер бы сейчас тоже места себе не находил. Я не могу просто сидеть и ждать! — воскликнула Алекс, досадливо пнув стол.

— Мебель в этом точно не виновата. Отожмись, поприседай, побегай...

— Иди к чёрту, — огрызнулась Алекс и всё-таки села, понимая, что и правда смотрится комично. — Так, я спокойна... — она сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, смотря перед собой. Когда стало лучше, она снова подняла голову, посмотрев на коллегу почти прежним серьёзным и сосредоточенным взглядом.

— Вот, гораздо лучше, — Сэм даже чуть улыбнулся, чем снова опарашил Клэй, ни разу не видевшую, как он улыбается. — Давно хотел у тебя спросить кое-что. К делу это не относится, просто интересно.

— Хочешь занять меня отвлечённым разговором?

— Да, всё равно делать нечего, а в молчании я усну, меня-то ты не отправила спать. Удивительно, учитывая, как спокойно ты командовала моими людьми.

— Не усложняй. Мы все в одной лодке, эти бедолаги и правда поработали сверх нормы, не вижу смысла держать их тут понапрасну, а ты бы всё равно остался. Не доверяешь мне.

— Какая проницательность. Я ни в чём тебя не обвиняю и не об этом хотел поговорить. Ты меняешь пол по своему желанию, сказывается ли это на твоей личности в целом?

— Хм, — нахмурилась Алекс. — Раньше, когда это только началось, да. Сильно менялись ощущения, мировоззрение... я была не в себе и не могла определить, чьего мнения придерживаться. Это как раздвоение личности. К тому же, тогда я не могла контролировать эти перевоплощения, они случались в самый неподходящий момент... — она тихо рассмеялась. — Весёлое было время. А потом я научилась ими управлять, одинаково понимать и принимать обоих, в награду получила пластичную психику и недюжинные знания о том, как воздействовать на тот или иной пол.

— Как сложно, — Сэм встрепенулся, приводя мысли в порядок. — Значит, ты — всегда ты?

— Ну-у... — протянула Клэй, — скорее да, чем нет. Ничего нельзя утверждать однозначно.

— Почему же твои воплощения такие разные? Даже внешне: Александер угрюмый, сосредоточенный и замкнутый брюнет, часто скрывающий выражение лица за длинными

волосами, кроме того отравляющий недоброжелателям жизнь издевательским сарказмом, а... — он вопросительно посмотрел на Клэй, не зная, как её правильно теперь называть.

— Александра, можно Алекс, — она пожала плечами.

— Алекс — эмоциональная и открытая блондинка с короткой стрижкой и участливым выражением лица. Почти не хмурится, шутки отпускает безобидные.

— Поправь меня, если я ошибаюсь: вы в своих полицейских учебных заведениях должны были изучать гендерную психологию и различие в оной между мужчинами и женщинами?

— Да, изучали. Но не когда одна личность принимает то один, то другой пол. Возможно, тут действуют иные закономерности... или эти же, но в совокупности с другими факторами.

— Не знаю, в теории всё сходится. За разницу отвечают гормоны, а? Никогда не задумывалась над этим вопросом. Теперь понятно, почему подчинённые предпочитают иметь дело с этим обликом, — вздохнула Клэй, понурившись

— А ты сама?

— С мужским, — ответила она, не задумываясь. — Спокойная сила, холодный разум, невозмутимость, сниженный болевой порог. Он сильнее меня, а сила в моём случае куда важнее, чем участие. Кроме того, я дофига ранима и уязвима, периодически отвлекаюсь, о чём-нибудь забываю... не нужно это. Совсем.

— Бережёшь себя, растворяясь в другой личности, — резюмировал Гонтьер, откинувшись на спинку кресла. Клэй пристально посмотрела на него, пропуская сказанное через себя и понимая, что он прав, от этого никуда не деться, но едва ли она могла что-то изменить. Единственное, чего ей сейчас хотелось — скорее вернуться в мужской облик, иначе совсем растеряет остатки здравомыслия. Вот, раскрылась перед этим чёртовым капитаном полиции, с которым традиционно, как и с его предшественниками, была на ножах, поняла, что он не так плох, почти прониклась к нему симпатией, а это всегда мешает работе. Не пристало начальнику Афтерлайфа иметь друзей. Враги — пожалуйста, сколько угодно, но вот друзья — слишком большая роскошь.

Терзаемая мрачными мыслями и сомнениями, Алекс посмотрела на часы. С момента ухода Павла прошло почти полчаса, а он никак не дал знать о себе. В ней зашевелилось беспокойство: если ему понадобилось больше времени, он дал бы знать об этом. Вздохнув, Клэй поднялась.

— Павла давно не слышно. Пойду узнаю, в чём дело, — она направилась к выходу.

— С тобой пойти?

— Нет, — резче, чем нужно было, отозвалась она. — Сама справлюсь. Да и кто-то же должен следить за происходящим...

— Понятно, — усмехнулся он. — Секреты фирмы?

— Разумеется, — наигранно улыбнулась Клэй напоследок.

Оказавшись в тёмном коридоре, Алекс нахмурилась и нащарила рукой выключатель, несколько раз перещёлкнула... безрезультатно. Как она могла не заметить этого по дороге сюда? И неужели так сложно восстановить электричество в одном из значимых зданий Империи? Алекс вздохнула и торопливо пошла дальше, уповая на то, что ноги за годы её службы здесь, практически с момента постройки, запомнили дорогу. Конечно, можно вернуться, спросить у Гонтьера очки ночного видения, но встречать его снова хотелось ещё меньше, чем бродить в крошечной тьме.

Александр поступил бы по-другому...

Она выругалась себе под нос, осознавая, что слишком долго держала истинную личность взаперти, и теперь та намеревается чисто по-женски всё испортить. Сжав и разжав пальцы, Клэй всё же продолжила путь, несмотря на пробудившиеся фобии...

Да, она боялась темноты. Невозможно выйти живым из подвалов Инквизиции и не поехать крышей. Кто-то не воспринимал реальность, кто-то выходил и вскоре заканчивал жизнь самоубийством от периодически мучивших кошмаров или ещё чего... но факт оставался фактом: в своём истинном обличье, женском, в темноте её начинает охватывать дрожь, сердцебиение учащается, дыхание нарушает свой привычный ритм, и кажется, будто из темноты кто-то смотрит... сейчас она беззащитна, как никогда. Лёгкая мишень.

Надо было взять Гонтьера с собой.

Вот уж нет. Чтобы он видел её позор? Знал уязвимое место, по которому можно ударить? Она справится, обязательно справится, нужно преодолеть всего один лестничный проём, повернуть направо, потом два раза налево... испытание страхом — единственное, что она безнадежно проваливала. Снова и снова задыхаясь от волны неконтролируемого ужаса, как только погашен последний источник света.

Держась за перила, Александра осторожно ступала вниз, пытаясь переключиться на что-нибудь другое, но на ум, как нарочно, приходили обрывки воспоминаний, давно похороненных за многовековой рутинной. Вот она уже слышит шорохи оттуда, из подземелий, — это крысы и тараканы пробудились ото сна и теперь тревожат пленников, что-то пушистое пощекотало босые ступни... Сгоняя наваждение, Александра встрепенулась. Крыс и тараканов здесь нет и быть не может, на её ногах обувь, волноваться нечего, все эти видения и звуки существуют только в её голове.

Быстрее. Она перепрыгивала через несколько ступенек, лестница всё не кончалась, будто она бесконечна, или Клэй не замечала промежутков между ними и прошла уже несколько этажей... С размышлений её сбил свет, льющийся из широкого арочного прохода с цифрой «4» над ним. Всё позади, она на месте, осталось только несколько шагов.

Алекс перешла на бег, как вдруг чья-то рука схватила её за запястье и вынудила остановиться. Страхи, уже скрывающиеся в дальние недра сознания, снова всплыли на поверхность, и Клэй, вздрогнув всем телом, закричала, её вопль отражался от стен, приумножаясь и вгоняя в ещё больший ужас. Вне себя от нахлынувших эмоций, Александра обернулась. Её страхи подтвердились. Перед ней — её самый страшный мучитель и одновременно самый дорогой учитель. Тот, кто долго держал её в заточении, наградив боязнью темноты с последующими жуткими галлюцинациями, и тот, благодаря кому её жизнь обрела смысл, благодаря кому она та, кто есть сейчас.

— Инквиз, — дрожащими губами прошептала она. Нужно оттолкнуть его, бороться, делать хоть что-нибудь, но Александра стояла как вкопанная, едва дыша и пребывая на грани обморока.

— Нет. Инквиз давно умер, ты свободна, Клэй, понимаешь? Свободна, — услышала она ровный мужской голос, принадлежащий кому-то другому, она его знала, но вспомнить, пребывая в плену воспоминаний, не могла.

— Свободна? — только и смогла вымолвить Александра. И что-то в ней надорвалось, перевернулось, возвращая к жизни и здравому рассудку. Как будто заклинание, произнесённое правильным человеком в правильное время освободило её от давнего проклятья кошмаров и фобий.

Она перехватила пальцами руку незнакомца и потащила его с собой, на свет. Он не сопротивлялся и даже пошёл впереди неё. Наконец они оба оказались на безопасной территории, вдали от оживающих страхов и осязаемых галлюцинаций. Клэй недоумённо посмотрела на того, кто перед ней.

— Джей. Волков. Новые Врата этой дыры. Ты справился с собой без Хранителя, как...

— Инквиз? Он тебе соврал. У него был Хранитель, но наш придурочный инквизитор убил его, потому что захотел совместить в себе Знание и Силу разом. Второго, как ты понимаешь, досталось ему очень мало. Он не учёл, что Камень постоянно обучается, — отстранённо проговорил Джей, смотря на Алекс остановившимся стеклянным взглядом, отчего она снова ощутила мороз по коже.

— Подожди-подожди, не так много информации сразу! — протестующе подняла руки Алекс. — Он меня не интересует, пусть кусочки его праха развеются в разные части света, чтобы не собрать. Что с тобой? Твои глаза, они...

— Зато твои стали нормальными, не находишь? — перебил он, оскалившись.

— Это бывает, вернутся. Твои же... как зеркала, от зрачка отходят трещины, и, Джей, ты не моргаешь, у тебя мёртвый взгляд, так не должно быть, — нахмурилась Александра, припоминая то, чему учил её Инквиз.

— Я не справился, — отрезал он, нервно проведя рукой по волосам. — Это глаза человека, потерявшегося во временах и пространствах. Сейчас я здесь, разговариваю с тобой, но одновременно я ещё в миллиарде мест! Я прикасаюсь к неодушевлённому предмету и одновременно с ощущением на коже чувствую, как... как... деформируется структура предмета, движения молекул... Закрою глаза — всё ещё хуже. Парад всех миров, какие только есть. Быстрый, хаотичный, и они ни разу не повторялись. Ты опоздала, — бросил он с укором, стальные глаза смотрели холодно и сурово.

— Но ты здесь. Помнишь, кто я, помнишь, кто ты и где находишься...

— Потому что всё время напоминаю себе об этом. Каждый раз, когда оказываюсь где-то ещё. Я не хочу так жить. Но и призраком стать — тоже... — он встрепенулся, очевидно захваченный новым видением. — Ты шла к Павлу. Твои опасения верны: некромант призвал монстриков для получения энергии, и теперь её явно больше, чем он может вместить. Вопрос, куда и зачем она ему, остаётся открытым, но как уничтожить этих существ, тебе известно. Самая высокая точка города... поехали, сделаем это вместе, — отрывисто говорил он, время от времени мерцая, как голограмма с помехами в трансляции.

— Так дело не пойдёт, сначала нужно тебя стабилизировать, — покачала головой Клэй.

— Нет времени! И это всё равно невозможно, — огрызнулся он.

— Неужели? — Александра хитро улыбнулась, что очень не понравилось Джей. Он даже сделал широкий шаг назад, да куда там... Клэй молниеносно оказалась рядом с ним, схватила за плечи и с нечеловеческой силой вжала в стену. Произошло это настолько быстро, что Волков даже моргнуть не успел. Когда же он понял, что его физическому здоровью грозит опасность, и попытался бороться, стало слишком поздно: лёгким движением аккуратной женской руки Алекс ударила его затылком о стену. Ощутимо, чтобы потерять сознание, но недостаточно, чтобы умереть. Джей безвольно обвис в её руках и оказался на удивление тяжёлым, так что Клэй едва не позволила ему осесть на пол.

— Сладких снов, — пробормотала она, убедившись в отсутствии серьёзных повреждений и радуясь тому, что навык «полумеры» не пропал, хотя она давно не использовала его в этом обличье. Перехватив Волкова под мышками, Алекс поволокла

его дальше по коридору, попутно придумывая наказание для зазевавшегося Паши. Ну и что, что его отсутствие многое прояснило, нужно поддерживать статус и дисциплину во вконец обезумевшем коллективе.

Но прежде нужно спрятать тело. Так, чтобы его хозяин по пробуждении не сильно ругал её доброе имя и был недоступен для посторонних. Не придумав ничего лучше, Алекс открыла дверь в смежное помещение с Пашиным — одна из многих частей экспериментальной лаборатории, с кряхтением уложила Джея на широкий прямоугольный столик, благо, тот пуст и стерилен, накрыла прозрачной материей, сделавшей очертания человека под ней практически неразличимыми, проверила, не перекрыт ли доступ к дыханию и, удовлетворённо кивнув, приглушила свет и вышла в занавешенный проём. Перед ней открылась вполне предсказуемая картина: Паша, заснувший прямо на столе, а перед ним консоль с выполненной программой, настырным писком оповещающей о завершении анализа.

— Проснись и по-о-й! — протянула Клэй, от души встряхнув подчинённого. Павел тут же вскочил, опрокинув табурет, недоумённо озираясь вокруг. — Я тут, Шульгин, — она деловито прокашлялась, скрестив руки на груди.

Узнав голос и манеру выражаться, Паша посмотрел на монитор, заметив, что программа уже двадцать минут как выполнена, время, отведённое ему, давно вышло, и ничем хорошим это не пахло.

— Босс... простите.

Александра, видя его жалкий и уставший вид, передумала устраивать выволочку.

— Ну, что с тобой делать, — вздохнула она. — Принимая во внимание обстоятельства, мне не за что тебя винить. Только пусть это останется между нами.

— Фигня вопрос, — Паша улыбнулся, посмотрел на монитор и снова принял серьёзный вид. — Уже просмотрели? — кивнул он в сторону изображения.

— Да. *Seurus Rebactis*, как и я и думала. Используется тёмными магами и всякими отморозками с целью извлечения энергии, получаемой в виде человеческих душ. Консервированная сила. Хозяин, определив для неё места в пространстве и подпространстве, может в любой момент воспользоваться... И это пугает. Зачем ему столько? — вздохнула Алекс, нахмурившись.

— Может, что-то просто пошло не так, их численность выбилась из-под контроля, хранилища энергии переполнены, а души улетают куда надо?

— Едва ли, — Александра покачала головой. — Их призыв долог и сложен, но отозвать заклинание очень просто. Как с прямым вмешательством хозяина, так и со сторонним, это даже тебе по силам.

— Как будто я самый последний маг, — буркнул он. — Если бы мы с самого начала определили вид, то быстро смогли бы уничтожить его, и некромант не собрал бы достаточное количество энергии, да?

— Да.

— Вот блин.

— Вам просто нужно было поймать один экземпляр. Неужели все такие трусы? — оскалилась она, но быстро взяла себя в руки. — Ладно, если бы он не собрал нужную энергию сейчас, то он бы всё равно повторил обряд. Поехали, ты за рулём, я в подпространство, попытаюсь установить источники.

— Я? За рулём? — Паша не поверил своим ушам.

— Да. Если я не умру по дороге, то и дальше со мной ничего не случится... ладно тебе, не напрягайся ты так, живых людей там нет, а остальным всё равно, — Клэй ободряюще похлопала его по плечу. — Всё, отставить разговоры, нам нужно разобраться с этим до полуночи. Чего стоим? Готовь машину.

— Окей, босс, — Павел развернулся на пятках и отправился выполнять команду, ненадолго оставив Клэй в одиночестве. Поразмыслив, она всё-таки решилась сделать один звонок.

— Сэм, я вылетаю к «Цифровой Империи». Будь поблизости, только постарайся не слишком выделяться. Конец связи.

* * *

Над Москвой сгущались зловещие сумерки: улицы обесточены, на земле периодически попадались человеческие останки вперемешку с обломками зданий и рекламных щитов, провода, невидимой сетью окутывавшие город, показались на поверхности, каким-то образом разрыв внушительные пласты земли над собой, поднявшийся ветер приводил в движение оборванные и искрящиеся части, делая их похожими на щупальца неведомого чудовища... господствовала серовато-чёрная темнота, озаряемая только алыми всполохами молний, благодаря которым царящий хаос приобретал сходство с адом, описанном в древних книгах, давно позабытых и утерянных в пыли веков.

От увиденного Клэй захотелось ещё крепче укутаться в плащ, несмотря на значительное потепление. Раз мир сошёл с ума, то почему бы тому же самому не произойти и с погодой? Она менялась едва ли не поминутно: снег сменял дождь, мороз — жара, и только сильный ветер со сгустившимися тучами оставался неизменным.

Они остановились на самой высокой точке города, конечно, не считая вершины Камня. Обзорная площадка на крыше самого огромного торгово-развлекательного центра мира с незамысловатым, но весомым названием «Цифровая Империя». Во время атаки это стеклянное здание витиеватой формы практически не пострадало: ещё бы, при колоссальном денежном обороте можно позволить себе щиты как у императорского дворца, если не лучше.

Павел на удивление умело припарковался, выключил двигатель.

— Моя помощь понадобится?

— Если я свалюсь с ног, перенеси меня сюда и ничего не предпринимай, пока не скажу.

— А если Вы снова... — Павел замешкался.

— Не умру, не переживай, — улыбнулась Алекс. — Повторюсь: если бы судьбе было угодно от меня избавиться, она сделала бы это ещё в пути. Сам вспомни...

— Да, еле выбрались, — Шульгин нервно потёр лоб. — Вопросов больше нет.

— Вот и славно, — с этими словами Александра вышла из автомобиля. Её взгляду снова открылась знакомая неприглядная картина, и от того, что эти мерзкие твари (некроманта она отнесла сюда же) сделали с таким прекрасным городом, она едва ли не плакала. Сколько теперь будет работ по восстановлению... она нахмурилась, размяла кисти и пальцы, что отозвались характерным треском, переключилась с отчаяния на ненависть — только эта эмоция способна подчинить Ректулус, и чем она будет сильнее, тем охотнее они станут исполнять приказы нового хозяина.

Беда в том, что за долгие годы жизни ненавидеть она уже разучилась. Оставалась неприязнь, мерзкими щупальцами сжимавшая дух, но и это всегда ненадолго. Мысленно она воспроизвела виденные ей картины, перестала сдерживать эмоции, бушевавшие её, и те постепенно выходили из-под вечного и неустанного контроля разума.

Чёрная туча, закрывавшая всё небо до горизонта, постепенно становилась серой, принимая свой обычный вид, чернота же сгущалась над ней... слишком медленно. Александра подняла левую руку, её глаза снова приняли прежний стальной оттенок, подчиняющий всё живое и неживое, теперь и с удвоенной силой от всепоглощающей ярости.

Конечно, такую сильную эмоцию не мог спровоцировать один лишь некромант и его проделки, о нет, она вспоминала гораздо больше, даже свою жизнь перед перерождением, где боли и злобы было предостаточно. По щекам Алекс струились слёзы, но она не замечала этого. Существовала только туча, подчиняющаяся её мыслеобразам, которые она транслировала во всё доступное ей подпространство, не проронив ни единого слова. Слова примитивны и не несут в себе достаточной силы, поэтому ими охотно пользуются новички и все те, кто не может двинуться дальше.

Истинная сила всегда заключена в мысли.

Александра вздрогнула, пришла в себя, не понимая, что случилось: связь прервалась как между ней и Ректулус, так и между некромантом, который этому не особенно сопротивлялся, но всё же доставлял проблем. Подпространство забурлило, волна остаточной энергии распространялась от одной точки... очевидно, там некромант и сплёл заклятье, а кто-то просто разрушил его, для этого достаточно просто стереть носком ботинка контуры пиктограммы. Просто и банально. Но кто? И как он нашёл этот источник?

Клэй сконцентрировала сознание в местности за много километров от неё и раздражённо вздохнула: Волков, кто же ещё. Наивно было предполагать, что с обретением Знания и ряда новых возможностей он останется на месте.

Хотя сам Джей не отдавал себе отчёт в том, как оказался здесь.

Просто в один момент очнулся с лютой болью в затылке, проклял всё на свете, включая друга-некроманта, а следующую секунду очутился в парке неподалёку от Камня. Прямо перед виновниками торжества, сидящими на растрескавшейся земле с одинаково постным выражением лица. Видно, у них только что состоялся не самый приятный разговор. Джей запоздало понял, что надо бы спрятаться, подслушать их планы и помешать осуществлению: некромант его заметил. Проследив за его взглядом, это сделала и Керенская. Они молча пялились друг на друга с минуту, выдержав все критерии образцовой немой сцены. Каждый думал о своём, отчего настроение у всех троих неумолимо портилось.

— Джей? Что ты здесь делаешь? — недоумённо воскликнула Керенская, устремившись к нему.

— Стой, — резко приказал некромант, Ирина послушалась, всё же пытливо смотря на Джея.

— Он мой старый знакомый. Что может случиться? — раздражённо протянула Ира, обернувшись к некроманту. Его тяжёлый взгляд ей очень не понравился, точно так же, как и Волкову, впавшему в какой-то ступор, благодаря чему он занял позицию пассивного наблюдателя.

— Уходи.

— Но...

— Сейчас же.

— А как же ты?

— Боюсь, сначала мне придётся разобраться с нашим гостем. Он закрыл мне путь.

— Ах ты ж лживая тварь, — пробормотал Джей, очнувшись. Ему думалось, некромант хотел открытого противостояния и опасался, что Керенская примет не его сторону. Если бы она дослушала фразу Волкова до конца, то наверняка повременила бы с таким оперативным исполнением приказов, но она исчезла ещё до того, как он произнёс первый звук.

— Кто ты такой и почему преследуешь меня? — некромант поднялся, встал рядом с Джейем, они оказались одинакового роста.

— У меня к тебе тот же вопрос.

— Неужели? — некромант стал обходить его вокруг, как хищник, ждущий, пока жертва утратит бдительность, и можно будет напасть.

Справа от него что-то сверкнуло, Джей повернулся на свет и ринулся туда, не обращая внимания на некроманта, тут же пустившегося вдогонку. Ему всё равно не успеть за Волковым, тот снова провалился в желеобразное пространство и двигался приблизительно со скоростью света, так что уже через несколько секунд по реальному времени и спустя минуту по ощущениям Джей, он оказался на месте, прямо перед невообразимым переплетением штрихов и линий, составляющих вместе странную систему. Если он что-то понимал во всех этих оккультных штуках, то соединение можно разорвать кому угодно, достаточно лишь нарушить целостность фигуры. А она угрожающе полыхала красно-оранжевым огнём, который запросто может оказаться для него смертельным... Впрочем, времени на раздумья уже не оставалось.

Джей зажмурился, протянул ногу и шаркнул ей по земле. Вроде бы ничего, жив. Он открыл глаза, опасаясь увидеть вместо ноги обугленную плоть, но та, по счастью, оказалась цела и невредима, чего не скажешь об угасающем рисунке. Волков обернулся на крик: это некромант, находящийся в паре метров от него, схватился за левую сторону груди.

— Что, и у тебя есть сердце? — злорадствовал Джей. Его настроение сменилось, и теперь он настроился не только на то, чтобы выйти из этой передрыги живым, но и на то, чтобы привести неприятеля на расправу полиции и Афтерлайфу, дабы те от него уже отделались. Конечно, Сэм пообещал, что больше его не побеспокоит по этому поводу, но особого доверия к нему у Джейа не было: всё же он полицейский, и дело, так возмутившее общественность, должно быть закрыто. Причём не за отсутствием доказательств, а после казни виновного.

Некромант выпрямился. Рука и область, к которой он её прижимал, были окровавлены, но его это, похоже, ничуть не смущало.

— Теперь нет, — спокойно отозвался он. — И что дальше?

Не придумав ничего лучшего, Джей с яростным криком набросился на некроманта: как же давно он этого хотел... тот подался ему навстречу, они столкнулись, служитель Смерти занёс над Волковым кинжал и наверняка сильно поранил бы его, если бы какая-то сила не отбросила их друг от друга на приличное расстояние. Джей ударился спиной о Камень, некромант — об имитацию могучего дуба, и это немного поумерило их пыл.

«Джей, прости, что вмешиваюсь, но один ты не справишься», — послышался в его голове голос, который он узнал сразу.

«О, Саша, и тебе привет. Почему ты так думаешь?» — ответил он, опираясь на камень в попытке подняться.

«С ним Хранитель. Или Проводник... они связаны, помнишь? К тому же, на егс

стороне много энергии, ты был прав».

«И что ты предлагаешь? Теперь он не даст мне уйти».

«Я сберегла парочку сюрпризов специально для таких случаев. Уступи мне место в твоей голове».

«Херня вопрос... Располагайся, но ничего не трогай, а то тоже с катушек слетишь», — Волков и сам удивился тому, как быстро согласился на такое опасное предложение. Что-то часто приходится «уступать место» в своей голове левым людям. Он убеждал себя в том, что как в случае с Гонтьером, так и с Клэй у него не было иного выбора: он начал заварушку, ему и заканчивать. А Клэй реально может оказать неслабую помощь, она сильна даже без способностей Хранителя, не зря же Инквиз с ней так носился.

Он почувствовал, как наполняется энергией, под натиском которой вся боль отступила, даже головная, ставшая уже его постоянным спутником, оттолкнулся от земли, подлетел, попутно занося руку для удара. С нечеловеческой силой он врезал некроманту по кровоточащей ране, чем вызвал резкий вскрик, полный боли. Вот теперь он точно разозлился и подключил скрытые резервы, о которых как раз говорила Клэй, и Джею тут же очень сильно не поздоровилось: ему вывернули руку, да так, что у него даже перед глазами потемнело, пережали сонную артерию...

— Ну нет уж, — прохрипел он (или Клэй?), отрастил на свободной руке ножеподобные когти, воткнул их в бок врага, тем самым заставив отпустить себя.

Часто дыша, они бросали друг на друга яростные взгляды, продумывая, как быть дальше. Теперь настала очередь некроманта атаковать. Джей под управлением Алекс отступал и не мог понять, зачем.

«Какого хрена?»

«Камень. Он распознает настоящие Врата и будет защищать их».

«Не слышал о таком».

«Ну, это просто теория. Не отвлекай меня», — огрызнулась Клэй, когда пропустила удар, успев уклониться в самый последний момент: кинжал полоснул Джея от сердца до нижней части правого бока, чудом не задев внутренние органы, но кожу вскрыл изрядно, как масло... боли не было. Это пугало, и одновременно благодаря этому он всё ещё мог продолжать борьбу. В обычных условиях давно бы окочурился от болевого шока.

Что-то изменилось. Именно на уровне ощущений: Джей вдруг заметил перевес на своей стороне. Значит, Камень почувствовал, признал его и ведёт свою игру. Теперь они действовали втроем, и победа — лишь вопрос времени.

— Эй, друг. Тебя не мучают кошмары после содеянного, а? — насмешливо проговорил Джей, чем отвлёк внимание некроманта. Всего лишь на мгновение, но его оказалось достаточно для объединённого мощного удара, оказавшегося таким молниеносным, что Волков и понять толком не успел, что произошло, как некромант упал навзничь, судорожно хватая ртом воздух как рыба, выброшенная из воды.

Джей склонился над ним и провёл серию ударов по определённым точкам, понятия не имея, что делает... это всё Клэй. После этой комбинации некромант отключился, а Волков, ощутив страшную усталость, осел рядом с ним, прикрыл глаза... Силы покидали его, он перестал быть объектом сосредоточения Клэй и Камня. Боль, которую искусственно отгоняли на задний план, вернулась разом. Джей стиснул зубы, согнулся пополам, прижимая здоровую руку к глубоким ранам.

«Сэм заберёт вас через пару минут. Постарайся продержаться, я дольше не могу».

быть здесь...» — словно откуда-то издалека пронеслось в его сознании.

А ведь она проходила через то же, что и он, притом, что не до конца восстановилась. Ещё неизвестно, кому пришлось хуже и кто больше нуждается в «продержаться»...

Сознание уже в который раз покинуло его.

Глава XIV

Прощание со старым

— Давным-давно жил-был Разум. Он был один в целой Вселенной, да и той в нашем понимании не существовало... только пустота, простирающаяся бесконечно далеко, своеобразное полотно для творения чего угодно. И Разум, мыслящий образами, как младенец, создал кварки, которые, сталкиваясь, давали начало элементарным частицам. Для него это была очень забавная игра — получались вспышки света разной формы и цветов: какие-то просто распадались, а какие-то создавали шарообразные уплотнения, воронки... он рассеивал всё это вокруг себя, постепенно заполняя равнодушную пустоту движением; процессы, по нашим расчётам происходившие миллионы и миллиарды лет, для него длились одно мгновение, ведь времени не было тогда и нет сейчас, это всего лишь условная величина, придуманная его самыми одарёнными органами чувств — людьми, которые появились гораздо позднее, да и то без конкретных целей, а развлечения ради, как и всё остальное, живое и нет. Сталкивая кварки, он образовывал всё новые и новые атомы, которые, в свою очередь, складывались в соединения, а те обращались в материю. Газовые шары он превращал в планеты с бескрайним океаном, в глубинах которого зарождалась более плотная материя, молекулы становились всё прочнее и совершеннее, он подвергал их излучению других газовых шаров, создавая первое подобие жизни. Так Разум, находясь во всех точках пространства и нигде одновременно, видел всё. Кое-где вносил свои поправки, а во что-то не вмешивался, наученный наблюдениями. Через воронки и взрывы сверхновых вышел Разум на другие слои огромного Мира, начал преобразовывать их по схожим законам и в то же время принципиально новыми методами, и таким образом он создал квантование пространства, сделал его неоднородным, со множеством подпространств и надпространств, тесно связанных друг с другом и постоянно взаимодействующих по своим законам, нам непонятным. Вскоре информации в нём стало так много, что из самых больших и далёких от него воронок он создал для каждого Мира, окутанного сетью пространств, бездонные хранилища — дыры, образованные той самой пустотой. Изначальной. Внутри них он экспериментировал, записывал результаты и указывал, как, где и при каких условиях запускать тот или иной механизм, создал из себя разумных и надразумных существ, чтобы не было так одиноко, для каждой судьбы составил невообразимое множество вариантов, запустил этот механизм и, наконец, стал наблюдателем. Все наши действия предопределены, какую бы дорогу мы ни выбрали, здесь нет элемента случайности, и всё же Он оставил за нами бесконечный Выбор, замечая, как одна записанная структура подменяется второй и сливается с третьей, образуя нашу и многие другие реальности... чертовски много всего, и как же несовершенны наши слова в сравнении со всеми этими образами, которыми мыслит Разум, которые записаны на горизонте событий нашей чёрной дыры, готовой выполнить свою функцию — поглощение нашего мира, в котором люди вознеслись к своему родителю, большой взрыв — и всё сначала. Из пустоты — в хаос, из хаоса — в упорядоченный хаос, из упорядоченного хаоса — в пустоту, с начала и до конца времён. Нам здесь больше нечего делать, Ал. Создатель зачем-то оставил нас, и мне известен только один способ узнать, — с этими словами Ан-Джей повернулся к своей спутнице, притаившейся за колонной. За все недели, проведённые во дворце, он ни разу не обращался к ней, погрузившись в какие-то недостижимые для неё думы, привидением бродя по

пустынным лабиринтам комнат и коридоров, где не мог бы заблудиться даже при большом желании, помня внутреннее устройство своей обители до мелочей. И её обитателей. И события. В плену воспоминаний Император совсем забылся, почти потерял себя, как тогда, когда впервые коснулся тёплой поверхности Камня, стоящего на семи забытой планете, в царстве вечного льда.

Последние три дня Ан-Джей не выходил из тронного зала, размышляя то безмолвно, то вслух, ни к кому не обращаясь и не требуя обратной связи, в одиночестве. Иначе пришли бы другие ответы, иное решение. А то, до чего он дошёл, кажется единственно верным выходом из сложившегося положения, даёт разветвление в штрихах его судьбы, которое, в отличие от остальной части исходов, не приводит к тупику.

Если бы Разум был способен на эмоции, то наверняка остался доволен. Игра продолжается по самому интересному сценарию.

— Ан? — Ал-Клэй подошла к подножию трона, на котором неподвижно сидел Император, от души надеясь, что ей не послышалось обращение к ней. Стены, пустота, тишина и покой некогда оживлённых помещений давил на неё, куда бы она ни пошла, а единственной живой и родной душе всё время не до неё, ведь здесь довлеет нечто гораздо большее.

— Да, это снова я, — Ан-Джей поднялся, спустился к Ал-Клэй, выдавив из себя замученную улыбку.

— Это хорошо, — так же измождённо улыбнулась она. — Тебя не было довольно долго, я уже начала переживать.

— Осознавал изменившиеся условия и размышлял над тем, как жить дальше, только и всего. После долгого сна мозговая активность восстановилась в полной мере и даже сверх того, пришлось учиться справляться с этим заново.

— Понимаю. Я выслушала весь твой рассказ, и, знаешь... есть один вопрос, ответа на который не сможет дать никто и никогда, даже ты, напрямую связанный с Создателем.

— И это? — насторожился Ан-Джей.

— Как появился сам Разум?

Император напряжённо смотрел на свою спутницу, несколько секунд поразмыслив над загадкой, после чего рассмеялся и сжал её плечи.

— Я не знаю. Действительно, не знаю! — воскликнул он, очень обрадованный этим фактом, чем вызвал более искреннюю улыбку у Ал-Клэй. Знание приближает его к надразумному существу, становится которым он не хотел, а вот незнание приближает к человеку, по крайней мере, так считал он сам, поэтому Ал-Клэй периодически задавала такие вопросы, на которые у него наверняка не находилось ответов.

— Вот и славно. Так что ты там себе нарешал? Поделишься, или это секрет?

Император сразу же принял серьёзный вид, сложил руки за спиной.

— Всё очень просто. Раз с этим миром всё решено, то мы отправимся в другой.

— Но как?!

— Это уже детали. У меня есть одна идея, но я пока не могу наверняка говорить о том, как всё разрешится. На случай, если всё пройдёт как надо, я скопировал всю базу данных из нашего архива. История, технологии, музыка, кино, книги за всё существование нашей цивилизации.

— Тебе-то это зачем? — продолжала недоумевать Ал-Клэй.

— Вместе с миром уйдут и все мои знания о нём. Будет очень обидно, если от него и от

людей, его населявших, не останется совсем ничего. Все эти знания, наработки... они могут пригодиться. Пусть не нам, так другим.

— А что насчёт собственного пути развития? Получат они наше достояние и повторят судьбу нашего мира.

— Я что-нибудь придумаю, — Ан-Джей стал смотреть себе под ноги, избегая встречаться взглядом с Ал-Клэй.

— Ты просто не умеешь отпускать и сдаваться, даже когда ничего другого не остаётся, — вздохнула она, легко проводя ладонями по его щекам.

Спорить он не стал.

* * *

Приготовления к отлёту заняли всего несколько часов, они управились с этим затемно благодаря роботам, до последнего следовавшим программным установкам в электронных мозгах. Отбытие не стали откладывать, почти наверняка зная, что больше не вернутся, но всё же с робкой надеждой на хотя бы ещё один подарок судьбы. Обоим это место одинаково дорого, прощаться с ним навсегда — всё равно что расстаться с весомой частью себя, и чем дольше длилось прощание, тем больше оставалось здесь.

— Готова? — спросил бывший Император, остановившись перед небольшой прозрачной и почти незримой телепортационной капсулой.

Ал-Клэй обернулась. Дворец — это огромное модернизированное здание, в котором от изначального варианта осталось только название, — будто бы жил, а все его обитатели просто спали под влиянием очередных происков взбунтовавшихся колоний...

— Неправильно это как-то. Что, если мы должны остаться? Ты только посмотри, Ан-Джей, как красиво... мы будто только вчера сидели во-о-н на той башне, мечтая о светлом будущем Империи.

И Ан-Джей, на свою беду, поддался настроению Ал-Клэй. Величественное белое здание с резкими переходами и очертаниями, в которых нет полумер — только углы, что само по себе придаёт сооружению воинственный вид, если к этому добавить такие же чёрные узоры, обрамляющие каждый этаж, то соваться и вовсе не захочется. Торжественности, подобающей строению такой важности, придаёт острый золотой шпиль и платиновые плиты на крышах башен самого разного угла наклона. Широкая придворцовая площадь, вымощенная шершавыми голографическими плитками разных цветов, складывающимися в единую картину только на почтительном расстоянии. Герб. Головы льва и орла, между которыми солнце.

Бывший Император на мгновение почувствовал себя настоящим. Ещё на одно — живым и нужным народу. Расхождение воображаемого с действительным отозвалось кинжалом в сердце, он отвернулся и ударил по материализовавшейся кнопке — створки перед ним тут же распахнулись, — зашёл внутрь капсулы и закрыл глаза.

— Мы должны уйти.

— А там, за куполом, огромный город... вдруг там кто-нибудь остался?

— Прекрати это немедленно. Будь оно так, я бы знал.

— Да, конечно, — в голосе послышалась ядовитая усмешка.

— И кто из нас не умеет отпускать? — огрызнулся он, вспомнив недавний разговор.

Подействовало. Ал-Клэй, горестно вздохнув, вошла в капсулу и положила голову ему на плечо. Ан-Джей, стараясь смотреть только на панель управления, проложил маршрут до космопорта, где их ждал корабль, уже полчаса как готовый к отправлению в чужой мир.

А что будет там — неизвестно. Слишком много возможных вариантов.

Преобразование пространства в капсуле и вне её отвлекло последних людей мира от собственных мыслей: теперь их окружала белая желеобразная масса, сжимающаяся и разжимающаяся вокруг тел, на несколько секунд потерявших чёткие очертания.

Да, эту технологию он точно не передаст никакому другому миру. Неподготовленные умы попросту съедут с катушек, если даже бывалые чувствуют себя так странно... сколько бы лет ни прошло — к этому невозможно привыкнуть. Пусть на мгновение, но ты перестаёшь существовать в привычном смысле этого понятия.

— Приехали, — послышался откуда-то издалека голос Ал-Клэй. Из-за гула в голове Ан-Джей не мог ответить ничего внятного, потому просто кивнул и, стараясь держаться ровно, пошёл вперёд. Тело постепенно подчинялось командам мозга, включились базовые инстинкты, сознание, поэтому он осмотрелся на всякий случай, хотя и знал, что никакой опасности нет. Уверившись в том, что всё чисто, он жестами позвал к себе растерянную Ал-Клэй. Оставшиеся метры до корабля они шли тихо и молча, склонив головы как на похоронах. В какой-то степени так оно и есть: умирает их мир, насыщенное прошлое, да и сами они неизбежно становятся другими.

Датчики корабля уловили их приближение, открыли люк. Назад дороги нет. Пора.

Они зашли и в таком же унылом молчании заняли свои места на капитанском мостике. Запустили двигатели, оторвались от земли, поставив корабль на автопилот, чтобы в последний раз посмотреть на родную планету, не отвлекаясь на мелочи, которые могут работать и без их участия.

«Как она прекрасна», — успели подумать они, прежде чем оказались в верхних слоях атмосферы. Полминуты — и они уже в открытом космосе, готовы совершить гиперпространственный прыжок, который доставит их на орбиту «Холода» — царство вечного льда и снега, в котором так некстати расположилась Артерия миров.

От частых психических перегрузок они отключились, и некому было заметить изменение координат точки прибытия с последующим треском аппаратуры и сигналом тревоги. Сумасшедшая перегрузка — корабль нёсся на немыслимой скорости, будто движимый неведомой силой, приборы мигали и настоятельно требовали вмешательства, каркас вот-вот готов был разорваться на части... как всё прекратилось. Система после такого головокружительного прыжка перешла в режим сна, восстанавливаясь. А навигационные карты показывали вопросительные и восклицательные знаки. Ни одной известной звезды, зато множество новых, к одной из которых неумолимо притягивался дрейфующий корабль.

Миры не жалуют чужаков. Защищаясь, они прежде всего пытаются уничтожить пришельца. Опасность в открытом космосе — самая надёжная и смертоносная проверка на прочность, после которой мир решает, что делать с тобой дальше.

Глава XV

Покой для слабиков

*Как ветер сквозь людской поток,
Врываясь словно демон строк,
Способный в одночасье
Описать момент рождения вселенной,*

*Но вынужден тонуть, как все,
Идти один тропой во мгле,
Желая только снова видеть сны,
Он мною предан был забвению.*

Abyssphere — Демон Строк

Джей не знал, сколько времени прошло с момента отключения. Казалось, всё случилось когда-то очень давно и вообще не с ним. Суета, ненависть, боль — тут ничего этого нет. Только беспредельный покой в мягком полумраке комнаты его детства... Он просто лежал и наблюдал за размеренным хороводом звёзд и галактик, сверкающих на стенах и потолке. Только теперь, побывав какой-то частью себя в космосе, он видит всё несовершенство симуляции, или, по сравнению с детством, потерял изрядную толику воображения, благодаря которому получалось столько интересных деталей.

От хаотичных мыслей Волкова отвлекло ощущение чьего-то присутствия. Уже ничему не удивляясь, он повернул голову.

— Привет, младший, — поздоровался Джей, узнав прибывшего. Внешнее сходство между ними есть, но ввиду возраста и разности условий проживания не бросается в глаза, чего не скажешь о различиях. Светлый и тёмный. Будущее и настоящее. Доброта и презрение. Борьба и вера в лучшее с безразличием. Они знали о существовании друг друга довольно давно, но почему-то пересеклись лицом к лицу только сейчас. Может, всё это время не были готовы к этому, а теперь оба находятся на распутье, понимая необходимость изменений, но всё ещё отвергая их?

— Привет, средний, — неуверенно протянул Андрей.

— Тебе знакома эта комната?

— Конечно, я здесь живу. То есть не здесь, а... — замешкался он, не находя нужных слов.

— Не трудись, я тебя понял. В своём мире. Сейчас мы просто видим один сон. Ты — очередной, а я, наверное, последний, — усмехнулся Джей в пустоту. — Видишь, звёзды гаснут? Вместе с ними ухажу и я, чтобы появиться опять, через пару грёбанных сотен или тысяч лет. Ты поймёшь, о чём я, когда перестанешь бороться с самим собой, дашь волю этой жестокой силе, которая сотрёт в порошок все твои представления о мире и самом себе, когда объединишься с единым сознанием, что познаёт и связывает через нас все когда-либо созданные им миры. Нет, не созданные. Записанные на горизонтах событий огромных чёрных дыр, находящихся в пространствах с разной мерностью... — тараторил он,

остановившимся взглядом смотря в мерцающий звёздами потолок. В его глазах отражались эти мигающие огоньки или целая Вселенная? Андрей не понимал. И оттого боялся. Становилось всё темнее, Джей сливался со звёздами, и вот его силуэт уже едва различим.

— Так. Чем темнее становится, тем ты ближе к смерти? Нет, так дело не пойдёт. Я включу свет и верну тебя домой. В конце концов, это и мой сон тоже, — спокойно ориентируясь в сгущающемся мраке, Андрей нашарил на столе пульт, нажал, и комната тут же вспыхнула пронзительно-белым сиянием. Где-то в жарком мире, опалённом двумя солнцами, очнулся *Волков-Младший*. Раскрыв ноутбук со старыми записями, он твёрдо решил принять свою судьбу, и второе «Я», обычно буйное и неуправляемое, испуганно молчало в самом дальнем уголке сознания. Двум личностям предстоит стать одной. Далеко не сразу, но первый шаг уже сделан, обратного пути нет. Андрей прислушался к собственным ощущениям и чуть улыбнулся: его «коллега» жив. Он очнулся там, в своём нелепом мире, ослеплённый ярким светом больничных дезинфицирующих ламп. Андрей почувствовал, как его снова затягивает в чужую реальность, но отрицательно покачал головой и вернулся к себе, пока ещё не осознавая, что ему впервые *действительно* удалось взять контроль над этими невообразимыми перемещениями.

Информация теперь будет приходиться постепенно. Разум, создавший Камень, быстро учится на своих ошибках.

* * *

Несмотря на относительность, время по-прежнему остаётся главным мерилем реальности. Почему? Разве чувствуешь его во сне? Нет. За 8-10 часов сна успеваешь прожить целую жизнь или наоборот застреваешь на одном моменте. Так или иначе, во снах время идёт по-другому и проявляет свою истинную природу: бесконечно изменяется.

Джей отцепил от себя датчики, поднялся с кровати, отключил мерно гудящую машину жизнеобеспечения и даже нашёл одежду по размеру во встроенном в стену шкафу, вроде бы адекватно воспринимая действительность и всё же с трудом привыкая к ней. Всё очень странно и чуждо, даже собственное тело. Которое, кстати, свежее и отдохнувшее, что ещё более удивительно в свете последних событий.

И дверь, ведущая из палаты, уж очень легко поддалась. Может, его перебросило в другой сон? Сомнения развеялись сразу, как только он оказался в дежурке: на прозрачном кресле-капле, уже спиной к сменяющим друг друга изображениям, сидела Анастасия Ри.

— Тебя я бы точно во сне не увидел, — вместо приветствия озвучил Джей свою мысль.

— Фигуре твоей величины не стоит недооценивать влияние сознания на подсознание, — Ри мило улыбнулась. Открыто, непосредственно, по-детски, и вкуче со светлыми волосами и мягкими чертами лица выглядела воплощённой невинностью, ну прямо ангел во плоти. Вот только глаза неизбежно выдавали истину: печальные и озлобленные, наверное, именно такими они были, когда она встретила объятия смерти.

От неожиданной аналогии Джей даже отвёл взгляд. Совесть проснулась и стала требовать раскаяния или крепкой спиртодряни.

— Многие ещё в курсе, кто я?

— Только наша команда и капитан полиции, а что?

— Не хочу быть объектом поклонения. Уподобиться предшественникам, всё такое. Не

хочу служить во благо людей, пусть и дальше ведут цивилизацию к уничтожению, может быть, новый проект Разума окажется более удачным. Но и способствовать этому тоже не собираюсь.

— Оу, потрясающе современный подход! — воскликнула Ри, лучезарно улыбнувшись, чем снова заставила Джея нахмуриться: он не мог определить, сарказм это, шутка или и правда точка зрения? Да они все тут, в этих полициях, чокнутые.

— М-да. Какие новости? Как поживает Клэй, некромант? — как бы между прочим осведомился он.

— Город и прилегающие области на шестьдесят процентов восстановлены, Клэй принимает в этом активное участие. Не из доброты, а по указу Императора, ну, знаешь, Саша больше интересуется некромантом и тобой, интересные неизведанные проблемы, «что-то нечистое», а строительство Москвы из руин ему уже не впервой: уж сколько раз её разрушали в его бытность, это успело стать рутиной... Некромант ни с кем не разговаривает и залипает в одну точку, капитан полиции в бешенстве, Клэй подключается к нему астрально и тоже отмалчивается, ожидая твоего пробуждения, убийств и странностей по нашу часть не наблюдается... вообще, зачем я всё это тебе рассказываю, если ты и так можешь получить доступ к абсолютно любой информации в этом мире, да ещё и не слушаешь меня?! — под конец сбивчивого монолога Настенька обиженно стукнула Джея по плечу, чем сумела привлечь его внимание.

— Да вот, хотелось услышать это от тебя. Ну, и лень мне подключаться к бесперебойному каналу информации. Много ненужного.

— Говнюк, — обиженно насупилась она.

— Есть такое дело, — усмехнулся он. — Некрасиво такой милой девочке ругаться.

— Да пошёл ты! — повела она плечами. — Я тут два дня с тобой дежурю, хотя и сама только неделю как восстановилась, думаешь, мне это доставляет удовольствие? Нет! Меня отстранили от общей работы как бесполезный элемент! И это после всего, что я сделала! Да шло бы оно...

— Тш-ш, сбавь обороты, пощади мою больную голову, — он поморщился. — Ты очень эпично покурошила этих чертей, на ходу отращивая когти, волосы, новые конечности... прикольная способность, — говорил он, одновременно прокручивая этот любопытный отрывок. От увиденного даже стало немного жутковато, но внешне он себя ничем не выдал. — Ладно, если ничего кроме эмоциональных бесполезностей ты сказать не можешь, то я пойду домой.

— Погоди-погоди, а как же медицинское освидетельствование? Ты две недели пролежал в коме, не подавая видимых признаков жизни, тебя нужно осмотреть, Клэй поручил мне проследить за твоим состоянием...

— А заодно задержать до его прибытия, если очнусь в его отсутствие, ага. Я видел, как ты ему сигнализировала. Поэтому извини, — он повернулся к выходу, воспроизводя в голове план здания, без которого по этим старым коридорам можно плутать с вечность. Но Настя оказалась настроена решительно: она преградила путь собой.

— Есть кое-что ещё, тебе должно быть интересно. Клэй официально предлагает тебе работать в команде. Свободный график, веселье, очень хороший гонорар, бармену такая сумма светит разве что во снах...

— Ой ли?

— Смотри сам, вот договор: тут только нужен твой электронный отпечаток, все остальные

формальности уже улажены.

— То есть, Клэй не сомневался, что я соглашусь? — усмехнулся он, взяв планшет. Внимательно ознакомившись с ним, он действительно запнулся на сумме, даже привычная ухмылка сошла с его лица.

— У вас что, все так зарабатывают?

— Секрет фирмы, — Ри хитро улыбнулась.

— В любом случае, к работе в баре я вернусь. Там вдохновение, отличная выпивка, отвязные вечеринки и весёлая компания. Перебрось в мой личный блок, поразмыслию над этим за бокалом органического вина.

— Творческий, — произнесла она пренебрежительно. — Теперь понятно, откуда такая манерность. Много нытья, пафоса, затрат ресурсов... Смущаете людские умы, сидите на нашей шее, паразиты, — проворчала Настя, пересказывая заложенные правительством программы. Да уж, промывка мозгов не обошла даже охотников за нечистью. — Зачем тебе это?

— Просто, — Джей пожал плечами, едва не сказав: «А раньше тебе нравились мои картины», всё равно без толку, Клэй хорошо поработала с её воспоминаниями. Решив закончить на этом, Волков невозмутимо отодвинул Настеньку от выхода. Вышел, даже не попрощавшись, в своей обычной манере. Всю дорогу его занимало несколько вопросов: каким образом Клэй подчищает память подчинённых, почему некромант не пытается выбраться из заточения, и куда с арены действий пропала Керенская. Особый план побега, затишье перед бурей? Что удалось выяснить Клэй? Он может только строить предположения, и даже доступ к единому Разуму ему не помощник: информация по этому вопросу как-то подозрительно отсутствует. Логично, если у некроманта есть к нему доступ. Личная встреча покажет, вот только он не больно её жаждет. Соскучился по покою, дому и единственным дорогим существам. Как же он надеялся, что кто-нибудь догадался обеспечивать им уход и кормёжку.

В городе всё настолько по-прежнему, что события двухнедельной давности казались наркотическим бредом. Улицы ровные, чистые, ухоженные, пестрят анимированные рекламы на щитах, транслируются передачи развлекательного характера, магазины, офисы, торговые комплексы — всё работает как раньше; люди спешат на работу и с работы, толкаясь и разговаривая по видеофонам... Суета большого города. Если не участвуешь в ней — она угнетает. Участвуешь — перестаёшь обращать внимание, только вечерами болит голова.

Джей сел в остановившийся аэробус, заняв место у окна. Воздушный общественный транспорт ввели в повсеместное пользование совсем недавно, система ещё толком не отлажена, каждый день случаются аварии, поэтому на поездку решались единицы. Бесстрашные и безденежные. Даже водить эти посудины представители рода человеческого отказывались, всё свалив на роботов, впопыхах сделанных из списанных деталей. Волков покачал головой, прерывая поток мыслей. Денег у него с собой не было, ездить в кредит — дорого, пешком тоже не вариант, расстояние слишком ощутимое, а тратить силы на длительные пешие прогулки в двадцать первом веке как-то глупо. Кроме того, он просмотрел крушение этого аэробуса и остался доволен: ещё с неделю на нём можно передвигаться без опасений за собственную жизнь.

Платёжный терминал угрожающе остановился рядом с ним, перестав скрипеть повреждёнными деталями. Джей посмотрел на него с выражением вселенской усталости во

взгляде, и за секунду до того, как робот двинулся дальше, ему показалось, что тот укоризненно сверкнул огоньками-глазами на головной приборной панели...

Волков закрыл глаза. Теперь всюду видится странное дерьмо, и никаких веществ не надо.

Весь путь он старательно избегал каких бы то ни было мыслей, наслаждаясь гулкой пустотой в голове. Со стороны могло показаться, что он задремал, но на самом деле Джей напряжённо вслушивался, готовый в любой момент вскочить и действовать в зависимости от обстоятельств, но всё оставалось на удивление спокойно. Даже шумная компания пьяных подростков как-то затихла, и он слышал объявления о каждой остановке. На своей невозмутимо прошёл к двери. Когда та разъехалась перед ним, так же спокойно шагнул наружу, из автобуса, находящегося в нескольких километрах над землёй... на миг свободного падения сердце ёкнуло, желудок сжался, и тут же Джей подхватил гравитационный луч, благодаря которому он снова стал частью толпы, для которой люди, падающие с неба — обычное дело. Однако ему не нужно было идти ни на работу, ни с работы, туризм, в родном-то городе, тоже как-то не привлекал; он направлялся к жилому комплексу, и людей, идущих в одном направлении с ним, становилось всё меньше, пока он вовсе не остался один, метров за сто до жилища.

Устройство успешно сверило показания его сетчатки, мигнуло зелёным огоньком и щёлкнуло, открывая дверь. Лифт, сенсорный ключ — и он на пороге собственной квартиры. Которая вовсе не кажется заброшенной. И действительно: послышался шорох шагов, из-за угла показалась чья-то знакомая физиономия.

— О, Джей. Я не знал, что тебя... что ты...

— Опять мямлишь, наследничек, — недовольно оборвал Джей гостя, разуваясь.

— Ты неожиданно появился.

— В собственном-то доме. Ты кормил Альфу и Поля?

— Да.

— И меня покорми.

— А? — опешил парень, наконец выйдя из-за угла.

— Сваргань чего-нибудь органического, пока я буду в душе. Чёрт знает сколько не ел нормальную еду. Я серьёзно, Роска, — Джей от души хлопнул брата по спине, так что тот даже закашлялся. Типичный *натуральщик*, принципиально отказывающийся от тех или иных технологий изменения внешности, будто человек из каменного века, которому всюду видятся демоны. Что-то в этом определённо есть...

В ванной порядок как в больнице: такой же правильный, что даже стерильным кажется. И все «вещества», которыми Джей скрашивал серые будни, тоже куда-то аккуратно убраны. Не то чтобы он планировал к ним вернуться, но всё равно неприятно от осознания того, что кто-то копался в твоих вещах.

Быстрый душ в дезинфицирующей капсуле, умывание и протирание ледяной водой, чистая родная одежда — всё привычно и комфортно, как будто и не было ничего другого.

Из ванной он вышел в отличном расположении духа, втянул носом воздух и даже улыбнулся: возвращение домой, где тебя пусть и не любят, — фиг с ним, не очень-то и хотелось — но готовят сносную еду... что может быть лучше?

— Да ты прям хозяйюшка, — усмехнулся Джей.

— Заткнись, — пробубнил Мирослав, доставая из духовки противень с ароматной дымящейся пиццей. — Не смотри на меня так, я не знал о твоём приходе, готовил для себя,

да и Альфа тоже пристрастилась...

— Альфа?

— Да.

— Ты серьёзно хочешь сказать, что модифицированная волчица, питающаяся исключительно сырым мясом, решила сменить рацион?

— Ну, это *твой* питомец... меня это не удивляет.

— Что ты с ней сделал, изверг, — Джей покачал головой, сел за стол. — Чего стоим? Накрывай, попробуй, чем ты мою подругу травмишь.

Джей вёл себя как полагается самоуверенному ублюдку, знающему, что это сойдёт ему с рук. Когда между братьями установились такие отношения, никто не помнил, но у них это стало в порядке вещей: один нагонял страх, другой делал вид, что боялся, один командовал, другой нехотя подчинялся. Иерархическая разность между старшим и младшим, «тёплые» чувства взаимной неприязни.

Мирослав поставил блюдо на левитирующий поднос, который плавно опустился на стол и проник через стенки противня, на пицце появились разрезы, после чего текучий материал принял прежнюю форму.

— Хорошо же ты здесь обосновался, — хмыкнул Джей. — Сколько такая хреновина стоит?

— Пока нисколько. Она только прошла все испытания и сертифицировалась, в продажу выйдет через полгода.

— Мда, вместо полётов к другим галактикам мы изобретаем летающий поднос-нарезчик пиццы, ну классно. Да-да, я знаю, что Кибер не занимается космосом, отказался от управления эволюцией человека, дело прибыльное только в перспективе, деньги же нужны сейчас... работает не для прогресса, а для упрощения людской жизни. Когда думаешь, что проще уже быть не может, подкидывает новый дебильный девайс. Что дальше? Сцеживатель мочи, чтобы не утруждать себя лишним походом в туалет, домашняя передвижная платформа от дивана к холодильнику?

Мирослав угрюмо молчал. Волосатые лапки тарантула-Поля, неужели у них и правда что-то такое в проекте?

— Кибер перестал быть идеей, Кибер стал бизнесом. Людям не нужны другие галактики, их и здесь неплохо кормят. Там — неизвестность, здесь — комфорт, — Мирослав взял кусок пиццы, подул на ещё горячую начинку и стал есть.

Безразличие к судьбе собственной и себе подобных. Ах да, теперь это называется «современный подход».

Джей, убедившись, что еда не отравлена (какая только паранойя не разовьётся после пребывания в застенках имперской полиции), последовал примеру брата. На удивление, оказалось не просто съедобно, а даже вкусно, о чём Джей после внушительного третьего куска не преминул сообщить.

— Где и когда ты научился так готовить?

— Да так, периодические разногласия с отцом. Блокировка электронных счетов, выглядящая, будто это сделал я сам... ничего не докажешь... нужно оплачивать учёбу, еду, жильё...

— И?

— Люди, готовящие органическую пищу, высоко ценятся и так же хорошо получают. Я понял, что скилл готовки вполне реален, прошёл обучение при том же ресторане,

параллельно помогая на кухне, получил опыт и стал одним из поваров в другом ресторане сети, ближе к дому.

— Да, вкусно покушать — это объединяет всех людей во все времена. Но я честно не знал, что кулинары в почёте, — хмыкнул Джей. — Очень неожиданный способ заработка. Когда совсем прижимало — мог бы позвонить мне, я не кусаюсь, а с работой мог бы помочь. И жизнь бы тебе показал.

— Нет. Не хочу иметь ничего общего с твоими увлечениями.

— Положительный парень, гордость семьи, конечно, как я мог забыть.

Оставшуюся пиццу они доели молча. Произошло это довольно быстро, а разговор явно не клеился, поэтому каждый раскрыл перед глазами тонкий экран компьютера и стал бродить по сети. Мирослав проверял доход от новой рекламной кампании, с его стороны периодически слышалось *«Теперь мы в безопасности, спасибо улучшенному куполу «Хранитель»!»*, *«...спешите купить, пока действует скидка!»*, *«...новая модель робота-дворецкого с функциями охранника!»*, *«Кибер Технологии на страже ваших жизней!»*. Звук мог бы транслироваться, минуя анализаторы, напрямую в мозг, возбуждая определённые нейроны, но Мирослава стали мучить частые головные боли, и он решил не рисковать, тем более что Джей использовал полное погружение и ничего не слышал. Сделал он это намеренно, чтобы не отвлекаться от накопившихся писем в электронной почте, социальных сетях и игр дополненной реальности. Большая часть, конечно, мусор и реклама, особенно теперь. Как его вообще всё это могло интересовать? Шелуха, побег от одиночества и собственной никчёмности. Он выставил на продажу трёх персонажей разных игр, оставшись только в одной, максимально далекой от развлекаловок массового характера. Покупатели нашлись практически мгновенно, он выбрал наиболее выгодные варианты, с удовольствием замечая, как увеличивается баланс виртденег, а затем и сумма на личном счёте. Отключив все оповещения, Джей углубился в чтение договора, отправленного Анастасией Ри. Электронный юридический помощник расшифровывал ему непонятные фрагменты и после полного сканирования подсветил текст зелёным: никаких обманок, хорошие условия, надо брать. Но ведь и у Клэй не дураки работают... взгляд в который раз ухватился за официальную заработную плату. Работать там всё равно придётся, смысла отказываться от такого щедрого предложения Волков не видел, потому наложил уникальную цифровую подпись и отослал документ обратно. Никаких проблем.

Оторвались они от этих увлекательных занятий одновременно с заходом солнца. Сегодня закат решили сделать кроваво-алым, вся комната окрасилась в эти тона, это и отвлекло братьев от их устройств. Осознав, что это всего лишь красочная имитация климатологов, они переглянулись и всё же решили заговорить. Первым, как водится, тишину нарушил Джей.

— Роска, а в целом, как дела Кибера и Волкова-старшего? Есть что-нибудь интересное, глобальные разработки?..

— Мне откуда знать, — он напрягся.

— Всё ты знаешь... — Джей вздохнул, откинулся на стуле. — Могу даже тебе подсказать. Но не хочу, потому что не до конца уверен.

— К чему вообще этот вопрос?

— Да вот, наткнулся в новостной ленте на упоминание о том, что в «Кибер» стекаются лучшие умы со всего мира, которые не сильно-то спешат делиться информацией, сам же основатель не покидает центрального здания корпорации. Пройдоха вроде тебя не мог

обойти это стороной, да и доступ к документации «Кибера» у тебя достаточный для получения общей картины. Никакого криминала, личный интерес.

— Ты прав, поверхностная информация у меня есть. Насколько я понимаю, «Кибер» работает над виртуальной реальностью. Ну, знаешь, более полное погружение, эффект полного присутствия, вплоть до реалистичных тактильных ощущений...

— Как давно ведётся работа?

— Не знаю.

— Ладно, не важно. На какой стадии?

— Прогрессирует...

Джей посмотрел на брата долгим тяжёлым взглядом, проверяя, действительно ли тот сказал всё, что знает. Мирослав нервно сглотнул, но больше ничего не добавил, и тогда Джею пришлось подключить новые «архивы». Информации по работе компании над виртуальной реальностью не было, даже упоминаний: кажется, некромант получил доступ к тем же знаниям, что и он, очевидно как-то связан с этим проектом... Зато Джей может проверить, насколько с ним честен брат. Если тот чего-то не договаривает, то он найдёт способ выпытать нужные данные.

— Слушай, я правда ничего не знаю, — пробормотал Мирослав.

Он действительно не знал.

— Ладно, тогда у меня к тебе просьба: узнай. Можешь начинать прямо сейчас. Давай-давай, я же вижу, тебе это тоже интересно. И, кстати, пока ты мне полезен, можешь жить здесь, в трёх незанятых комнатах, только не пересекайся со мной без надобности.

— Какая щедрость. Нет, всё оборудование у меня дома. Создам секретный подсервер, информацию буду сливать туда, адрес дам при следующей личной встрече.

— С тобой приятно иметь дело, — Джей протянул руку, Мирослав, поразмыслив, пожал её, после чего стал поспешно собираться. Джей поднялся проводить его, они кивнули друг другу и распрощались, каждый со своими целями и мыслями. Шестерёнки запущены, механизм заработал, нужно только время и усилия, причём эти условия напрямую связаны: чем больше одного, тем меньше нужно другого.

Только когда дверь с едва слышным щелчком закрылась, оставив его одного, Джей смог расслабиться по-настоящему. Жизнь научила его быть бдительным, когда рядом люди, потому как от них редко получаешь что-то хорошее, а на подвохи в свою пользу они шустры. Единственный плюс их нахождения рядом он видел только в способности отгонять наступающий Мрак... Тот атакует исключительно по отдельности, вот и сейчас, сливаясь с наступившей темнотой, постепенно заполняет собой окружающее пространство, сгущаясь в углах и играя странными тенями на стенах, окрашенных закатом в блёклый алый цвет.

Раньше Мрак пугал его до дрожи и боязни пошевелиться, он едва находил в себе силы, чтобы везде включить свет, и то в этом помогала верная Альфа, оказывающаяся в нужный момент возле хозяина. Теперь Мрак утратил свою силу, но Джей, не нарушая устоявшихся традиций, включил неяркий свет во всей квартире.

Новообретённые знания вполне уживаются с тараканами прежнего Джея, подавляя самых идиотских представителей. Некоторое время он размышлял, что делать дальше, стоя посередине коридора. Идея пришла неожиданно и показалась единственно верной, затмив предшественниц: студия. Когда-то спасение, а теперь... просто картинки?

Вовсе нет.

Он замешкался на входе от вновь нахлынувших образов. Миры, люди, события — они не

только в голове, связанной с единым Надразумом, они здесь, на жидкокристаллических полотнах, от вида которых бросает то в жар, то в холод. Они живут своей жизнью, оставаясь недвижимыми...

Очнулся он оттого, что волчица тянула его за штанину. Без агрессии, просто чтобы как-то привести хозяина в чувство. Джей удивлённо посмотрел на неё, не сразу узнав, тогда волчица отцепилась от его одежды, села и вперила в него осмысленный взгляд зелёно-жёлтых глаз.

Джей рассмеялся, сел перед ней на корточки и потрепал за ушами. Прекрасная волчица, умная, добрая и верная, как можно было даже подумать о том, чтобы убить её? Да, они наэкспериментировались со внешними признаками, отчего её чёрная шерсть периодически играла разными оттенками, а то и вовсе меняла цвет, да, все эти горе-учёные определили в слюне вещества, которых быть в ней не должно, дружно пересрались и резюмировали это создание как «объект класса альфа: прямая угроза человеку». А Джей, как только посмотрел в её печальные глаза, глаза разумного существа, знающего о неизбежности скорой смерти, проникся. Переубедить бредящее научное общество было бы бесполезной тратой времени, тогда он выкрал её на пути к пункту усыпления, организовав всё так, что во всех документах значилось «угроза устранена».

Как бы не так. Надо сказать, за всё долгое время пребывания волчицы в его доме он никогда не жалел о принятом решении, очень часто это создание было единственным живым существом рядом, которое желало ему исключительно хорошего, недовольно рыча на вредные вещества, часто употребляемые хозяином.

— Ладно, Альфа, мне нужно поразмыслить кое над чем, будь поблизости, но не отвлекай, хорошо? — он снова потрепал её по длинной шерсти, волчица лизнула его щёку и отошла в пустующий угол комнаты позади него и картин. Волков закрыл окна тонирующим полотном и включил холодный голубой свет. Вернулся к картинам, вглядываясь в каждую из них и последовательно складывая воедино части мозаики, которых оказалось слишком много, и все какие-то ущербные. Что тут скажешь, победитель...

Афтерлайф, убийства, некромант, отец с внезапным успехом в виртуальной реальности. Хм... Джей, в задумчивости хмурясь, подошёл к пустому полотну, поставил стилус в режим карандаша и стал делать быстрые неровные наброски. Постепенно штрихи и линии сложились в единое целое, Джей отложил стилус и отошёл, осмысливая нарисованное. Неопределённый мужской силуэт, от головы и тела которого отходят бесчисленные провода, сам он лежит под стеклом... Так выглядит «проект» Сергея Волкова, сомнений нет, прикрытая часть знаний всплыла на поверхность проверенным способом. Джей перевёл взгляд на портрет отца, напряжённо думающего над чем-то, и только теперь заметил деталь, которой не придавал значения. Позади него, на большом экране, стоит длинноволосый парень, смотря не менее озадаченным взглядом на пол, в котором поблескивали линии пентаграммы. Работа выполнена в цвете и очень качественно, вот только Джей напрочь забыл, когда и как написал её. Впрочем, ответ на первый вопрос здесь же: дата стоит в правом нижнем углу. Посмотрев на неё, Джей чертыхнулся. Именно в этот день было совершено первое убийство. Нет, не может быть, слишком очевидно! Да и мужчина под датчиками не похож на некроманта...

— Один и тот же человек, две личности, каждая из которых обитает в разных реальностях, — осенило его. — Виртуальная личность в реальности. Как ему это удалось? И зачем все эти убийства? Может, что-то вышло из-под контроля... предусмотрел любую

утечку информации, зараза... — Джей ходил кругами относительно картины, скрестив руки на груди и смотря исключительно себе под ноги. В его голову лезли самые разные соображения по этому поводу, сменяя друг друга с околосветовой скоростью, а обрабатывать он их успевал с некоторым опозданием, в результате чего они стали одолевать его все разом. И как с этим справлялись его предшественники? Тайна, которую каждый должен постигнуть сам. Тебе даётся информация обо всём во Вселенной, но толку от неё, если не уметь пользоваться, ноль. — Как и зачем... — задумчиво протянул Джей, массируя висок и жмурясь от развивающейся мигрени.

— Дело времени. Главное, мы знаем, кто за этим стоит. Ты молодец, соображаешь. Эти рисунки?..

— Клэй, ты как чёрт из табакерки, — Джей даже не удивился, медленно повернувшись к старой знакомой. — Да, всё это, — он обвёл руками комнату, в которой хаотично располагались полотна, — моих рук дело. Как бы я ни боролся, образы просачивались наружу быстрее, чем я успевал опомниться. В отличие от младшего, я не мог делать скрины с возникающих в голове картин, пришлось худо-бедно научиться рисовать.

— Вышло довольно реалистично. Удивительно, что при обыске квартиры эту комнату обделили вниманием... — недоумённо пробормотала Александра, переходя от одного тонкого голографического полотна к другому.

— Она под охраной Альфы, — серьёзно заявил Джей, взглядом указав её местоположение.

— Крупнее собаки, — нахмурившись, с опаской констатировала она.

— Конечно. Это же волчица.

— Мило... Ты знаешь *всех* этих людей?

— Да. Некоторых достаточно хорошо, некоторых на «привет-пока-отвали».

— Сергей Волков, основатель «Кибер», кем тебе приходится?

— Отец, — пожал плечами Джей. — Правда, мы предпочитаем не вспоминать о существовании друг друга, хотя он спит и видит, как бы избавиться от меня насовсем.

— Вот как... — задумчиво протянула Клэй, делая для себя какие-то выводы. — История принимает всё более интересный оборот, — Джей ничего не ответил. Когда молчание затянулось, Александра продолжила: — Если ты хочешь побыть один, я могу уйти.

Волков повернулся к ней. Тень, упавшая на его лицо, причудливым образом сделала его похожим на Инквиза. И этот пустой холодный взгляд, пронизывающий насквозь, заглядывающий в самые забытые уголки души, заставил Клэй поёжиться от холодка, прошедшего с затылка по позвоночнику.

— Останься. Вспомним прошлое и отпустим его уже, — Джей чуть приподнял подбородок Александры и даже попытался улыбнуться, она же испуганно замерла от нахлынувшего наваждения: перед ней снова Инквиз, главный мучитель и не менее главный учитель в её жизни.

Глава XVI

Asche zu Asche

*В прошлом далёком,
Когда была еще так юна
И не знала, что впереди у тебя...
А ныне молишься,
Чтобы не вернулся он,
Боишься
Вновь ощутить эту боль
Ты так мечтаешь снова улыбаться,
И я помогу тебе,
можешь не сомневаться,
Ведь суждено мне с тобой до конца остаться.*

NoBlutengel — Save your tears

*Слова твои рисуют картины,
Но никто не видит их.
Твоя душа кричит о свободе,
Но только я могу её понять.
Пепел к пеплу и прах к праху.
И огонь обратится в лёд.
Пепел к пеплу и прах к праху.
И луна накроет солнце.*

NoBlutengel — Asche zu Asche

Тени в углах комнаты ожили и стали заполнять собой всё пространство, не оставляя ни единого цветного пятна. Все предметы постепенно теряли чёткие очертания, пока не исчезали вовсе, вслед за ними исчезла и белая фосфорецирующая краска, обнажив стальной решетчатый каркас дома с каменными блоками между прутьями; одновременно с этим исчез ворсистый ковёр с пола, обнажив сначала ровный паркет, а уже потом плиты из всё того же камня, дешёвого, лёгкого и прочного в сравнении с другими материалами.

Потом исчезло и это, оставив Джея и Клэй парить в воздухе над изменяющимся городом. Время крутилось вспять, всё быстрее и быстрее с каждым мигмом; вскоре от города, как и всего привычного мира, не осталось и следа, только скопление газов, ещё недавно бывшее родной планетой... Как только Клэй пришла в себя, её пробрал страх: безграничные космические пространства давили своим превосходством и непостижимостью, ещё никогда она не чувствовала себя такой маленькой и беспомощной. Она ущипнула Джея за руку, тот от неожиданности потерял контроль над происходящим, они кубарем устремились неизвестно куда. К счастью, Земля вновь оказалась на прежнем месте, вот только

возвращение на неё было не таким уж лёгким делом: пересекая атмосферу, Джей и Александра сгорели и устремились на землю уже горстками пепла... из которых они ожили вновь. В совершенно незнакомой местности. Всё произошло так быстро, что никто из них даже не успел понять, что произошло.

— Где мы и что ты такое вытворяешь? — утомлённо поинтересовалась Клэй.

— В прошлом. Точнее, в кое-чьих воспоминаниях, поэтому мы здесь в роли наблюдателей. Хочу показать тебе, что человек, которого ты боишься и кому слепо поклоняешься, всего лишь психически тронутый кусок дерьма с раздутым чувством собственной важности. Надеюсь, после сегодняшнего спектакля прошлое не будет так сильно тебя грузить.

Клэй благоразумно промолчала, одновременно испуганная и заинтригованная. Не получив ответа, Джей стал уверенно спускаться с холма в сторону видневшегося неподалёку поселения, как будто делал это не в первый раз.

— У тебя есть ещё какие-то фокусы, или нам придётся пешком?

— Есть, но я в них не уверен, — поразмыслив, ответил Джей. — Воспоминания не мои. Любое неосторожное вмешательство может привести к их потере. Я и приземлился так далеко на случай, если что-то пойдёт не так.

— Надеюсь, риск оправдан...

— Более чем. Идти нам где-то с полчаса, введу тебя в курс дела... Ни я, ни ты, ни наши предшественники — не боги, а обычные люди, которым просто повезло чуть больше или чуть меньше остальных. Всемогущество нашего союза только кажется, на самом деле, мы гораздо уязвимее... Потому что это сильнее нас, не оставляет никакого выбора, кроме как служить. Мы не получаем прямых приказов, воздействие происходит гораздо глубже: все мысли и действия, которые кажутся нашими, на самом деле, давно рассчитаны и предопределены. Мы рабы Высшего Разума больше, чем кто бы то ни было, и даже смерть не является выходом. Хотя, кого вообще можно назвать свободным? Рабство было и будет всегда, с единственным различием: чем выше уровень раба или хозяина, тем оно менее заметно. Рабы желаний, привычек, будничности, информации. Их сила в том, что они могут менять хозяев и самосознание, хотя для Хранителей это тоже характерно: в вас, всё же, больше человеческого.

Джей замолчал, отмахиваясь от холодных серых теней как от назойливых мух. Кое-где среди неба и зелёной травы проступали чёрные дыры, именно от них слетались тени.

— Что это за твари такие?! — воскликнула Александра, когда от её призрачного тела отщепили кусочек.

— Вампиры, питаются неиспользуемыми воспоминаниями и теми, кто в них проникает. Для нас безобидны, но лучше поторопиться, пока не сожрали самое главное, — с этими словами Джей ускорил шаг, практически перейдя на бег, Клэй молча последовала его примеру, раздумывая над всей поступившей информацией. Иметь дело с Вратами всегда непросто: вывалят на тебя кучу знаний, а ты разбирайся с ними и ещё не теряй рассудок...

— Безобидны, говоришь?

— Это что-то вроде сна, доверься мне.

— Ты сам-то знаешь, что делаешь? — вздохнула Александра.

— Почти, — отшутился Джей. — Не даунлодись ты так, всё будет хорошо. Вон, лучше ландшафтами наслаждайся и готовься к увлекательному зрелищу. Мне нужно проверить кое-что.

До конца пути они молчали, хотя у Клэй на языке так и вертелись многочисленные вопросы и сомнения по поводу происходящего, учитывая, сколько незнакомых существ встречалось ей, ведьме со стажем, по дороге.

«Может быть, у хозяина этих воспоминаний просто не все дома?» — пришла на ум спасительная своей логичностью и простотой мысль. И стало как-то сразу легче воспринимать происходящее. Вскоре она совсем расслабилась, чувствуя себя на обычной прогулке, однако долго эта радость не продлилась: они подошли к поселению. С их стороны светило солнце на фоне ясного голубого неба, тогда как над деревней громоздились тучи, норовя выплеснуть новую порцию дождя, хотя предыдущий прошёл совсем недавно, превратив землю в непролазное месиво.

— Воспоминания других людей немного позже, — ответил Джей на невысказанный вопрос. — Ладно, это можно опустить... Просто скажу, что именно в этот день родился тот, кого ты знала под именем Инквиз.

Клэй вздрогнула.

— Он позаимствовал это имя гораздо позднее, в память о младшем брате, тело которого нашли на другом берегу реки при очень трагичных обстоятельствах. Стефан Штейн помешался и стал считать себя им, Инквизом. Об этом позднее, идём, — Джей прервал рассказ, когда погода сменилась, а на пустынных прежде дорожках появлялись люди.

В какой-то момент Клэй перестала воспринимать происходящее как спектакль, который наблюдала со стороны и практически не вникала. Теперь этот мир прошлого расцвёл для неё во всей своей красе, грязи, несовершенстве, очаровательной дикости. Диковинный уклад жизни прошлого перестал вызывать у неё недоумение, всё казалось обычным и правильным, будто и не знала она никакой иной жизни. Вспомнить об иллюзорности этого видения помогал Джей, то и дело маячивший среди безликих жителей поселения, но очень скоро она потеряла его из виду и напроочь забыла о его существовании, люди приобрели индивидуальность, она даже узнавала некоторых из них...

А вот и пункт назначения: домик целительницы. Совершенно особенный домик хотя бы потому, что в любую погоду от него исходил свет и тепло, а потоки воды с неба обтекали его определённым образом. Эту самую странность деревенские простачки считали самым лучшим доказательством силы хозяйки дома.

Клэй прошла сквозь запертую дверь и стала частью этого чудесного места, самым домом, его стенами, духом. И ничего странного она в этом не обнаружила: эфир окутывал всё, особенно его присутствие было заметно в местах обитания Силы. У каждого дома есть незримый покровитель. У каждой вещи своя память.

Дом видел и помнил всё. Как к Ассиэль, хозяйке дома, а потом и к двум её сыновьям, постоянно обращались за помощью жители поселения, и какими счастливыми они выходили, когда эту помощь получали.

Только один-единственный раз Ассиэль оказалась бессильна. И именно с него начался отсчёт бед для семьи Штейн.

Наслышанная о мастерстве и безбедной жизни Ассиэль, знахарка соседнего поселения, потерявшая былую силу и положение в общине, решила обратиться к ней за «советом». Она прокляла жену старосты, и та не в шутку занемогла неизвестным в то время недугом, стала высыхать буквально на глазах, при любом неосторожном движении рискуя сломаться. Клара с усмешкой посоветовала старосте обратиться к знаменитой целительнице Ассиэль. Семь дней и ночей провела она у постели больной, и на восьмые сутки ей удалось вызвать

улучшение, но какой ценой! Её собственная защита от болезней и слезов дала сильную слабость, что и нужно было Кларе: бедная жена старосты послужила проводником гораздо большего проклятия в отношении той, кто пыталась её спасти. Дом знал о кознях старой знакомой, пытался подать знаки, но ни Ассиэль, ни её сыновья, перенявшие часть мастерства, не замечали их. На пятнадцатые сутки женщина умерла. В обоих поселениях воцарились негативные настроения. Вскоре после этого неприятности преследовали одна за другой, с каждым днём оставляя после себя всё большее потрясение.

У старшего сына Ассиэль, крепкого и высокого юноши, наступило помешательство, а ведь он был так искущён в науках и ремесле, что о нём интересовались даже при королевском дворе, подавал большие надежды и очень хотел покинуть это богом забытое место в поисках лучшей жизни... Не успел. В своём безумии он ушёл из дому и перерезал горло каждому, кто имел неосторожность оказаться рядом. Прятался в лесах, питался жертвами своего произвола, да так, что в останках практически ничего не напоминало о человеке. Ассиэль хотела спасти сына, но её до последнего не выпускали из собственного дома. Когда же выбора у односельчан не оставалось (безумца всё никак не могли поймать), то они разрешили ей пойти, с её же младшим сыном, очевидно надеясь, что тот испугается увиденного и будет вести праведную жизнь.

Что и говорить, психику ребёнка, и без того неустойчивую, они поломали. Инквиза нашли, вперёд выставили Ассиэль и Стефана, прикрываясь как щитом. Инквиз набросился было на них, но под печальным взглядом материнских глаз вдруг остановился, ошарашенно посмотрел на собравшихся людей с вилами и факелами, на себя, потерявшего человеческий облик... разум вернулся к нему, и под гнётом содеянного он закричал, и столько боли было в этом крике, столько ненависти, что никто не мог и с места сдвинуться, избавиться этого несчастного от страданий, отправив в лучший мир.

Инквиз рванул прочь. Надеясь убежать не столько от недоумевающей толпы, сколько от самого себя. Люди опомнились только тогда, когда всё стихло. Совсем. Будто сама природа ощутила то же потрясение: не шелестели листья, молчали ночные создания, и даже полная луна спряталась за тучей, погрузив лес в безмолвный мрак.

Следы Инквиза прерывались возле обрыва, внизу которого простёрлась глубокая река. Обезумевший сын знахарки расстался с жизнью, что ознаменовало конец кошмаров поселения, и все вздохнули свободнее, на лицах даже стали появляться первые улыбки... И только Ассиэль упала на колени, согнулась пополам и беззвучно заплакала. Рядом с ней опустился на колени и младший сын, бледный от увиденного. Слез у него не было. Но это потрясение наложило отпечаток на всю дальнейшую жизнь, сломав личность доброго и отзывчивого мальчика, на месте которой росло настоящее чудовище.

— Они довели его до этого... Доведут и нас, — тихо сказал он, ни к кому не обращаясь. Шок сменился ненавистью. Стефан поднял взгляд к небесам. — Бог, если ты есть, дай мне силы отомстить им всем.

И Бог услышал просьбу сломанной души. Правда, не так, как можно было того ожидать: обращение было негативным и привлекло только отрицательную энергию. Тем не менее, мальчик стал его вторым заместителем на земле.

Через несколько дней тело покойного Инквиза вынесло к берегу, доступному людям. Хоронить по старинным обычаям не стали — самоубийца он, и грех на нём большой, потому просто оттащили к яме, в которой лежали трупы других неприкаянных. Запах стоял ещё тот, никто не мог долго находиться возле этого богом проклятого места.

Шло время, рана залечивалась, Ассиэль вернулась к прежнему делу, преуспевая в нём даже лучше, чем раньше. Люди понемногу вновь признали её место в обществе, она помогала им и постепенно открывалась, чего нельзя было сказать о Стефане: он вообще редко выходил наружу, его присутствие никто не замечал, потому что он не хотел быть замеченным, тенью сновал между домов, большую часть времени просиживая дома, за фолиантами, взятыми из города. Как ни пыталась мать вернуть его к жизни, у неё ничего не получалось.

Одной осенней ночью он вернулся домой, чем-то сильно озлобленный, швырнул мокрый плащ на пол и уже направился к себе, как вдруг оказался остановлен. Прямо перед ним выросла невидимая преграда, о происхождении которой несложно догадаться. Он повернулся к матери, хмуро смотря на неё. Они стояли в полной тишине, нарушаемой лишь тихим стуком капель, падающих с волос Стефана.

— Чего тебе? — огрызнулся он.

— Мы так давно не разговаривали, будто чужие люди друг другу... Стефан. Отпусти брата, — Ассиэль положила руку ему на плечо. Тот передёрнул им, стяхивая её руку.

— Они бы не отпустили его.

— Это тяжело..., но надо научиться жить заново, сынок. Люди приняли нас, всё самое страшное позади.

— Нас? Они приняли тебя. Потому что ты полезна им и не смеешь ослушаться. Потому что каждый может прийти и... совокупиться с тобой. Ты хоть сама знаешь, где заканчивается лечение и начинается проституция? Мне глубоко омерзительны все эти люди, особенно ты, мама, — зло произнёс Стефан, смотря на неё сверху вниз. От неожиданной пощёчины его пыл частично сменился удивлением: за прошедшие годы никто ни разу не поднимал на него руку.

— Не смей судить то, о чём не знаешь. Эти твои книги... лживы насквозь, — она досадливо отвернулась.

— Я не разрешал тебе их читать.

— Не забывай, чей это дом! Ты не имеешь права хозяйничать здесь!

— Неужели? Я знаю, кто мой отец. И тебе это тоже прекрасно известно. Я имею право распоряжаться всем в этой дыре, включая тебя.

— Ты не мой сын... Ты тяжело больной человек, которого я не знаю, — на её глазах выступили слёзы, она в ужасе попятилась назад.

— Ну что же ты, мама? Давай, вылечи меня! — приблизившись к ней, он взял её за руку. — Я твой сын, до которого тебе попросту не было дела! Молчишь? Нечего сказать в своё оправдание, да? — Стефан схватил Ассиэль за подбородок и чуть приподнял над землёй, почувствовав сопротивление, бросил на пол, как вещь. Женщина зашлась кашлем.

— Продолжаешь молчать... — он медленно склонился над ней, словно раздумывая, что делать дальше. Решение пришло почти мгновенно: Стефан обдумывал его не один день. Он с силой пережал сонную артерию, и мать потеряла сознание — как раз то, что ему нужно. Стефан раздел её, на несколько мгновений залюбовался на притягательные изгибы сексуального женского тела, с трудом взял себя в руки, встрепенувшись, но всё же не мог скрыть удовольствия, когда связывал её по рукам и ногам импровизированными верёвками из той же одежды. Книги перепрятал в подвальный тайник — сплошной короб из жжёной глины, закрытый со всех сторон. Снаружи у входной двери вогнал колышек. Улыбка ни на минуту не сходила с его лица.

Стефан собрал возле дома всех жителей поселения и произнёс долгую обличительную речь, касающуюся ведьм и их уничтожения. Безумие, захватившее его, отражалось во взгляде, завораживало и подчиняло собравшихся. Они верили всему, что он говорил, пленённые красотой и выразительностью речи, мгновенно меняли свои взгляды на мир и согласно кивали и улюлюкали в ответ на его призывы. Сильнейший массовый гипноз — сущий пустяк для Посланника Божьего. По его команде из дома вынесли Ассиэль, медленно приходящую в сознание, и повесили на колышек, подцепив путы, сковывающие её запястья. Она обвела взглядом безумную толпу, так и норовящую разорвать её на части, и в её глазах мелькнуло понимание и смирение перед неизбежным.

— ... конец человеческой скверне! Да наступит новая эра! — провозгласил Стефан, бросив зажжённый факел к ногам матери под рёв кровожадной толпы.

Клэй всхлипнула и широко открыла глаза. Её била дрожь, общее состояние предвещало громкую истерику, но Александра держалась. Плохо понимая, зачем, совершенно не осознавая, где она: перед глазами всё ещё стоял горящий дом, а в ушах звенели предсмертные рыдания первой женщины, убитой по обвинению в колдовстве.

Александра обхватила себя руками и, уткнувшись лицом в колени, тихонько покачивалась из стороны в сторону. Джей пока решил не делать попыток привести её в чувство, хотя сам находился в реальном мире довольно давно: компьютер, нагретый от «тяжести» игр дополненной реальности, не даст соврать.

— Тебе нужно выпить, — решил он и открыл выдвижной бар. Арсенал прежде радовал глаз, сейчас же стал безразличен. Как и всё остальное. Недолго думая, достал из глубины полки жемчужину своей алкогольной коллекции: металлический рог, окаймлённый рунами непонятного обывателю происхождения. Налил светло-синюю жидкость из него в тонкую длинную рюмку до половины, протянул Клэй. Та машинально выпила предложенный напиток, вскочила с кровати и встrepенулась под влиянием жара, прошедшего через всё тело и разбудившего её. К мертвенно-бледному лицу прилила кровь, щёки порозовели, глаза блеснули живым бликом.

— Во-от, так ты нравишься мне больше.

— Не жди, что я буду благодарить тебя... сукин сын. Сверхразум отбирает самых отпетых уродов, — зло бросила Клэй.

— И поехавших заодно. Нормальный человек не сможет вынести этого, а тут одно вытесняет другое.

— Сволочи.

— Не без этого, — Джей пожал плечами. — Думаю, тебе нужны разъяснения, я готов, — с этими словами Джей закрыл «рог» и бережно вернул его на законное место, что не укрылось от Клэй. Она посмотрела на опустошённую рюмку, понюхала, задумчиво покрутила в руках.

— Что-то знакомое...

— Изобретение ведьм и ведьмаков твоего клана, ну, знаешь, когда ты была по другую сторону баррикад...

— Конечно же! — она посмотрела на рюмку почти с любовью. — Но откуда...

— Пришлось иметь дело с потомками. Славные ребята, душевные. — Понятно, — хмыкнула Клэй. — Почему речь Инкви... Стефана была такой приглушённой? Я различала только отдельные слова, по губам прочесть тоже не могла, стоял всё время ко мне спиной. Когда безумие оставило его? То есть, когда мы общались, он был вполне вменяем. И зачем

ты вообще показал именно этот фрагмент...

— Ты была в памяти неодушевлённых предметов, и я вообще удивлён, что удалось увидеть так много. Мне ли тебе объяснять. Что до безумия... м-да, история вышла неполной, так как нормальным, насколько это вообще к нему применимо, он стал скоро. Как только убил ту, что некогда наслала проклятье на его семью. — Он был под чарами? — Нет, случайно совпало, — без тени сарказма ответил Джей. — Они бы не подействовали против наложительницы.

— Да, действительно... — В ночь после сожжения этой бабы он осознал себя как Врата, и начались весёлые деньки. А теперь мы подошли к самому главному... я показал тебе это не просто так. Эти воспоминания были священными уголками его души, а потому имели над ним власть. Теперь, когда и ты знаешь их, эта власть перешла к тебе. Поздновато, понимаю, но ты свободна. Как от него, так и от меня тоже. Больше не нужно служить. Прошлое перестанет преследовать тебя. И воспоминания не будут наводить такой ужас, — он даже взял Клэй за руки. Та подняла глаза полные слёз.

— Что же ты наделал, Джей...

Глава XVII

Скелеты вышли из шкафов

*Преграды мира, согласного лишь на обмен
Я заблуждался, считая, что шел по прямой
И огибая цель, столкнулся я с самим собой.*

Digimortal — Следы на песке

— Слушай, обязательно проводить мою перенастройку именно сейчас? — поинтересовалась рыжеволосая голова «секретарши» Доктора Клэй, разделённая с телом многочисленными проводами.

— М-м-м, да. Пока не забыла. Есть у меня идея, как сделать тебя чуточку человечнее... ты всё ещё слишком робот.

— Я и есть робот, тут ты ничего не изменишь, — в голосе промелькнула грусть.

— Такой же робот, как я примат. Ты научилась испытывать эмоции! Пусть мы пока не понимаем, что за сбой произошёл в твоих схемах, но он прекрасен. К тому же, ты обрела ещё и самосознание... ни один из существующих роботов не может таким похвастаться, — глаза Доктора поблёскивали от гордости за своё творение: все эти горе-инженеры и робототехники не видят дальше собственного носа и действуют в угоду обществу, которому нравится использовать роботов, внешне похожих на людей, в качестве прислуги, средства мастурбации и чёрт знает чего ещё. А ведь можно совершенствовать их до уровня людей, расшифровать комбинации, ответственные за ту или иную часть человеческой природы, привести их к красивым формулам и... управлять разумами. Выводить человечество на новый уровень, ускорить эволюцию, направив развитие в верное русло — конечно же, Доктор действовала исключительно из благих побуждений и в строгой секретности. Её исследование — единственное в своём роде, хотя она далеко не самый лучший специалист в своей области. Побеждает не сильнейший, а тот, кому это нужно больше всего.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь... — Честно говоря, имею очень смутное представление, — рассмеялась Док. — А что тебя беспокоит?

— Это сложно...

— Ты справишься, — Доктор отъехала на парящем кресле к компьютеру, так как с наладкой внутри уже закончила, осталось только верно настроить программы... не сильна она в этом, ох, не сильна. Приобщить бы к этому делу профессионала, а то у неё кроме голого энтузиазма и пытливого ума с его нескончаемым потоком идей и нет ничего.

— Мне, наверное, страшно потерять приобретённое.

— Потерять себя? — отстранённо уточнила Док, поглощённая программой, оказывающей яростное сопротивление новым изменениям. Девушка-робот озадаченно замолчала: этот вопрос слишком сложен для уровня её позитронной организации. Но её попытки понять что-то настолько человеческое оказали своё влияние: программа на глазах у Доктора и вовсе начала самостоятельную жизнь, вмешиваться в которую без точного понимания всех процессов было опасно.

— Вот же чёрт, — Доктор сняла очки-контроллеры и отвернулась от моноблока. —

Придётся дать тебе немного поспать...

— Но ты же не отследила и не зафиксировала изменения!

— Ох, — тяжело вздохнула Док, не зная, на что решиться. С одной стороны, весь её эксперимент — один большой риск от начала до конца, в котором элемент случайности работал эффективнее её предположений, но с другой... Рика стала ей подругой. Единственной.

— Собери меня быстрее, кто-то пришёл. И действительно: в дверь постучали.

— Хм-м-м...

— Ну же! Или ты хочешь, чтобы кто-то узнал обо мне?

Конечно же, этого она хотела меньше всего. Страх раскрытия грандиозного научного эксперимента оказался сильнее страха потерять подругу. Доктор водрузила голову на место, нажала переключатель, в результате чего «кожа» на месте разрыва срослась, и робот вновь мог шевелиться по собственной воле. Постучали настойчивее. Док развернулась было к моноблоку, чтобы посмотреть на вошедшего с наружной камеры, но вовремя вспомнила, что программа Рики в активном состоянии требовала всей мощности процессора, а перевести её в неактивное состояние или уж тем более закрыть её не представлялось возможным, так что оставалось только снова рисковать.

— Может быть, я пойду? — осторожно поинтересовалась Рика, коснувшись руки Доктора.

— Сиди уж... — отмахнулась та.

В узком длинном коридоре при её появлении зажёгся свет, отчего Доктору Клэй стало спокойнее. Появилось чувство защищённости и былая уверенность: «мой дом — моя крепость». Да и врагов она себе как-то не нажила, кому бы могла понадобиться в такой поздний час... скорее всего, клиенту, который не может или не хочет ждать до утра, такое бывало раньше, она сама оставляла подопечным свой адрес, чтобы тем было спокойнее.

— Кто там? — по старинному обычаю, когда не было камер наружного наблюдения, спросила Клэй, удивившись невозмутимости собственного голоса. Ситуация нестандартная и непредсказуемая, от страха всё внутри неё сжалось в тугой комок.

Стуки прекратились. Гость молчал. И Док от души надеялась, что этот вопрос застал его врасплох, потому как иначе... она запретила себе накручивать и без того сложную ситуацию, вся обратившись в слух и даже прислонившись к двери.

— Доктор Клэй, я... Андрей Волков, и мне необходима... Ваша помощь, — срывающимся голосом сказал гость.

Док узнала его и не стала медлить, отдавая соответствующую мысленную команду управляющей программе жилища. Та безоговорочно подчинилась, послышался щелчок, и дверь плавно отъехала в сторону... заодно прихватив и самообладание Доктора Клэй. Пациент предстал перед ней в окровавленной и местами разодранной парадной одежде, по рукам в грязных и рваных перчатках стекала кровь, взгляд полон боли и страха. Причём боли не физической — хотя и та имело своё влияние, — боли душевной, нашедшей отражение в серых глазах, будто подсвеченных изнутри, на какое-то мгновение Доктор и вовсе засомневалась, что перед ней человек, насколько всепоглощающим оказался ужас перед ним и этими фосфоресцирующими радужками.

«Рика, позаботься о нём, мне что-то нехорошо,» — мысленно обратилась Док к подопечной, поскольку голос отказался служить ей. Апгрейдинг прошёл успешно: девушка деликатно отодвинула Клэй от входа, предусмотрительно подтолкнув в кресло, и с явно

неженской силой подхватила Андрея, решительно направляясь в сторону туалетного блока. Никто из них не издал ни звука, нависшая тишина окутала сознание тяжёлым почти осязаемым мраком, давящим на затылок... В конце-то концов! Как бы ни была сильна связь между Проводником и его Защитником, иначе Вратами и Хранителем, не пристало такому специалисту в области психических аномалий уподобляться больным. Стыдно, Док, стыдно, тем более уже давно достоверно известно о «незаразности» подобных недугов. Какими бы исключительными ни казались случаи.

«У парня в мозгу встроены чипы, мне удалось найти и скопировать с него данные за последние двадцать четыре часа, начинаю трансляцию на главный монитор через две минуты, у тебя есть час реального времени, пока я привожу нашего психа в состояние нормального функционирования», — голос Рики, вмешавшийся в беспорядочный поток мыслей Док, побудил ту к активным действиям. Она добежала до только что покинутой комнаты, поставила таймер на пятьдесят минут, поудобнее устроилась в чёрном кресле и переключила рычажок. На мониторе уже мелькали изображения жизни Волкова, но процесс погружения Доктор Клэй никак не могла ускорить, а только ждала, стиснув зубы от напряжения. Её окружила плотная капсула, заполняющаяся чуть желтоватым дымом, в вену левой руки на локтевом сгибе воткнулась тонкая игла, коей оканчивалась прозрачная трубка со слегка мутным раствором инъекции. Для погружения в другую реальность и полного управления ей требовалось особое состояние мозга, достигавшееся набором определённых веществ, природа которых известна разве что их производителям...

* * *

— Порой вещи не такие, какими кажутся, не правда ли?

Вывалившись на кафельный пол в мужском санитарном блоке, Клэй испытала несколько взаимоисключающих ощущений разом: неловкость, удивление и любопытство. Андрей разговаривал сам с собой, смотря в зеркало, из крана с шипением текла вода с растворёнными в ней дезинфицирующими агентами. Он перекрыл её, не отрывая взгляда от зеркала, сфокусировавшись на чём-то позади себя, и Док могла поклясться, что он смотрел именно на неё и обращался именно к ней, как будто бы знал, что она будет здесь. Вымученно улыбнувшись зеркалу напоследок, он отвернулся и прошёл сквозь Доктора Клэй. Не успела та подняться, как оказалась на церемонии окончания школы детьми высшего сословия, элиты, сливок общества, будущих распорядителей судеб людей всего мира. Все, находившиеся здесь, должны быть совершеннолетними: обязательное условие церемонии.

Раньше существовали особые таинства для посвящения во взрослую жизнь, разные для каждого класса, но позднее их упразднили, объединив вечер перехода в новую возрастную категорию с окончанием школы. Считалось, несмотря на официальное совершеннолетие, что разум ребёнка полностью формировался именно после прохождения разноплановой школьной программы, раскрывающей все грани личности, если та того хочет, а если не хочет, то получает обширные представления в разных областях наук, чтобы успешно закончить последующее профильное обучение и работать под кем-то, так или иначе принося пользу обществу. Познав те фундаментальные знания наук и прописные истины жизни, они становились готовыми к «взрослым» наукам, варьирующимся, пожалуй, только по степени паскудства.

И откуда у неё такие мысли?

Рабочее сословие достигало совершеннолетия не после школы, а только с окончанием колледжей, программы в которых гораздо проще, а обучение дольше, до десяти лет: предполагалось, что его члены гораздо глупее, чем в правлении, хотя находились и несогласные...

Понятно, запись репортажа из головы Андрея Волкова.

— Как ты можешь думать о чём-то отвлечённом и одновременно готовиться к танцу? — Док обречённо вздохнула: лекция об устройстве их мира продолжалась. Андрей стоял среди ровесников, одетых в одинаковые цветовые гаммы: у юношей костюмы белые, а нашивки, медали и прочие знаки отличия исключительно из золота; девушки в чёрных длинных платьях, подчёркивающих исключительно идеальные контуры тела, их знаки отличия состояли из платины. Постройка попарно, в шахматном порядке. Сейчас будет очень красивое зрелище... Дань традиции.

...несогласные проходят тесты на уровень физических и умственных характеристик, большая часть которых компьютеризована. Результаты в норме и даже выше (что является ещё большей редкостью относительно нормы) — переводились в высший класс, правда, без возможности перехода в правящий. А так же теряешь имя, остаётся только фамилия и должность.

Клэй тяжело вздохнула: то же самое произошло и с ней. Она очень любила своё имя, но теперь ей запрещено ассоциировать себя с ним даже мысленно.

В случае, если показатели ниже нормы, индивидуум возвращается в своё сословие, но не просто так: в течение пяти лет он обязуется проработать на более опасной и трудной работе, откуда возвращаются процентов десять, и представляют они собой далеко не самое приятное зрелище. Они не могут говорить и просто выполняют то, что им говорят, их взгляд пуст и ничего не выражает, лишь изредка в нём читается боль. Противоестественный отбор...

Членство же в высшем и правящем сословиях не предполагает тестов подобного рода, так как ещё до рождения они проходят генетический отбор, посредством которого выбирается наилучшее сочетание всех признаков и свойств организма.

Как жаль, что природу наследования моральных качеств до сих пор не удалось установить...

Андрей наконец-то прервался: пора начинать танец.

Юноши синхронно взяли девушек под руки, распределились по всему залу в шахматном порядке, повернувшись друг к другу, поклонились, сблизились и воспарили в воздух...

«Как достал этот театр. Не хватает огня, а? Ну, ты знаешь, в котором сгорели бы все эти пафосные, лживые и лицемерные уроды».

Мысли никак не отразились на его лице: на нём застыло выражение, отрепетированное сотни раз до этого. Сосредоточенность, доброжелательность и даже толика волнения, словно внешний и внутренний миры Андрея жили отдельной жизнью. По мере того как запутывалась ситуация, становился всё более ясным диагноз, однако не стоило спешить с выводами.

«Ладно, не хочешь огня, так давай свалим. Вот прямо сейчас. Мы нарушим всё действо, никакие деньги не отмоют твою семью и всех присутствующих от такого, только представь их лица и свою мамашку».

По лицу Андрея прошла едва заметная тень.

Пары закружились в невообразимом и завораживающем танце, основанном на единстве вопреки. Девушки поражали своей хрупкостью, гибкостью и экспрессией, юноши — спокойной силой и грацией хищника на охоте.

Док замороженно смотрела на них, в своё совершеннолетие она проходила тот самый рискованный тест на переход в высшее сословие, пошла поперёк всех ради призрачной надежды на лучшую жизнь и оптимальное применение своих способностей. Она не жалела: при посвящении в совершеннолетние каждого из среднего и низшего классов клеймили, средних на пятках, низших на лице. Виденное сейчас она могла только представить на основании доступных тогда её классу исторических сведений. Информация не была закрытой, просто чем ниже класс, тем меньше ресурсов для поиска. Поднявшись из «средних интеллектуалов» в высшие, она больше и не задумывалась об этом. А тут сразу вспомнились все детские мечты и обиды... давно отпущенные и забытые, они всплыли на поверхность и причинили почти осязаемую боль.

Картинка померкла, оставив взбудораженную Клэй в крошечной темноте.

— Что такое?

— Под действием гормонов и бессознательной деятельности воспоминания выпали из поверхностного слоя памяти. Вы имеете доступ к более глубокому уровню. Вмешательство может повредить здоровью Андрея.

— В смысле? — Клэй напряжённо нахмурилась, догадываясь, в чём дело.

— Психическому здоровью. Глубокая память станет поверхностной и будет свободна ему в любое время. Не мне говорить вам о последствиях, Доктор Клэй. Ваши действия?

— Данные концентраций гормонов и энергетическую карту мозга...

— У меня есть доступ к памяти человека, видевшего Андрея последним, — уклонился он.

— Когда машины успели стать такими умницами... давай их сюда.

до окончания сеанса семь минут...

Здесь механизм явно проще. Оно и понятно: мозговой имплант есть только у Андрея. Здесь же изображение слабое, чёрно-белое и подёрнутое рябью.

...Одна из возможностей идентификационного чипа. Они следят за нами.

Клэй не смогла понять, кому принадлежала эта мысль: ей, машине или каким-то непостижимым образом самому Андрею? Неважно, время...

* * *

— Эй, парень! Пропускной портал здесь.

Андрей даже не повернулся, продолжая идти к намеченной цели. Тогда таможенник, следуя инструкциям, перешёл к активным действиям. Относительно активным: заблудившегося паренька он не воспринимал всерьёз. Вид у того хоть и помятый, но сразу понятно, что из высших. Такие не идут в отчёт, все правонарушения, сделанные ими, нигде не отображаются и не дают прибавки к жалованию. Таможенник поднялся и очень быстро для своих габаритов оказался рядом с Андреем, преградив тому путь.

Чёрно-белое рябящее изображение давало самую общую картину, не позволяющую однозначно утверждать о состоянии пациента. Однако Клэй готова была поклясться, что это не он. Кто-то другой в его теле, но не он.

Как же она не увидела всю серьёзность его проблемы... Она проста, даже очевидна, как по учебникам, но нет, она была увлечена мыслями об их предназначении и его избранности, вот где дура-то. Спасать парня надо, будь то плата за дар или следствие пережитого потрясения — не всегда же это было с ним.

— Ваш сеанс окончен.

— Но мне нужно посмотреть кое-что! — перед Клэй уже виднелись очертания комнаты, но она упрямо отгоняла их, сосредоточившись на воплощении Искусственного Интеллекта, внезапно оказавшегося «не тем» Андреем... А, нет, это видение продолжается.

Он протянул руку к ней... нет, не к ней, с усилием напоминала себе Док, а к тому последнему очевидцу событий. Взял его за голову, поднял как будто тот ничего не весил, и прокрутил до противного щелчка в шее. Брезгливо отбросил от себя и устремился дальше, в лес. Её лес.

Клэй вышвырнули из головы Андрея, она дёрнулась в кресле и наверняка бы оказалась на полу, не будь здесь фиксирующих ремней. Спокойно, она была там только мысленно, это просто реакция тела на резкое возвращение разума. Док открыла глаза и тут же, мучительно простонав, закрыла их: не видно ничего, кроме слепящего белого света, которого здесь и в помине быть не могло.

Как же крепко её торкнуло.

— Рика... — слабо позвала она, когда не смогла обратиться мысленно. Так образ сформировался верно и преобразовался в импульс, пусть и слабый, который её подруга уж точно не должна проигнорировать.

«Можешь отдохнуть, парень в коме», — послышался отрывистый ответ в её голове, тут же Клэй вспомнила, как отдавать мысленные команды, чем не преминула воспользоваться:

«Принеси воды. Нормальной и ледяной. Первую дашь мне выпить, второй окатишь. Нам нужно кое-что обсудить. Заодно скачай новости за последние пять-шесть часов. То, что я не в курсе последних мировых событий, на этот раз сыграло со мной злую шутку».

— Думаешь, наш пациент натворил что-то в мировом масштабе? — теперь голос не в голове Клэй, а совсем рядом.

— Очень надеюсь, что мои опасения не подтвердятся, — прошептала Док. Голос всё ещё не вернулся к ней в полной мере.

— Слушай, а ты уверена, что обычной воды тебе будет достаточно? Выглядишь не очень, — Рика поднесла к губам Клэй кружку воды, та жадно осушила её до самого дна.

— Будем решать проблемы по мере их поступления. Давай.

Рика размахнулась и от души (ну или что там есть у роботов) выплеснула всю воду из ведра на Клэй. Ледяную, как и было заказано. Та вскрикнула, спрыгнула с кресла, не ощутив какого-либо давления фиксирующих ремней, почувствовала себя практически в полном порядке. Голова немного кружилась, так что передвигаться без помощницы было затруднительно, однако вернулась высокая мыслительная активность, и это самое главное.

— Пойдём, я сделаю тебе чай, — Рика набросила на Клэй тёплый плед и повела на кухню. — Тебе удалось что-нибудь узнать?

— О да. И мне это совсем не понравилось.

— Он что, убил кого-нибудь? — фыркнула Рика, чем заслужила очень серьёзный взгляд начальницы, заставивший её нервно сглотнуть. Вся усмешка сошла на нет.

— Помимо того, о чём мы говорили, парень серьёзно болен. Психически. Моей квалификации не хватит на его лечение. Более того, его могут лишить всех прав и отправить

на длительное лечение в психиатрическую клинику... я знаю их методы, они сделают только хуже, не представляю, что мне, нет, что нам делать, — сев за стол, Клэй уронила голову на руки, помассировала виски, размышляя.

— Да что с ним?

— Раздвоение личности — основной диагноз. И куча побочных. Не берусь утверждать однозначно, однако если мы справимся с основным, то решим проблему и с ними.

— То ты говоришь, что тебе недостаточно на это квалификации, то хочешь разом справиться со всеми его отклонениями? Доктор, при всём уважении, додумайтесь до чего-нибудь.

— Я пытаюсь и рассчитываю на твою помощь, но, похоже, ничего, кроме ехидных комментариев не дождусь. У меня есть две идеи: или он болен шизофренией, отсюда и все эти вылазки в другие миры, или все его неприятности с психикой выходят из того, что он действительно странствует между мирами и никак не может взять этот процесс под контроль. Первой можно практически сразу пренебречь: это значило бы, что мы все съехали с катушек...

— Так ли уж уверена ты в своём разуме? Существуют примеры коллективного сумасшествия.

— Знаю, о чём ты. Ни у кого до сих пор нет уверенности, что это было именно сумасшествие: люди запросто могли быть очевидцами тех событий, о которых говорили.

— Врач верящий в мистику — само по себе явление ненормальное, не находишь?

— Тогда ты, как создание безумного ума, тоже не можешь быть здоровой, следовательно, твои доводы и вовсе не стоит принимать в расчёт.

— Эм... — со стороны Рики послышался треск микросхем: не все логические цепочки, строимые человеком, доступны ей.

— Остынь. Просто примем моё психическое здоровье за аксиому, которая не требует доказательств.

— Хорошо. Вот чай... — Рика пододвинула к Клэй кружку с ароматным светлым напитком. Док кивнула, отпила глоток и ненадолго призадумалась.

— Как ты понимаешь, второе предположение суживает поле деятельности и позволяет построить более логичные и последовательные схемы.

— Можно мне?

— Конечно, — слегка удивилась Клэй, плотнее укутавшись в плед: её знобило.

— Поправишь, если что не так. Этот мальчик — первый посланец человеческого божества, он может выходить в другие миры, реально существующие, но держать под контролем свои перемещения — нет. Для этого ему нужна ты.

— Да, — кивнула Клэй.

— Если предположить, что некоторые миры занимают один сайт пространства, то в совокупности они представляют собой один сайт-мир. В доказательство этому служит явление наложения реальностей в аномальных зонах, «местах силы», как их иначе называют. Обычный человек тоже может несколько раз в жизни переметнуться из мира в мир, находящихся на одном сайте.

— К чему ты ведёшь?

— Проводники-Врата — точки соприкосновения всех существующих миров, однако какие-то проявляют себя активнее, а о каких-то это сверхсущество имеет отдалённые представления.

— Ближе к делу.

— Наш Андрей Волков оказывался в мире и теле другого Андрея Волкова, потому что этот мир наиболее близок нашему. Его пребывание там могло быть долгим, а переходы, вероятнее всего, внезапными, так что вторая личность — проекция того человека, кем он становился... — Рика зажмурилась от напряжения. Да уж, это слишком для механических мозгов, так что Доктор решила помочь.

— Ладно, будет с тебя, ты отлично справилась, я считаю примерно так же. Не думаю, что Андрей-2, он же Джей, давай, кстати, так его и называть, а то в этих Андреях можно запутаться до помешательства, так вот, не думаю, что он настолько ужасен, как второе Я нашего героя. Сознание Андрея-1, нашего, то есть, несколько преувеличило негативную составляющую Джея, или же концентрировалось только на отрицательных моментах... если бы он был настолько плох, его бы точно упекли в местную лечебницу, как думаешь?

— Мало ли какие у них там порядки... В нашем-то мире границы нормы расплывчаты, что и говорить об их.

— Расплывчаты. Но раз уж наши миры так схожи, то и этот аспект не должен слишком разниться.

— А может, он тоже псих?

— Или мог быть им, пока не осознал свои возможности и не научился ими управлять... Бинго! Мы нашли, Рика! — от переполнивших эмоций Клэй опрокинула бокал, и в сопровождении громкого звона он разбился на крупные осколки. — Хоть что-то прояснилось. Пошли будить нашего гер... — подорвалась было Клэй, но вспомнила ещё кое о чём, — стоп. Ты скачала новости?

— Давно. Ждала, пока ты вспомнишь.

— Есть что-то интересное? Тут у высших были выпускные, торжественное посвящение во взрослую жизнь, — как можно более небрежно осведомилась Клэй.

— Это связано с тем, что ты видела в голове Андрея-1? — Рика сразу почувствовала подвох.

— Удивительная проницательность... я случайно не настроила тебя на чтение мыслей? Об этом моменте узнала совсем немного, всё прервалось на самом интересном месте.

— Впервые за многовековую историю церемония не состоялась, — отрывисто бросила Рика и замолчала. Клэй выдержала паузу, ожидая, что последует продолжение, но её помощница будто и не собиралась ничего говорить.

— Это всё?

— Ищу по закрытым форумам, — глаза Рики замерцали. — Много жертв... все без видимых повреждений... экспертиза показала внезапную остановку сердца... у некоторых произошло самовозгорание... Те, кому удалось спастись, ничего не помнят... видеозаписи засвечены...

У Доктора Клэй задрожали руки. Она поняла.

— Парня нужно обездвигить. Кресло для выхода в виртуальное пространство подойдёт. И не смотреть ему в глаза. Вторая личность опаснее, чем я вообще могла подумать.

— Что такое?

— Пожалуйста, сделай это побыстрее, я потом всё объясню.

— Ясно. Робот-прислуга, меня не жалко, — плечи Рики поникли, и она покорно отправилась исполнять поручение.

— Не в этом дело... Я просто очень боюсь. Впервые за пятьдесят лет жизни.

Они переглянулись, и что-то во взгляде Клэй заставило Рику действительно поторопиться, не задавая лишних вопросов.

«Он очнулся».

«Сопrotивляется?»

«Нет. Кажется, он не понимает, где он, и не помнит, что его сюда привело».

«Этого и следовало ожидать. Но всё равно сделай так, как я сказала».

«Но он так слаб и беспомощен, чем он может навредить?!»

«Не он. Его второе «Я». Оно владеет гипнозом».

За окном светало. Утренний свет всегда приносит покой, а все ужасы ночи кажутся такими неправдоподобными... Доктор Клэй отчаянно хотела проснуться и забыть об этом мальчишке и всём, с ним связанным. Но проснуться никак не выходит. Придётся поверить. И действовать.

Как?

Больше книг на сайте — Knigolub.net